

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь

Российский центр науки и культуры в Гомеле

Русский язык в диалоге культур

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2019

УДК 811.161.1:008

Русский язык в диалоге культур : сборник научных статей / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Респ. Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле ; редкол. : Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 177 с. – ISBN 978-985-577-512-7

Представленные в сборнике статьи преподавателей вузов, магистрантов, аспирантов и студентов отражают многообразие подходов к изучению русского языка в Беларуси. В условиях диалога культур исследователи обращаются к изучению языковых единиц в социолингвистическом, лингвокультурологическом, когнитивном, сопоставительно-типологическом аспектах. Освещаются вопросы методики преподавания русского языка и русской литературы, русского языка как иностранного.

Адресуется специалистам в области лингвистики, преподавателям, аспирантам и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Редколлегия:

Е. В. Ничипорчик (отв. ред.), В. И. Коваль,
И. Г. Гомонова, И. В. Серикова, И. В. Крюкова

Рецензенты:

доктор филологических наук В. В. Шур,
кандидат филологических наук Е. Н. Воинова

ISBN 978-985-577-512-7

© Учреждение образования
«Гомельский государственный
университет имени Франциска
Скорины», 2019

ТРУДНОСТИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В УСЛОВИЯХ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

А. А. Аксёнчикова-Бирюкова

В статье анализируются причины, вызывающие трудности в освоении русской орфографии в условиях русско-белорусского двуязычия. Рассматриваются принципы современной русской и белорусской орфографии.

Русский язык в Республике Беларусь имеет статус второго государственного языка. Двуязычие в Беларуси является близкородственным. Это обусловлено едиными генетическими корнями и сходством русского и белорусского языков на фонетическом, лексическом и грамматическом языковых уровнях. С одной стороны, наличие сходства облегчает изучение данных языков, а с другой – создает при этом некоторые проблемы.

Полное овладение языком предполагает формирование как культуры устной речи, так и орфографической грамотности. В современной русской орфографии выделено «шесть орфографических принципов, действию которых подчиняется написание соответствующих орфограмм. При этом один из них – фонематический – является ведущим, второй – фонетический – отступлением от фонематического принципа, а четыре следующих: традиционный, исторический, морфологический и дифференцирующий – в отношении дополнительности к ведущему принципу» [1, с. 3]. Суть фонематического принципа заключается в следующем: фонема, находящаяся в морфеме в слабой позиции, на письме обозначается той же буквой, что и в сильной позиции. Таким образом, фонемные написания во всех частях слова разных частей речи можно проверить.

В свою очередь, в белорусской орфографии главным принципом является фонетический, когда буквами обозначаются те звуки, которые произносятся в речи. То есть при письме фонетических орфограмм руководствуются правилом «как слышится, так и пишется». Фонетическое написание присуще как гласным, так и согласным. Оно, без сомнения, проще для понимания, чем фонематическое, и в условиях русско-белорусского двуязычия оказывает большое влияние на пишущих, создавая трудности в освоении орфографии современного русского языка.

К таким орфограммам, вызывающим трудности у белорусов, можно отнести следующие:

1. Проверяемые безударные гласные в корне слова.

В русском языке выбор гласных букв в корне слова зависит от ударения. Согласно принципам русской орфографии, чтобы не ошибиться в написании безударной гласной в корне, необходимо изменить данное слово или подобрать к нему однокоренное так, чтобы в нём проверяемая гласная оказалась под ударением: *домá* – *дом*, *голодный* – *голод*, *костяной* – *кость*, *морской* – *море*, *жемчужный* – *жемчуг*.

В то время как в белорусском языке действует так называемый процесс «аканья», когда ударные гласные звуки *о* и *э* заменяются безударным *а* во всех безударных слогах после твёрдых согласных: *дамы* – *дом*, *галодны* – *голад*, *касцяны* – *косць*, *марскі* – *мора*, *жамчужны* – *жэмчуг*. Таким образом, при написании безударных гласных в корне слова проверка не требуется.

2. Правописание непроизносимых согласных.

В русском языке есть слова, в которых между гласными находится сочетание нескольких согласных (*здн*, *стн*, *стл*, *ндск*, *нтск*, *вств* и др.), одна из которых не произносится. Чтобы проверить написание слов с непроизносимыми согласными, необходимо изменить их или подобрать родственные слова так, чтобы эти согласные стали произносимыми: *сердце* – *сердечный*, *радостный* – *радости*, *звёздный* – *звезда*, *капуста* – *капустный*, *хрустнуть* – *хрустеть*, *шотландский* – *шотландец*, *здравствуйте* – *здравие*.

Согласно фонемному написанию, присущему белорусской орфографии, непроизносимые согласные звуки в середине слова не пишутся: *сэрца* – *сардэчны*, *радасны* – *радасці*, *злосны* – *злосці*, *капуста* – *капусны*, *хруснуць* – *хрусцець*. И при письме подобных слов проверка не нужна.

Как видно, фонетические орфограммы, существующие в белорусском языке, противоречат аналогичным орфограммам современного русского языка, которые основаны на фонематическом принципе и требуют обязательной проверки. Это является значительным препятствием в процессе освоения белорусами орфографии русского языка в условиях русско-белорусского двуязычия.

Как было сказано, русская орфография преимущественно фонематическая, а белорусская – фонетическая, что создает определенные трудности в освоении орфографии русского языка белорусами. Однако сложности возникают и при изучении морфологических орфограмм. Сущность морфологического написания состоит в том, что выбор той или иной буквы происходит в зависимости от грамматического значения некоторой части речи.

К таким орфограммам в современном русском языке относятся, например, связанные с грамматической функцией мягкого знака:

1. Наличие (отсутствие) мягкого знака как грамматического показателя женского (мужского) рода в именах существительных на шипящие и *ч*: *ночь* (ж.р.), *брошь* (ж.р.), *ключ* (м.р.), *меч* (м.р.). Выбор правильного варианта – наличие или отсутствие мягкого знака – связан в данном случае с определением рода имени существительного.

2. Мягкий знак пишется в формах глагола с основой на шипящие и *ч* (в форме повелительного наклонения, в форме инфинитива на *-чь*, в окончаниях глаголов второго лица единственного числа настоящего и будущего времени): *ешь*, *намажь*, *печь*, *беречь*, *пишешь*, *читаешь*, *стричь*.

3. Мягкий знак пишется в наречиях и частицах, оканчивающихся на шипящие и *ч*: *настежь*, *навзничь*, *лишь*, *ишь*.

4. Мягкий знак не пишется на конце основы на *ч* краткой формы качественных имен прилагательных мужского рода: *ветер колюч*, *человек могуч*.

5. Мягкий знак не пишется у существительных первого и второго склонения с основой на шипящие и *ч* в форме множественного числа родительного падежа: (нет) *туч*, *рощ*, *луж*.

Таким образом, морфологическое написание имеет способы проверки, состоящие в определении грамматических значений конкретных частей речи.

В современном же белорусском языке мягкий знак не выполняет грамматической функции. В связи с этим существительные и мужского и женского рода с основой на шипящие пишутся без мягкого знака: *ноч*, *скрыпач*, *брош*, *меч*, *ключ*. Без мягкого знака пишутся в белорусском языке грамматические формы глаголов на шипящие и *ч*: *парэж*, *ляж*, *пішаи*, *чытаеш*, наречия и частицы: *насцеж*, *інакш*, *аж*.

Интерес представляет также такая орфограмма русского языка, как удвоенные буквы в корнях заимствованных слов. Написание слов с данной орфограммой подчиняется традиционному орфографическому принципу, оно не имеет способов проверки, его необходимо запоминать и в случае необходимости обращаться к словарю: *аллея*, *класс*, *масса*, *касса*, *группа*.

Следует отметить, что правописание слов с данной орфограммой вызывает некоторые трудности при изучении русского языка белорусами, так как в белорусском языке при написании подобных заимствованных слов действует фонетический принцип и на месте этимологически удвоенных согласных букв пишутся одиночные: *алея*, *клас*, *маса*, *група*, что негативно влияет на восприятие аналогичного материала в русском языке.

Нельзя не выделить такую орфограмму современного русского языка, как написание буквы *и* после букв *ж* и *ш*, сложности в использовании которой испытывают белорусы, начинающие изучать русский язык. Данная орфограмма отражает историческую мягкость шипящих и

относится к исторической. «Исторические орфограммы – это буквы, обозначающие фонемы в сильной или слабой позиции, выбор которых осуществляется с опорой на знание исторических фактов или процессов, происходящих в фонетической системе русского языка» [2, с. 3]. В русском языке действует правило: *жи* и *ши* пишется с буквой *и*, которое следует запомнить: *жизнь, жираф, шитьё, шиповник, шило*.

В современном белорусском языке в данном случае действует фонетический принцип, согласно которому необходимо писать после *ж* и *ш* букву *ы*: *жыццё, жырафа, шыццё, шыпына, шыла*.

На основании выполненного анализа можно сделать вывод, что фонетический принцип является основным в орфографии современного белорусского языка, в то время как использование его в русском языке в настоящее время весьма ограничено. Это, несомненно, является препятствием при изучении белорусами русского языка и формировании русской орфографической грамотности в условиях русско-белорусского двуязычия. Таким образом, необходимо проводить детальное сопоставление данного русского и белорусского орфографического материала на уроках русского языка, что будет способствовать повышению уровня орфографической грамотности белорусов.

Список использованных источников

1. Боженко, Л. Н. Теория современной русской орфографии как основа обучения правописанию / Л. Н. Боженко // Русский язык и литература. – 2014. – № 4. – С. 3–14.
2. Боженко, Л. Н. Теория современной русской орфографии как основа обучения правописанию / Л. Н. Боженко // Русский язык и литература. – 2014. – № 9. – С. 3–15.

This article analyzes the causes of difficulties in mastering Russian spelling in the conditions of Russian-Belarusian bilingualism. The principles of modern Russian and Belarusian spelling are considered.

УДК 811.161.1'42'242:821.161.1 – 191*И.А.Крылов

«БАСНЯ КРЫЛОВА» В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Р. Д. Алейник, Е. В. Ничипорчик

В статье описывается функционирование сочетания «басня Крылова» в речи носителей русского языка. На материале текстов Национального корпуса русского языка определен состав басен Крылова, к которым обращаются

носители русского языка в связи с рефлексией на те или иные ситуации; способы отсылки к басням-претекстам с авторской атрибуцией, коммуникативные намерения продуцентов речи, использующих сочетание «басня Крылова» в качестве маркера актуализации интертекстуальных связей.

В повседневном общении, в беседе или полемике человек нередко обращается к мудрости предыдущих поколений. Люди ассоциируют имена знаменитых ученых, писателей и поэтов с их достижениями и заслугами, иногда такие ассоциации «оседают» в языке.

Всем русскоговорящим людям с детства известны басни Крылова. Широкая известность баснописца послужила основанием для образования в сознании носителей русского языка достаточно стойкой ассоциативной связи слова *басня* с именем Крылова. Об этом свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ [1]): из 2237 употреблений (в том числе и в переносном значении) слова *басня* в Основном корпусе в 258 контекстах оно сочетается с именем Крылова, что составляет 11,5% от общего числа вхождений слова *басня* в НКРЯ. Для сравнения приведем в процентах удельный вес сочетаний слова *басня* с именами других баснописцев: с именем Эзопа – 1,7 %; Лафонтена – 1,5%; Михалкова – 0,3%. Высокая степень предсказуемости ассоциативной связи слова *басня* в сознании носителей русского языка со словом *Крылов* позволяет воспринимать данное сочетание как коллокацию (под коллокацией в широком смысле понимается «комбинация двух или трёх слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости» [2, с. 135]). Сочетание же *крыловская басня* из-за сниженной коннотации значительно уступает по частотности употребления в текстах НКРЯ словесному комплексу *басня Крылова*: в Основном корпусе отмечается только 30 вхождений этого сочетания, в Газетном – 15 вхождений.

Наблюдения над употреблениями сочетания *басня Крылова* в текстах НКРЯ показывают, что данное сочетание реализуется в двух основных функциях:

1) репрезентативной – для обозначения басен Крылова как собственно предмета речи, рассматриваемого вне прямого или косвенного соотношения с их содержанием: *Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire), не противоречит нами сказанному (А. Пушкин. Опровержение на критики (1830)); – Я ещё могу басню Крылова и матросский танец «Яблочко», – с подобострастной готовностью предложила я (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009));* в таких контекстах слово *басня* используется в значении литературного произведения вообще;

2) метаязыковой – для маркирования в сочетании с другими языковыми средствами отсылки к содержанию басни Крылова (к содержанию прецедентного текста, имеющего конкретного автора), в том числе для обозначения «перехода» от «языка» продуцента речи к «языку» автора прецедентного текста: *Мусорный улов – это все, что ваши читатели узнали о нынешнем юбилейном Блоковском празднике поэзии! В лучших традициях басни Крылова, слона, как водится, не заметили* (Можно ли приватизировать великого поэта? (2001) // «Известия», 2001.08.24); *Тут не было злого умысла или сознательного кощунства, а просто все случилось по пьяному делу. В басне Крылова про повара-грамотея тоже было сказано: «Он набожных был правил, а в этот день по куме тризну правил», а по сему случаю напился пьяным. Но он делал выговор коту совершенно приятельски, не пугая кота, так что тот продолжал и при поваре «убирать» курчонка* (Митрополит Вениамин. На рубеже двух эпох (1940–1950)). Мы используем понятие «метаязыковая функция» при описании сигналов включения в текст прецедентных единиц вслед за В. Хлебдой, который еще в начале 90-х годов прошлого века предложил рассматривать кавычки и метаоператоры типа *как говорят, как говорится, как это принято называть, как говаривали наши предки, по любимому выражению журналистов, говоря словами наших политиков* и др. (исследователь называет их также «метаязыковые операторы») в функции выделителей фразем и «сверхлексемных единиц языка» в корпусных данных [3, с. 151–152]. В настоящее время термин «метаоператор» активно используется во фразеологии, паремиологии, корпусной лингвистике для обозначения маркеров включения в речь прецедентных единиц, в том числе маркеров, указывающих на авторскую принадлежность (авторскую атрибуцию) прецедентного текста, к которому обращается продуцент речи [4; 5; 6; 7 и др.].

Какие же именно басни Крылова приходят на ум носителям русского языка и что вообще побуждает продуцентов речи к употреблению сочетания *басня Крылова* в метаязыковой функции?

Анализ материала показал, что список басен, обращение к которым фиксируется в НКРЯ с метаоператором *басня Крылова*, представлен 34 позициями. Наиболее частотными оказались: «Лебедь, Щука и Рак» (12 употреблений); «Ворона и Лисица» (7 употреблений), «Кот и Повар» (4 употреблений). Басни «Волк и Ягненок», «Любопытный», «Пустынный и Медведь», «Лисица и виноград» с авторской атрибуцией упоминаются три раза; «Мартышка и очки», «Листы и корни», «Стрекоза и Муравей», «Щука и Кот», «Лев и Мышь» – по два раза. О 22 баснях речь идет с использованием метаоператора *басня Крылова* лишь единожды: «Воспитание льва», «Два Голубя», «Свинья под дубом», «Квартет», «Крестьянин и Работник», «Кукушка и Петух», «Лев состарившийся»,

«Щука», «Лисица и Сурок», «Лягушка и Вол», «Мот и Ласточка», «Оракул», «Орел и Куры», «Свинья», «Собака», «Сочинитель и Разбойник», «Слон и Моська», «Журавль и Цапля», «Волк на псарне», «Котел и Горшок», «Трудолюбивый Медведь», «Три мужика».

Обращает на себя внимание то, что самой востребованной оказалась басня «Лебедь, Щука и Рак». Популярность этой басни подтверждается и другими данными: в Основном корпусе фиксируется в общей сложности (в том числе и без метаоператора *басня Крылова*) 49 контекстов (55 вхождений), в которых употребляются имена персонажей этой басни; а в Газетном корпусе – 70 контекстов (75 вхождений); ставшее крылатым басенное выражение *воз и ныне там* в Основном корпусе встречается в 64 контекстах, в Газетном – в 222. Если учесть эти цифры, а также тот факт, что при жизни И. А. Крылова эта басня тоже была очень популярна, можно прийти к выводу, что ценность единства, согласованности членов того или иного сообщества в русской культуре высока, потому столь частотны оценочные рефлексии на отсутствие этого единства. Будем надеяться, что разобщенность в коллективах все же не является приметой сегодняшней действительности.

Остальные персонажи и сюжеты басен оказались менее востребованными в речи: так, упоминание персонажей басни «Волк и ягненок» фиксируется в Основном корпусе 29 раз, «Ворона и Лисица» – 19. Выражение *А Васька слушает, да ест* (из басни «Кот и повар») характеризуется только 11 вхождениями в Основной корпус и 18 вхождениями в Газетный корпус. Возможно, такие категории, как «сила», «лесть», «проницательность» менее «обсуждаемы» носителями русского национального сознания.

Сочетание *басня Крылова* формирует разного отсылки к конкретным басням. Для переключки нового текста с басней, выступающей маркированным по своей авторской принадлежности претекстом, используются следующие приемы:

1) упоминание имени персонажа / персонажей басни: *Кажется, что все с подковыркой, с тайным смыслом, как в басне Крылова про стрекозу и муравья* (М. Елизаров. Pasternak (2003)); *Ситуация в нынешнем российском правительстве больше всего напоминает басню Крылова про лебедя, рака и щуку* (М. Ростовский. Трое в лодке, не считая народа // «Московский комсомолец», 2003.01.11).

2) упоминание названия басни: *Впрочем, другие участники конференции активно поддержали идеи Степашина, сравнив ситуацию с басней Крылова «Лебедь, рак и щука»* (Л. Новиков. Министерство госконтроля. Сергей Степашин хочет быть главным в чиновном Интернете // «Известия», 2002.02.14); *И чем-то напоминает сюжет*

известной басни Крылова «Кукушка и петух» (Ю. Рахаева. Другой «Юрий Милославский». Книги недели // «Известия», 2002.08.21);

3) воспроизведение фабулы / эпизода басни, т. е. повторение при обозначении окказиональной ситуации содержания / части содержания басни:

- с использованием языковых кодов из прецедентного текста: *Они существуют только из-за грандиозных целей. Это, извините меня, басня старика Крылова. Жрут методы-жёлуди и рылом подрывают корни дуба, на котором эти жёлуди растут...* (Ф. Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996); *Фофан, мне показалось, раздувался, как лягушка, та самая, из басни Крылова, которая решила сравниться в толщине с быком* (Е. Белкина. От любви до ненависти (2002));

- с синонимической заменой использованных в басне кодов: *Израильское общество напоминает мне известную телегу в басне Крылова, которую тащат в разные стороны представители всех этнических и социальных групп* (Д. Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов // «Сибирские огни», 2013);

- с контаминацией синонимических замен и языковых кодов из прецедентного текста: *И здесь у самого ручья, Совсем как в басне у Крылова (Хочу я в скобках вставить слово), Осел увидел Соловья и говорит ему* (А. Козлов. Козел на саксе (1998)); *Это царствование напоминало басню Крылова «Оракул»: жрецом, сидевшим во внутренности пустого кумира, был Ришелье; Людовик XIII превосходно играл роль истукана – пустого, бездушного или, выражаясь точнее, душою которого был кардинал Ришелье...* (К. Биркин (П. П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга вторая (1871));

В некоторых случаях отсылка к тексту басни может «держаться» на двух, трех словах, тонко намекающих на прецедентную единицу, и сильно отличаться от развернутых реминисценций: *В том давнем сюжете важно не то, что у Сергея Боровикова, Михаила Золотоносова, Аллы Марченко, Виктора Топорова и Сергея Чупринина были противоположные прозаические симпатии, а то, что у них были очень мощные общие чувства к определенным поэтам. – Иными словами, всех объединил Виктор Соснора? – И он, и Светлана Кекова. Не знаю, насколько члены того жюри были персонажами басни Крылова, – я разговаривал по крайней мере с тремя из них, и никто особенно на коллег не сетовал* (Ю. Рахаева. А. Немзер: «Безответственные решения плохи в любой премии» // «Известия», 2002.11.12);

4) цитация:

- с использованием кавычек: *Один из его фельетонов был сплошь написан излюбленными редактором фразами, поговорками, цитатами: «Уж сколько раз твердили миру», – начинался фельетон стихом басни*

Крылова, и, перечислив избитыми словами все то, о чем твердили миру, Робинзон меланхолически заканчивал перечень: **«А Васька слушает, да ест»** (М. Горький. Жизнь Климса Самгина. Часть 2 (1928));

• без кавычек: (Абрамыч, nick) Рынок вниз, а голдуха вверх – 1217, 46 (+0, 79%) В пнд. золотодобытчики, предположительно, вверх! (Mbvani, nick) 1729, 75 1065 – 14, 685% это действительно крутая бумага? (mihas777, nick) как в басне **Крылова**. **Уж сколько раз твердили миру....** акции рентабельных золотодобывающих компаний на рынке – бред сивой кобылы (коллективный. Форум: Золото Якутии :) (2010));

5) контаминация названных выше приемов: *Не учитываем так называемый фактор адресата: вспомним басню Крылова «Кот и повар» – весь риторский запал повара израсходован впустую: «А Васька слушает, да ест!»* (О. Семенец. А Васька слушает, да ест! Риторика, или искусство говорить как путь к успеху // «Наука и жизнь», 2008); *Жуковский отвечал, что это похоже на услугу медведя в басне Крылова; медведя, который, сгоняя муху, «хватит друга камнем в лоб!»* (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти (1869)).

Обращение носителей русского языка к басням Крылова как претекстам мотивируется, как правило, желанием продуцента речи выразить небеспристрастное, оценочное отношение к окказиональной ситуации в сопоставлении с прецедентной ситуацией, дать характеристику, оценку действиям / поведению того или иного лица, группы лиц в сопоставлении с действиями / поведением того или иного басенного персонажа / басенных персонажей.

Наблюдения показывают, что в большинстве случаев средством выражения оценочного отношения при актуализации связи нового текста с басней-претекстом является аналогия. Аналогия, как правило, способствует усилению критического, иронического отношения к тому, что подлежит описанию в тексте. Наиболее типичным для выражения значения сходства является употребление структур с союзом *как*. Чаще всего сравнительный оборот / придаточная сравнительная часть включает имя персонажа / персонажей басни, т. е. сравнению подвергается действие / поведение какого-либо лица / лиц с действиями / поведением персонажей басни: *как ворона / голубь / лягушка / лисица / лебедь, рак и щука в басне / из басни Крылова; как в басне Крылова про...: «Звезды», как лебедь, рак и щука в басне Крылова, устремлены в разные стороны, не желая подчинять свои актерские индивидуальности требованиям пьесы* (И. Куликова. Режиссерская «культура» в стране доллара // «Советское искусство», № 19 (1159), 1949); *Несказанно польщенная, совсем как ворона в басне Крылова, я немедленно соглашаюсь, что это я*

и есть, нетвердо при этом зная, чем я так знаменита (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)).

Активно используются для проведения аналогии между окказиональной ситуацией и ситуацией, представленной в прецедентном тексте, структуры с глаголом *напоминать* (*напоминает басню Крылова / сюжет басни Крылова / ситуацию / телегу /... в басне Крылова*): *И при этом слушание дела в Московском городском суде очень напоминает ситуацию, описанную в басне Крылова: «А Васька слушает да ест»* (И. Шадаев. Нет смысла рассуждать о законе // «Однако», 2010); *вспомнить* (*невольнo вспоминается / вспомним басню Крылова*): *Но лишь дело коснется рассмотрения состава предложения и начнется приведение примеров, между коими попадетя на грех безличное предложение, тогда наши составители учебников грамматики поднимут такую разноголосицу, что невольнo при этом вспомнишь басню Крылова про лебедя с братией* (А. Дмитриевский. Практические заметки о русском синтаксисе, II // «Филологические записки», 1877); реже структуры *сравнить ситуацию с басней Крылова; вести себя в соответствии с басней Крылова; похож на ... в басне Крылова, по аналогии с ... из басни Крылова*: *Очевидно, он догадался, что ответ Самуила Ароновича был бы похож на ответ волка ягненку в знаменитой басне дедушки Крылова* (В. Рецепттер. Ностальгия по Японии (2000)).

Значительно реже окказиональная ситуация представляется как не сходная с басенной, а противоположная ей. Актуализация ассоциативной связи окказиональной ситуации с прецедентной осуществляется в таком случае в изобразительных целях: *Власть рассредоточилась. Ее очажки то вспыхивали, то едва тлели в трех кабинетах: Вадима, Альберта Авдеича и парторга, объединившегося с плановичкой, с главным бухгалтером и с редакционной завшей, женой политически активного космонавта. Но вопреки басне Крылова, воз тащился и даже не скрипел. Каждый понедельник начинался с азартного обсуждения кандидатуры будущего директора...* (О. Новикова. Женский роман (1993)).

Иные структуры, маркирующие интертекстуальные связи: *намек на басню Крылова, в традициях басни Крылова, это басня Крылова*, – представлены эпизодично: *Причем забавно было сделано – сыр раздавала Нина Семеновна Остерлихер, сестра барона, одетая в виде вороны, что дало такой комический намек на басню Крылова* (С. Юрский. Осенний бал (1993)).

Наблюдения также показывают, что выражение оценки поведения людей, ситуации, сложившейся в результате ошибочного поведения кого-либо, с отсылкой к басням Крылова может осуществляться в разных коммуникативных регистрах: констативном, рогативном и

волюнтаристическом; сравн.: *Сюда, по истине, представительные учреждения внесли сразу разлагающее начало народной жизни, представляя из себя в иных случаях жалкую карикатуру Запада, напоминающую басню Крылова «Мартышка и очки»* (К. Победоносцев. Московский сборник (1896)); *Почему листья должны себя считать привилегированнее корней, без которых, по выражению известной басни Крылова, «не стало бы ни дерева, ни листьев»?!.* (А. Корнилов. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве (1903)); *Не мешало бы некоторым литературным начальникам почаще перечитывать басню Крылова «Пустынник и медведь»* (Г. Фукс. Двое в барабане // «Звезда», 2003).

Как видим, сочетание *басня Крылова* в своей метаязыковой функции служит авторской атрибуции прецедентного текста и выступает связующим звеном между окказиональной и басенной ситуацией, актуализация связи между которыми способствует выражению небеспристрастного отношения продуцента речи к лицу или лицам, чье поведение подобно поведению басенных персонажей, а также к окказиональной ситуации в целом, подобной той, что подлежит критической оценке в басне.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. – Дата доступа : 04.02.2019.
2. Захаров, В. П. Анализ эффективности статистических методов выделения коллокаций в текстах на русском языке / В. П. Захаров, М. В. Хохлова // Диалог 2010: мат-лы конф. по компьютерной лингвистике. – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 135–143.
3. Chlebda, W. Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy / W. Chlebda. – Opole, 1991. – 198 s.
4. Даниленко, Л. Интертекстуальные реляции паремий / Л. Даниленко // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М. : Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 47–51.
5. Гомонова, И. Г. Исследование паремиологических единиц с использованием материалов Национального корпуса русского языка / И. Г. Гомонова // Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина : сб. науч. ст. Вып.1 / В. И. Коваль (ответств. ред.) (и др.); М-во образования РБ, ГГУ им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – С. 108–112.
6. Гомонова, И. Г. Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий / И. Г. Гомонова // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2018. № 1 (106). – С. 54–58.
7. Хлебда, В. Метаоператоры в функции поисковой системы в обработке ресурсов Рунета для лексикографических целей / В. Хлебда // Rossica olomucensia. – Olomouc, 2010. – Vol. XLIX Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2. – С. 57–66.

The article describes the functioning of the combination “Krylov's fable” in the speech of the speakers of the Russian language. Based on the texts from the National

Corpus, the composition of Krylov's fables is determined, to which native Russian speakers refer in connection with reflection on certain situations ways of referring to pretext fables with author attribution; communicative intentions of speech producers using the Krylov's fable as a marker of the intertextual connection actualization.

УДК 811.161.1'42'373:2-13:821.161.1'06-1

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Е. Ф. Асенчик

В статье анализируются особенности индивидуально-авторского преобразования лексики сакрального характера в поэтических текстах современных русскоязычных поэтов, выявляются характерные модели трансформации значений лексем Бог, Всевышний, Господь, Отче.

Современная европейская цивилизация построена на разделении религиозных и светских сфер человеческой жизни. Однако по своей природе человек принадлежит к двум мирам – профанному и сакральному, и, как отмечал Мирча Элиаде, мирское существование никогда не встречается в чистом виде, оно обязательно «сохраняет в себе следы религиозных оценок мира», что, несомненно, отражается в языке [1]. Явная противопоставленность в современном языке понятий «мирское» и «священное» при лингвистической реконструкции соответствующих лексем указывает на их внутреннее единство. Как и в других оппозициях, одно всегда предполагает наличие другого, определяется через свою противоположность, являясь тем самым частью единого целого.

Лексика, вошедшая в язык из церковнокнижной сферы (её традиционно принято называть латинским по происхождению термином *сакральная*), широко использовалась и используется в разных жанрах литературного языка, и это позволяет ей оставаться значимой в современном мире и не уходить в пассивный запас языка.

В широком же смысле *сакральное* – это всё имеющее отношение не только к Божественному, религиозному, небесному, но и вообще потустороннему, иррациональному, мистическому, отличающееся от обыденных вещей, понятий, явлений. Вероятно, именно элемент необычности, таинственности, мистичности, многоплановости сакральной лексики всегда привлекал поэтов: практически невозможно назвать ни

одного сколько-нибудь значительного художника слова, который бы не обращался в своем творчестве к древним языческим, библейским сюжетам, не говоря уже о том, что у большинства писателей и поэтов можно найти слова или выражения, восходящие к Библии и вообще к духовным сферам, связанным с высшим миром.

Интересен язык произведений писателей советского периода, в котором отражена лексика, характерная именно для данной эпохи и демонстрирующая изменения в политической, культурной и религиозной жизни страны. Состав религиозной лексики, по сравнению с предыдущими периодами, остался практически прежним (это же можно сказать и о современной литературе), но функции её в художественных текстах несколько изменились. Авторы советского периода и начала девяностых годов либо вообще не используют религиозную лексику (кроме ставших частью разговорной речи религиозных клише *слава богу, бога ради* и др., а также церковно-богословских терминов (типа *Новый завет, Пасха, успение* и др.)), либо достаточно вольно трактуют библейские сюжеты, расширяют значение религиозных образов, привнося в них элементы авторского видения описываемых ситуаций. Как писал Вольфганг Казак, немецкий славист, известный литературный критик, «задачи церкви и литературы существенно отличаются друг от друга. Церковь проповедует учение Христа; литература показывает, как люди с этим учением живут, как они это учение видят, воспринимают, что оно для них значит» [2].

Период начала XXI века (с 2000-го до нынешнего года) демонстрирует явный рост интереса общества к религии, соответственно, выросла и потребность в новом освоении религиозной лексики. Освоение это происходит по-разному, в том числе и посредством поэтических произведений, в контексте которых рассматриваемая лексика нередко подвергается семантической трансформации, десакрализируется.

Анализ языкового материала [3] показал, что в современной поэзии среди лексем сакрального характера наибольшую частотность обнаруживают слова *Бог (Господь, Всевышний, Отче), Ангел, Дьявол, ад, рай, крест*. В данной статье мы более подробно остановимся на лексеме *Бог* (и традиционных синонимичных наименованиях *Всевышний, Господь, Отче*).

Во многих стихотворных произведениях данная лексема употреблена в традиционном для нее значении 'верховное существо, управляющее миром', к которому обращается лирический герой в надежде на помощь и благосклонность: *Храни Господь двух бабушек бумажных (и с ними иже всех, кто будет стар)* (Светлана Чернышева); *Пошли мне, Бог мой, храбрости такой,/ Чтоб жизнь отдать за слабых и несчастных* (Игорь Ларионов); *И прошлого дней не итожа,/ Я справа налево пишу:/ Прости*

меня, господи **Боже**,/ За все, что еще совершу (Леонид Латынин); А до икон достать – длина руки... А до небес – обычная верста... Старуха вяжет зимние носки, Она не хочет, **Господи**, до ста... (Людмила Орагвелидзе).

Однако наибольший интерес представляет уход современных авторов от поэтической традиции, индивидуально-авторское переосмысление сакральной сущности, именуемой Богом: *наверное я верю богу больше чем тот кто в храме зажигает свечи целует крест и прочие дела... <...> наверное мой мозг не так устроен чтоб докучать **всевышнему** молитвой* (Евгений Орлов).

В современной поэзии сразу обращает на себя внимание использование обращения к Богу с несколько десакрализованным значением, словно к обычному собеседнику, с которым можно обсудить любые проблемы: *Уважаемый бог, я нарочно с тобою без отчеств по понятному ряду достаточно веских причин, не подумай плохого – я помню, по классу пророчеств у тебя наивысший, к тому же, единственный чин; Оставь на час своим придворникам весь этот шум и тарарам, давай с тобой, **Всевышний**, дёрнем-ка на брудершафт по триста грамм* (Юлия Драбкина); *Там, где в небе лунная запятая, тропы краше торных земных дорог. Я смеюсь, над крышами пролетая, и машу ладошкой – ну, здравствуй, **Бог**, как живешь, дружище?* (Алина Марк).

Несомненно, что персонификация «верховного существа» в некоторой степени была свойственна почти всем периодам его существования. По религиозным представлениям, Бог создал человека по своему образу и подобию, соответственно, человек пытается «материализовать» в языке образ Создателя, наделяя его «человеческими» предикатами. Наиболее ярко это можно наблюдать, например, в русских народных пословицах, где Бог – активный участник человеческой жизни, ставший частью не только сакрального, но и бытового пространства народа. Это чаще всего выражается глаголами действия *даёт, бьёт, кормит, приносит* и др.: *Бог долго ждёт, да больно бьёт; Послал Бог работу, да отнял черт охоту; Бог тучу пронесет и ведро принесет; Дал Бог рыбу, даст и хлеба; Не товаром Бог кормит, а купцом.*

Однако персонификация в современных поэтических текстах становится ещё более выраженной, приближающейся в семантическом плане к десакрализации: Бог не только совершает действия, свойственные человеку, он сам представлен в образе человека, со всеми его потребностями, слабостями, атрибутами быта и социума, его разнообразными ощущениями.

В ветхозаветные времена считалось, что любая попытка человека изобразить Бога фигуративными средствами никогда не приблизится

к истине, так как Бог качественно превосходит весь тварный мир – всё, что создано им самим, и всё, что способен создать человек, поэтому существовал запрет на подобные изображения. Новый Завет тоже говорит о неопишемости Бога Отца. Современному же обществу, долгие годы лишенному религиозности, видимо, потребовалась некоторая материализация символов, чтобы сгладить противопоставленность «мирского» и «священного», на что и отреагировала в первую очередь поэзия как средство образной систематизации внешнего мира. Бог в стихах перестает быть непостижимым абстрактным образом, теперь его можно увидеть, услышать, ощутить: *Бог не старик, он – лялечка, малыш, он так старался, сочиняя пчёлку. Смотри, как хвойный ёжик непричёсан, как черноглаза крошечная мышь...* (Надя Делаланд); *И ждем дороги правильной и единственной, так, чтоб пойти и выйти куда захочется. Стоит – замучен, тощ совсем, неказист – спиной, наверно, стонет – когда же все это кончится. А что поделать – сам ведь все это выдумал, копайся теперь в их обидах, изменах, ревности, он оглянулся и извинился – выйду, мол, вернусь и отвечу каждому по потребностям. Сидит на крыльце и смотрит с испугом на руки – зачем все это, оно ж никому не нравится, а небо уже над ним разожгло фонарики и дышит холодом – ох, артрит разыграется. А в доме пахнет лекарством, горелой кашею, болит висок и сердце стучит все глуше и...* *И он опускает голову, нервно кашляет и хриловатым голосом: «Я вас слушаю...»* (А. Кудряшева); *...богу некогда, он намотал клубок из ошибок, страхов, беды, вины, из сомнений и ран твоих нутряных, богу некогда, он тебе вяжет шарф, хочет петли накидывать, чуть дыша, хочет спицей о спицу стучать в тиши, никуда до осени не спешить* (Светлана Лавреньтьева); *Ну а этот оставил записочку от руки: «Гражданина Вселенной может лишить гражданства только Бог»* (Татьяна Аинова); *Господь давал помечтать, посидеть за рулём лимузина-мира, а затем, как щенка, бросал назад и вставлял ключ-рассвет в зажигание...* (Дмитрий Близнюк).

Интересно наблюдать, как с течением времени меняется контекст употребления рассматриваемых лексем: языковые детали четко вырисовывают приметы нашего времени, становясь семантическими маркёрами современной реальности: *...господи, сделай небесное сальто, дай как-то выжить без личного сайта, дай безнаказанно определиться, не заводя персональной страницы. не спрашивай, где тут валяется флэшка...* (Анна Аркатова); *Звонили, звонили богу – да номер занят. Или вне зоны доступа бороду бреет бог* (Олег Бабинов); *Как ни дыши, как призраков ни мучай, не оживут фигурки анимэ. Тонул весь мир в том падающем снеге Божественных посланий* (Анатолий Столетов); *И когда*

демиург, подчинившись порыву, потому что он тоже над главным не властен, потому что он только талантливый мастер, **выйдет в чат и напишет спешащим курсивом...** (Ирина Валерина).

В последнем контексте *Бог (демиург)* вовсе «лишается» автором своего основного значения, перестает восприниматься как «верховное существо»: он уже «над главным не властен», он просто «талантливый мастер»: десакрализация достигла своего апогея. Как ни странно, подобная семантическая трансформация говорит не о выходе за рамки сакрального пространства. Скорее, о расширении этих рамок, о тесном контакте сакральной лексики с «мирским» содержанием действительности, что указывает на большой семантический потенциал, на дальнейшие возможности яркого художественного воплощения сакральной лексики в поэтических произведениях.

Список использованных источников

1. Элиаде, М. Священное и мирское [Электронный ресурс] / М. Элиаде. – Режим доступа : http://yakov.works/lib_sec/26_ae/aeli/ade_01.htm. – Дата доступа : 28.02.2019.
2. Казак, В. Сегодня невозможно без Христа [Электронный ресурс] / В. Казак. – Режим доступа : http://www.ng.ru/person/2000-01-13/1_jesus.html. – Дата доступа : 25.02.2019.
3. Площадь Мира. Антология // Сборник избранных стихотворений авторов и членов жюри Международного конкурсного портала Stihi.lv. – СПб. : АураИнфо, 2018. – 454 с.

The article analyzes the peculiarities of the individual author's transformation of the lexis of a sacral character in the poetic texts of modern Russian-speaking poets, identifies characteristic models of the transformation of the meaning of the lexemes God, the Most High, the Lord, the Father.

УДК 811.161.1'373.611

К ПРОБЛЕМЕ ОБОСНОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ЛЕКСЕМ *КАИН* И *ОКАЯННЫЙ*

Д. Б. Балаш

*В статье с позиций современной лингвистики обосновывается родство лексем с этимологическим корнем *koi-/*kai-. Семантическая реконструкция выполнена с привлечением лингвокультурологических фактов. Близость корневых морфем можно считать генетически обоснованной.*

«Елици же прияша Его, даде имъ область
чадомъ Божиим быти, верующимъ во имя Его...»
(Библия)

Библейская история Каина широко известна. Она породила множество произведений как в мировой, так и в русской литературе. Все они – варианты мотива поведения данного персонажа в зависимости от того, что стимулировало автора описать сюжет. Если проанализировать, что говорит о Каине Библия [1], то ключевым элементом окажется – «первый». Каин – первый человек, родившийся от папы и мамы, создатель первого города на нашей планете. Однако о другом первенстве вспоминают люди, называя это имя. Каин – виновник первой смерти на Земле. Он убил своего брата. Через много тысяч лет на Руси убийц и разбойников стали называть окаянными. Одним из первых, письменно так названных, был Святополк. Прозвище это за ним закрепилось. С библейским Каином он ассоциируется не только на основании братоубийства. Преподобный Нестор Летописец в «Чтении о житии, убиении и чудесах блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба» пишет так: «...враг (диавол – прим. Д. Балаш) вошёл в сердце старшего брата Святополка, который хотел один владеть всей страной и оттого, окаянный, стал замышлять зло на праведного, решив его погубить. Но не попустил ему Бог. Когда о том узнал их благоверный отец, то призвал блаженного Бориса к себе – да не прольется кровь праведного. Тогда окаянный еще больше разгневался на блаженного» [2]. Враг вошёл в сердце, теперь Святополк – окаянный. Как и «хозяин» его сердца. Ведь диавола называли не только враг или лукавый, но и окаянный. Теперь Святополк (и другие) проявляют свою волю в дерзновенном правлении миром. В рамках морфосемантической реконструкции проследим родство лексем *Каин* и *окаянный*.

В самом, пожалуй, «народном» «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль описывает: «*Ка́инъ, каинка*, бранное [отъ библейскаго Каина] самый наглый сорванецъ, отчаянная голова, готовый на все» [3]. Есть в этом словаре и лексема *окаянный*: «проклятый, нечестивый, изверженный, отчужденный, преданный общему поруганью; недостойный, жалкий; погибший духовно, несчастный; грешник. Но окаянный не только “какой?”, но и “кто?”: злой дух, нечистый, диавол, сатана: *Окаянный соблазнил. Окаянный сквозь землю, Господь по земле!*» [3]. Эта лексема прижилась в народном сознании, появились производные: «*окаяница* – окаянный люд или дела, и все, что к ним относится; *окаянничать, окаянствовать* – пребывать в окаянстве, жить преступно, богопротивно, во грехе» [3]. Но ведь окаянный – это не только тот, кто

живёт себе на уме, но и тот, кого окаяли: «окаивать, окаять кого, церк. признать от(из)верженным или достойным проклятия, отчуждения кроме» [3].

В. В. Колесов пишет, что *окаяти* одновременно значит ‘осуждать и оплакивать’. Это скорее не гнев, а скорбь. *Окаянный* – не просто подлый, но также в чем-то провинившийся человек, его изгоняют из рода, сами от этого страдая. «Все греческие слова, которые переводились на славянский язык словом *оканьный*, имеют значения ‘несчастный, горемычный, роковой, жалкий, достойный сожаления, внушающий сострадание, бедственный’, а еще и ‘осужденный, дерзновенный’ или просто ‘безумный’. Тот, кто вышел за границы обычного, кто стал надо всеми и потому обязан уйти» [4]. Видимо, первым окаянным был Денница – первый ангел, восставший против Бога, первый, кто по гордости осужден на изгнание. Ангелам дано право выбора, но у них нет возможности покаяния. Их выбор сразу в вечности. Человек создан для вечности, но пока он живет во времени, его право выбора аргументируется и корректируется по ходу событий.

Далее В. В. Колесов пишет о том, что для средневекового писателя было очевидно: «не сам по себе человек становится окаянным, не по собственной воле решается он на такой шаг – ведет его злая сила; сами же они не ведают, что творят» [4]. Лукавый-окаянный-сатана окружает человека, околдовывает, лестью обводит, манит, «ум за разум» заходит, и бедняга мается, ведь окружен обманом. Значение ‘вокруг’ здесь можно выразить с помощью латинского термина *цикл*. Каин зациклился в самоуверенности. Если Адам и Ева покаялись, т. е. поняли и признали правоту Бога, то Каин остался при своём мнении. Покаяние, которым он пренебрег, восходит к глаголу *каять(ся)* [5, с. 115–116], который по древнейшим формам языков индоевропейской семьи соотносят с порицанием: ‘искажать, донимать, бить, ругать, проклинать’. Вполне с точки зрения того, кто принимает каяние. Ведь обязанности тоже ‘обвязывают’. Но с позиции того, кто каяние преподает – оно является наставлением, воспитанием, проявлением заботы. Каждому новому человеку рассказывают правила поведения в обществе, объясняют его обязанности. Нарушающих закон привлекают к ответственности – призывают повернуться к благоразумию. *Покаяние* в русском языке, как и в греческом, и в еврейском, значит ‘оборачиваться’, ‘возвращаться’, это духовный процесс изменения взглядов. По-каяние как по-беда – результат, опыт, согласие с внешними данными.

В Древней Руси символы христианских текстов накладывались на славянские образы морфем, обобщали их синкретичный смысл. Каждое слово относилось к определенному кругу лиц или явлений. Сегодня эти

слова можно отнести к любому явлению или лицу, потому что в основе их смысла лежит уже не образ, а понятие с соответствующим содержанием. Именно заикленность на своём мнении лежит в основе окаянства. Знание, но игнорирование правил. Тотальная самоуверенность ассоциируется с окаянством и сегодня. В церковнославянских текстах *Каин* пишется через *ї* [1, с. 4] и произносится как [ка́јин]. Напрашивается деление на морфемы *кај-ин-*. В русском языке суффикс *-ин-* очень продуктивный, но слово это не русское, потому деление только фонетическое, уместно рифмующееся со словами *барин, хозяин*. Когда человеку рекомендуют, но дают право выбора, так и говорят: «хозяин – барин». Однако упомянутый суффикс *-ин-* в русском языке, присоединяясь к основе глагола, даёт существительное со значением ‘результат действия’: *пробить – пробоина*. Древний суффикс **-n-*, прикрепившись к корню **koi-//*kaī-* в праславянском языке дал схожий результат: *каять – каина > цена*.

Лексема *цѣна* имеет родство с древнеиндийским *cinóti* ‘складывает’, греческим *ποιέω* ‘делаю’ и славянским **ĉinъ* ‘дело, действие’. Сравнивается также со среднеирландским *cin* (**k^uin-*) – ‘вина’, далее – с праславянским **kajati*. По соответствиям в языках индоевропейской семьи можно говорить о том, что древнейшим значением было ‘отмщение’, ‘расплата’, потом – ‘штраф-вира’ за какую-либо вину. Позже добавились духовные составляющие: цена может быть не только ‘возмездие, наказание’, но и ‘честь, почет’; не только материальной меркой – ‘награда’, но и нравственной – ‘достоинство, почетное звание’; а самое главное – греч. *ποινή* объединяло значения ‘покаяние, возмещение, наказание’, греч. *τίνω* – ‘плачу, каюсь’ [6, с. 182].

Рассмотрим родство русских лексем с Каином.

Имя *Каин* – транслитерация греческого *καίνος* ‘новый’, которое восходит к еврейскому *qajin-* ‘приобретение’. Ева не просто родила нового человека – плод от семени, новое поколение – она поняла цену непослушания, приняла «основы безопасности жизнедеятельности» и получила надежду на прощение. Теперь счастье нужно было ковать. Для того чтобы Каин стал человеком, его следовало каять – воспитывать. Но теперь уже не только говорили о правилах и их соблюдении, но и констатировали последствия принимаемых решений и совершаемых поступков. Каину ситуация казалась отмщением, Еве – рас платой.

Из двух греческих слов, употребляемых в Новом Завете и обозначающих ‘новый’ – *neos* и *kainos*, – первое означает ‘то, чего не было там прежде’ или ‘то, что только что возникло или появилось’, а второе – ‘нечто новое и отличающееся’ от других предметов. Так в имени *Каин* кроме значения новизны заложена семантика отличительности. Всем

известно о существовании так называемой каиновой печати. А. Ткаченко пишет: «Знамение, данное Богом Каину, было не наказанием, а свидетельством того, что он находится под защитой Господа. Бог сделал ему это отличие по просьбе самого Каина. Открыв счет человеческим смертям, он очень боялся, что в изгнании его самого могут убить. «И сделал Господь [Бог] Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт 4:15). Каинова печать – знак не гнева, а милосердия Божия, с которым Он относится ко всем людям без исключения. Даже к таким, как Каин» [7].

Несколько раз Каину предлагалось покаяться для прощения. То и другое – результат действия с разных сторон в направлении одной цели. Можно просить и получать прощение, морфосемантика которого говорит о предстоянии, прямодушии, свободе от искажений. «И сказал Господь [Бог] Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твоё? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт 4:6–7) [8, с. 12]. Это было предупреждение – совет, которым Каин пренебрег. В Евангелии Иисус Христос отсылает фарисеев к словам из книги пророка Осии: «Милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений» (Осия 6:6) [8, с. 801]. Здесь сходятся значения древних корней: *gene- I ‘жизнь рода’ и *koi- ‘покой общения’ возможны при исполнении *gene- II ‘ведения’ *kai- ‘воспитания’. Знания получены от родителей, а жизнь прожить нужно свою. Видимо, первому человеку, не видевшему рай, поверить в его существование было так же трудно, как и нам сегодня.

Каину нужно было оценить ситуацию и покаяться, а он предпочел гордость. Так наш герой стал окаянным. Древнейшим русским обозначением родовой патриархальной общины было слово *гой*. Оно и теперь сохранилось в лексеме *изгой* – ‘отвергнутый член общины’. *Окаянство изгоя* укладывается в рамки морфосемантического соответствия на основании сопоставления корней *ġenə-* и *kuel-*, которые О. Н. Трубачев в своей книге «Труды по этимологии: Слово. История. Культура» рассматривает как тождественные, с той лишь разницей, что «на одной из древнейших стадий взаимоотношений названий родства основным термином для ‘родить’ является *ġenə-* (от него же образовано древнее *ġenəs-* ‘род’), а *kuel-* ведет себя как технический термин – ‘вертеть’» [9, с. 246–250]. И корень *koi-//*kai- всё время напоминает о том, что нужно поворачиваться и сравнивать себя с образцом, принимать решения, оглядываясь на духовность. Между лексическим значением и внеязыковой действительностью нет равенства, но есть близость корневых морфем.

Язык – это универсальное средство общения людей. Он сохраняет единство народа в исторической смене поколений. Лексемы *Каин* и *окаянный* обнаруживают генетически общий корень, который до сих пор живёт, в том числе, в имени сказочного мальчика – Кая. Как это ни странно, семантика лексемы *Кай* во многих языках отражает представления разных народов о рае как месте общего покоя лучших представителей рода-племени. В морфосемантическом поле корней **koi-* // **kai-* (вполне сопоставимых с древнейшим **k̑e-* > **kenə-* // **ġenə-*) до сих пор сохраняется информация о том, как этот рай наладить. Наша совесть является ковчегом завета, т. е. законом внутри каждого человека, и сообщает: «*Покайтесь*, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4:17) [8, с. 1043]. Для *окаянного Каина цена покоя – покаяние*. Как кузнец выковывает из металла предметы быта, так человек куёт свой характер. Можно окружить себя стеной, а можно отказаться от создания вавилонской башни и приступить к ремеслу благоустройства души.

Рассматриваемый корень **-koj-//*-kaj-* прослеживается в большом количестве лексем, так или иначе связанных с *покоем, покаянием, ценой*, семантически отражающих как первоначальную общность человеческого коллектива, так и сопоставимость морфем. Древнейшей для корня можно предположить словопроизводную связь с семантикой ‘дело, действие’, ‘плата за содеянное’. Единство не только языка, но и религии прослеживается в семантической реконструкции лексем *Каин* и *окаянный*, подчеркивая, что многие образы древнего языка проявляются в современной речи, знаменуя тем самым нерасторжимую связь времен.

Список использованных источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами // репринтное изд-е. – М. : «Сибирская благовонница», 2006. – 1680 с.
2. Преподобный Нестор Летописец. Чтение о житии, убиении и чудесах блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.anosinomonastir.ru/>. – Дата доступа : 13.02.2019.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : <http://slovardalja.net/>. – Дата доступа : 05.02.2019.
4. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3 : Бытие и быт. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 400 с. – (Филология и культура) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.rulit.me/. – Дата доступа : 18.11.2018.
5. Этимологический словарь славянских языков / праславянский лексический фонд / под ред. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. – Выпуск 9 (*jъz - *kľenъje). – М. : Наука, 1983. – С. 115–116.

6. Этимологический словарь славянских языков / праславянский лексический фонд / под ред. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. – Вып. 3 (*bratъсь – *сьгку). – М. : Наука, 1976. – 199 с.

7. Ткаченко, А. Каин: печать милосердия [Электронный ресурс] / А. Ткаченко. – Режим доступа : <https://foma.ru/kain-pechat-miloserdiya.html>. – Дата доступа : 13.03.2018.

8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское общество, 2006. – 1337 с.

9. Трубачев, О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура / О. Н. Трубачев. – Т. 1 . – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 800 с. (Opera etymologica. Звук и смысл).

*In this article, the relationship of lexemes with the etymological root *koi-//*kai- is substantiated from the standpoint of modern linguistics. Semantic reconstruction was performed using linguistic and culturological facts. The proximity of root morphemes can be considered genetically justified.*

УДК 37.091.3:811.581'35-057.875(=581)

ЭТНОМЕТОДИКА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ

В. А. Белодед

Статья посвящена вопросу повышения качества преподавания русского языка как иностранного. Рассматривается влияние этнокультурной и этнопсихологической специфики на языковое сознание студентов, изучающих русский язык. Исследуется процесс адаптации учебно-образовательного процесса к условиям межкультурной коммуникации.

В последние годы заметно вырос интерес к изучению русского языка как иностранного (РКИ). При этом заметная роль отводится формированию качественной образовательной среды обучения. Под образовательной средой понимается психолого-педагогическая реальность, представляющая собой сочетание объективно сложившихся исторических условий и намеренно созданных педагогических обстоятельств, направленных на формирование и развитие личности учащегося [1]. Образовательную среду составляет множество факторов: экономических, социальных, культурных, этнических, лингвистических. Особую значимость имеют последние три фактора, которые позволяют разработать модели обучения РКИ с учетом этнокультурной специфики иностранцев, желающих овладеть русским языком.

В настоящее время между Китайской Народной Республикой и Беларусью быстрыми темпами развивается сотрудничество в разных сферах, в том числе и в сфере образования. Иностранцы начинают изучать русский язык, выступая не только как язык, необходимый в процессе учебы, но и как средство коммуникации в повседневной жизни в условиях белорусской действительности. При разработке методических комплексов упражнений по русскому языку представляется необходимым учитывать этнопсихологические особенности китайского народа.

Начнем с того, что в китайском языке нет алфавита, как в привычных нам европейских языках. Основу китайской письменности составляют 214 ключей, представляющие собой базовые знаки, которые обладают особой значимостью и опираются на изображение объекта, т. е. иероглифическое письмо передает в первую очередь смысловую нагрузку, а не фонетическое отображение. Китайцы создавали иероглифы, основываясь на зрительном контакте с миром, проводя параллель между каким-то предметом действительности и его изображением в своем языковом сознании. Действительно, иероглифы 火 (огонь), 田 (поле) выглядят как костер с языками пламени или поле.

Довольно проблематичным является вопрос, связанный с точным количеством китайских иероглифов. В различных словарях приводятся разные показатели. Например, Большой словарь китайских иероглифов (汉语大字典) включает 54 678 знаков. Чжунхуа Цзыхай (中华字海) состоит из 85 568 иероглифов и является на сегодняшний день крупнейшим печатным словарем китайских иероглифов [2]. Современные словари содержат обычно не более 20 000. Напомним, что среднее количество иероглифов, которым должен владеть среднестатистический китаец, равняется 5000 знаков. Отметим, что столько же должен знать иностранец-китаист. Высокоинтеллектуальный китаец обычно владеет 8000 иероглифов. Всё это указывает на то, что мнемические способности у китайского народа развиты на высоком уровне. Превалирующим типом памяти является, конечно же, зрительный, хотя двигательный тип тоже занимает немаловажную позицию. В связи с этим целесообразным будет предлагать китайцам-русистам, только начавшим изучать русский, упражнения, затрагивающие зрительный канал восприятия.

В первую очередь, это субституционные упражнения, направленные на замену какой-то определенной части грамматической конструкции. Причем само грамматическое явление, которое мы хотим передать, остается прежним. Замена подлечит лексическое наполнение. Как мы видим из Таблицы 1, целью данного упражнения является закрепление в лингвистическом сознании вариативной синтаксической модели

построения вопроса, выражающего определенные намерения. Кроме знакомства с синтаксической конструкцией, учащийся также сможет расширить свой словарный запас, используя новые слова для подстановки и формирования вопроса. Как правило, лексический запас расширяется путем подстановки синонимов. Мы не обходим стороной и этнокультурный фактор. Ни для кого не секрет, что культ еды в Китае играет важную роль. Еда выступает не как жизненная потребность, а как что-то сакральное и неотъемлемое в судьбе каждого человека. Даже здороваясь на улице, китаец вместо традиционного приветствия задаст вам вопрос: «你今天吃饭了吗?» (Вы ели сегодня?). Без трапезы не будет проводиться ни деловая встреча, ни иная дружеская коммуникация. Если вы откажетесь пообедать либо поужинать с китайскими коллегами, они воспримут это как оскорбление и личную обиду.

Таблица 1 – Пример субституционного упражнения

Что ты хочешь купить	в буфете	из мясных блюд?
	в столовой	из диетических блюд?
	в магазине	из первых/вторых блюд?
	в закусочной	

Следующий не менее важный этнокультурный фактор – один из принципов конфуцианства, обозначающий сыновнюю почтительность. Принцип сяо (孝) связан с долгом детей любить, уважать и подчиняться воле родителей. Косвенно эта модель отношений затрагивала и принцип подчинения народа своему правителю страны. Сам иероглиф состоит из двух компонентов: ключа 耂 (старый) и графемы 子 (ребёнок), что напрямую отражает лексическое значение графического изображения принципа сяо. Культ предков в китайском мировоззрении можно поставить на один уровень с культом еды. В целом надо отметить, что традиции конфуцианства по-прежнему занимают отнюдь не последнее место в жизни каждого китайца. Конфуцианство – весьма своеобразное этико-философское учение, господствующее положение в котором занимает не Бог, а нравственные установки и правила. Другими словами, религия здесь считается вторичной, а мораль – первичной. Мы можем утверждать, что основу учения составляет рационализм, базирующийся на справедливости и мудрости. Из этого исходит ещё один принцип жэнь (仁), который заключается в гуманности и человеколюбии: «Справедливостью платите за несправедливость, добром за добро» [3].

Выделим такую черту, как трудолюбие и четкое исполнение своих обязательств в жизненном круговороте. Китаец будет исполнять строго

предназначенную ему роль. На примере учителя и учащегося это выглядит следующим образом: для модели общения будет характерен крайне слабый межличностный контакт между преподавателем и аудиторией, обратная связь по принципу проведения занятия в виде диалога также затруднена. В соответствии с этим преподавателю нелегко проверить сформированные навыки и умения, используя современную методику составления плана занятий, свойственную европейским странам и ориентированную на полилог с учащимися. Типичная модель проверки знаний в китайских учреждениях образования – тест с вариантами ответа. Китайцы, которые едут обучаться за границу, стараются держаться своей группой, изолируя себя от окружающего мира лаоваев – так китайцы называют в разговорной речи иностранцев. Такие особенности их поведения тесно связаны с историческими и культурными процессами, происходившими в Китае много лет назад. Во-первых, напомним, что иероглифическая письменность и так создала трудности понимания Китая другими народами. Даже иностранные слова, которые в принципе заимствует любой язык, при записи иероглифами могут приобретать совершенно иное значение. Например, *кока-кола* в русском языке не несет дополнительного смысла. В китайском языке название напитка звучит как 可口可乐, что дословно можно перевести «*можешь выйти, можешь радоваться*» [4] – слово 可 чаще переводится как *рот*, но также имеет значение входа и выхода. Во-вторых, географическое положение также обусловило предпосылки для изоляции китайского народа. Хотя территория страны огромна, но естественным способом отделена от своих соседей. На западе расположились горы и пустыни, на юго-западе находятся Гималаи. Акватория Тихого океана омывает Поднебесную с востока и юго-востока. На севере мы столкнемся с пустынями Монголии, а на юге Китай отделен от Вьетнама труднопроходимыми лесами. Всё это, а также авторитет императора и трудные бытовые условия выживания в Древнем Китае, повлияло на формирование таких качеств, как терпение, замкнутость, дисциплинированность, коллективизм в границах своей китайской диаспоры.

Учитывая специфику языка китайцев, можно сделать вывод, что этот народ склонен к завуалированным высказываниям своих мыслей, выражению идей намёками, проведением ассоциаций. Следовательно, китайцам было бы интересно усваивать язык в процессе игры, решая ребусы и загадки. Можно предложить следующие модели упражнений:

1) Решите ребусы и запишите получившиеся слова на русском языке. Примечательно, что фонетическое оформление иероглифа, который подставлен в русское слово, при транслитерации позволяет получить фонетическую транскрипцию, полностью соответствующую русскому

произношению того или иного слова. М一р, ма十на, 四р, 书м, 鼠тка, пр样ик, ш矮ба. Приведём ключи для прочтения данных слов: 一 (и), 十(ши), 四 (сы), 书(шу), 鼠(шу), 样(ян), 矮(ай). Разумеется, что любой китаец, у которого уже состоялось знакомство с русским алфавитом, сможет прочитать данные слова без особого труда. Положительным фактором выступит использование привычных для учащегося иероглифов. Это позитивно мотивирует студента, когда он увидит свой родной язык в контексте упражнений, направленных на расширение лексической базы. Слова можно группировать по тематическим группам: животные, растения, транспорт и т. д.

2) Прочитайте, выучите наизусть новые русские слова.

– *Бабушка, конфетку дай. – На, держи, кричит 奶奶 (найнай, бабушка).*

– *Проезжаем мы дома, едем на лошадке 马 (ма, лошадь).*

– *В аквариум ты рук не суй: в нём китайская 金鱼 (дзиньюй, золотая рыбка).*

– *Под берёзой пробегаю, над берёзой летит 鸟 (ньяо, птица).*

Уместно будет сопровождение упражнений рисунками, так как при этом учитываются особенности визуальной памяти китайцев. Расширяя словарный запас, можно параллельно освоить грамматическое правило. Например, последнее предложение про птицу и березу было бы неплохо проиллюстрировать, изобразив дерево, человека и птицу. Таким образом мы разъясним употребление предлогов *над* и *под*.

На наш взгляд, процесс преподавания русского языка для иностранцев, обучающихся в русскоязычных странах, должен быть плавным и переходным: пусть сначала это будут тесты с вариантами ответов, подкрепленные упражнениями подобного типа, которые внесут ноту разнообразия в сухую подачу материала. Пусть китайский студент, выросший в условиях патриотизма и настроенный поначалу настороженно по отношению к иностранным реалиям, почувствует веяние своей культуры и на чужбине. Конечно, огромную роль здесь играет и умение преподавателя РКИ владеть хотя бы на незначительном уровне родным языком китайских студентов. В некоторых моментах это существенно облегчает работу обеих сторон. Синтез русского и китайского языков для создания комплекса упражнений по предмету РКИ для китайцев – беспроблемный вариант укрепления дружественных отношений между народами и повышения уровня образования для иностранных студентов. Однако, как уже было отмечено, стоит учитывать национальные особенности китайцев и их приверженность традициям.

Более сложный тип упражнений – репродуктивный, направленный на прочтение диалога или текста, который нужно дополнить словами,

подходящими по смыслу, либо составление текста по аналогии. Допустим, мы предложим китайцу русский текст про китайский Праздник Весны или Праздник Фонарей, который надо пересказать на русском языке или наполнить новым контекстом и новыми подробностями. При этом следует выбирать тексты, в основе которых будут отражены реалии как Беларуси, так и Китая, чтобы учащиеся могли развивать лингвокультурную компетентность. Полезны также упражнения, основанные на переводе с одного языка на другой. За основу берется китайский текст, который должен быть переведен на русский язык. И снова в качестве неотъемлемого навыка выступает владение преподавателем РКИ китайским языком. Многие китайцы отмечают, что китайская грамматика очень гибкая, тесно связанная с китайским мышлением и требующая не формального понимания, а именно чувства языка. Учащиеся смогут сами проследить различия в русском лингвистическом мышлении и в китайском. Те структурные типы предложений, которые используются в русском языке, часто неприемлемы для китайского. В качестве примера приведем притяжательные прилагательные, образующиеся с помощью суффиксов *-ин (-ын)*, *-ов (-ев)*, *-ий (-й)*: *бабушкин дом*, *лисья нора*, *папина машина*, *мамина книга*. В китайском языке значение принадлежности предмета кому-либо будет выражаться с помощью частицы 的: *妈妈的书* (*мамина книга*), *爸爸的车* (*папина машина*), *奶奶的房子* (*бабушкин дом*). На первое место ставится субъект (*妈妈 мама*, *爸爸 papa*, *奶奶 бабушка*), затем частица принадлежности (的) и только в конце объект, которым субъект обладает.

Таким образом, перспективы развития этнометодики занимают важное место в процессе преподавания РКИ на нынешнем этапе внедрения инноваций в образовательный процесс. Процесс обучения языку должен осуществляться с учетом этнокультурных особенностей иностранцев, изучающих русский язык.

Список использованных источников

1. Тарасов, С. В. Образовательная среда: понятие, структура, типология [Электронный ресурс] / С. В. Тарасов. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-ponyatie-struktura-tipologiya>. – Дата доступа : 24.02.19.
2. Китайский язык онлайн (сайт о китайском языке) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://studychinese.ru/articles/4/200/>. – Дата доступа : 27.02.19.
3. Введенский, А. И. Общая история философии [Электронный ресурс] / А. И. Введенский. – Режим доступа : <https://books.google.by/books>. – Дата доступа : 25.02.19.

4. Сердюк, Ю. Менталитет китайцев / Ю. Сердюк // Журнал «География». – № 8. – 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300803>. – Дата доступа : 26.02.19.

The article is devoted to the issues of the quality level of teaching Russian as a foreign language. The influence of ethnocultural and ethnopsychological specificity on the linguistic consciousness of Chinese students learning Russian is considered. Adaptation of educational process to the linguistic and cultural paradigm is investigated.

УДК 378.147:811.161.1'243:378.095(510)

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ КИТАЙСКОГО ВУЗА

С. Н. Бойкова

В статье описываются особенности преподавания русского языка китайским студентам на примере Шанхайского профессионального института индустрии, коммерции и иностранных языков, дается характеристика учебных пособий по аудированию, приводится пример экзаменационного задания.

Изучение русского языка в Китае сегодня набирает популярность, в настоящее время русский язык изучает около 25 тысяч человек на 160 факультетах и в институтах русского языка [1].

Как отмечают китайские аналитики и сами преподаватели русского языка, в преподавании русского языка в Китае существует ряд проблем, среди которых – однотипность учебных планов и видов деятельности при изучении русского языка, а также одинаковое название факультетов (русского языка и литературы), что ведет к дефициту разнообразия специальностей и спросу специалистов на рынке труда. По мнению доктора исторических наук, преподавателя Фуданьского университета Чжао Шифэна, «...почти все преподаватели русского языка главным образом изучают русскую лингвистику и литературу, мало кто обращает внимание на русскую историю, географию, экономику, политику и т. д., они считают, что такие исследования – дело ученых других факультетов... Вследствие чего после окончания университета многие студенты только немного знают грамматику и русскую литературу и плохо справляются с разными видами перевода, поэтому расширить круг знаний студентов является необходимой задачей в процессе обучения» [2, с. 201]. Ученый

отмечает также проблему недостаточного обновления учебников по русскому языку, зачастую содержащих устаревшую информацию.

Разработкой учебно-методических пособий и учебников для вузов по русскому языку в основном занимаются Пекинский университет иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков и Хэйлунцзянский университет [3]. На наш взгляд, учебники и учебные пособия, предоставленные в распоряжение студентов и преподавателей на сегодня, вполне соответствуют современным методикам и требованиям при организации учебного процесса в вузе.

В Шанхайском профессиональном институте индустрии, коммерции и иностранных языков также есть факультет русского языка, где изучают русский язык в течение трех лет. Кроме того, студенты данного учебного заведения могут продолжить обучение на платной основе в вузах России или Беларуси.

Овладеть коммуникативной компетенцией на русском языке, не находясь в стране изучаемого языка, – трудная задача. Поэтому в последнее время с целью повышения качества овладения иностранным языком китайские вузы все чаще приглашают иностранных преподавателей – носителей изучаемых языков. Если на факультетах английского, немецкого, японского и других языков иностранные специалисты работают давно, то на факультете русского языка в Шанхайском институте такой опыт впервые был применен в 2018 году.

Каковы же основные особенности преподавания русского языка в данном учебном заведении Китая?

В целях повышения качества преподавания почти все китайские университеты используют технические средства обучения (ТСО). В Шанхайском институте почти все аудитории оборудованы мультимедийными аппаратами, благодаря чему преподаватель может использовать аудио- и видеоматериалы, что повышает интерес к учебе и уровень восприятия на слух иностранной речи.

В качестве негативной стороны преподавания следует отметить большую наполняемость групп по изучению иностранного языка (группа до 45 студентов на подгруппы не делится). Такое положение создает значительные трудности в процессе обучения, приводит к невозможности уделить внимание каждому студенту в течение занятия. Поэтому в китайских вузах индивидуальный подход в обучении не практикуется, а применяется практика коллективного обучения. В течение занятия студенты хором повторяют упражнения вслед за преподавателем, незначительная часть времени используется для самостоятельной работы. Отметим и то, что большую часть занятия китайские русисты говорят на родном языке, что также не способствует эффективному изучению языка.

В процессе обучения иностранному языку задействованы разные виды деятельности, включая аудирование. Аудиовизуальный курс русского языка как вид речевой деятельности предполагает овладение иностранным языком и развитие речевых компетенций путем слушания и понимания. Важная роль в этом процессе отводится преподавателю – носителю языка, который в аудитории может скорректировать темп речи, поменять тембр голоса, смоделировать речевую ситуацию и вовлечь в нее учащихся, создать те трудности, которые испытывает обучаемый в реальной жизни, слушая русскую речь.

В Шанхайском институте в образовательном процессе на аудирование отведено четыре аудиторных часа в неделю. Студенты занимаются по учебнику И. В. Таюрской «Базовый аудиовизуальный курс русского языка», состоящему из трех частей и имеющему сквозное поурочное расположение материала. В учебнике содержится лексический минимум по всем основным темам социальной коммуникации, начиная со знакомства и заканчивая лингвострановедческими сведениями о российских праздниках. Материал учебника разбит на уроки по темам («Семья», «Учеба», «Рабочий день», «Спорт» и т. д.), в конце второй и третьей частей учебника размещен русско-китайский тематический словарь. Упражнения учебника ориентированы на китайскоговорящего студента. Материал подается от простого к сложному, разделен на рубрики, содержит разноплановые задания. Диалоги и тексты, записанные на компакт-диске мужскими и женскими голосами людей разного возраста, знакомят студентов с особенностями учебы и быта в России. Каждый тематический урок завершается песней на русском языке, к которой прилагается лингвострановедческий комментарий на русском и китайском языках.

Кроме указанного учебника на занятиях используются тексты и диалоги, подготовленные преподавателем. В полной мере задействованы ТСО: по темам занятий готовятся презентации, подбираются видео- и аудиоматериалы, на китайский язык переводятся новые слова и выражения, для видеоматериалов на экран выводится информация на китайском языке, передающая основное содержание. Преподаватель на занятии вовлекает студентов в диалоги и дискуссии по проблемным и спорным вопросам, развивая и укрепляя речевые компетенции.

Каждая лексическая тема завершается контрольной деятельностью: словарный диктант, сочинение на заданную тему, устное монологическое высказывание, подготовка диалогов в группе или паре. Кроме того, каждый читаемый курс предполагает промежуточный контроль – экзамен в середине семестра – и итоговый экзамен в конце семестра.

Материалы экзамена готовятся в виде теста, который выявляет навыки и умения учащихся. Для аудирования это: 1) восприятие общего смысла текста, умение правильно ответить на вопрос в соответствии с услышанной информацией; 2) способность реагировать на диалогическую речь, умение определять место и ситуацию диалога, правильно определять услышанное; 3) освоение слов, шаблонов предложений и грамматических знаний; умение разграничивать отдельные слова в потоке речи; 4) способность восстанавливать последовательность информации и выбирать нужную для ответа на поставленные вопросы.

Знания студентов оцениваются по стобалльной шкале, каждое задание оценено определенным количеством баллов в зависимости от степени сложности. Условия заданий приводятся на русском и китайском языках. Приведем пример бланка ответа студента:

Задание 1. Прослушайте текст, ответьте на вопросы. Всего за задание 30 баллов (за каждый правильный ответ 3 балла). 任务1. 听文本, 回答问题。 只是工作30分 (10个问题, 每个正确答案3分)

- 1) Какое хобби у Наташи?
- 2) Кто её любимый поэт?
- 3) Наташа знает стихи наизусть?
- 4) Какие поэты ей ещё нравятся?
- 5) Сколько лет прожил Лермонтов?
- 6) Какая картина М. Врубеля висит в Третьяковской галерее?
- 7) Кто любимый писатель Наташи?
- 8) Что ей больше всего нравится у Чехова?
- 9) Какое произведение Чехова Наташе нравится больше всего?
- 10) Наташе нравится современная литература?

Задание 2. Прослушайте диалоги и определите, где происходит разговор. Всего за задание 15 баллов (за каждый правильный ответ 3 балла). 任务2. 听对话, 并确定对话发生的地方。 共15分 (每个正确答案3分)。

- 1) Они разговаривали...
а) в аудитории; б) в библиотеке; в) в поликлинике.
- 2) Они разговаривали...
а) в аудитории; б) в автобусе; в) на улице.
- 3) Они разговаривали...
а) в аудитории; б) в библиотеке; в) в цирке.
- 4) Они разговаривали...
а) в ресторане; б) в магазине; в) в гостинице.
- 5) Они разговаривали...
а) дома; б) в магазине; в) в кафе.

Задание 3. Посчитайте слова в предложениях. Всего за задание 10 баллов (за каждый правильный ответ 1 балл). 任务3. 计算句子中的单词。
 ◦ 对于每个正确答案1点。 只为任务10键。

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Задание 4. Прослушайте диалоги А, Б и восстановите последовательность реплик. Всего за задание 30 баллов. 任务4. 听对话 А, Б 和恢复序列的副本。 只为任务30键。

	А		Б
	Здравствуйте! Давайте познакомимся. Меня зовут Андрей. А тебя?		Здравствуйте! Вам что-нибудь показать?
	Сколько ей лет?		Скоро зима, и я хочу зимнее пальто.
	Мне очень приятно с тобой познакомиться.		Да, я бы хотела пальто красного цвета.
	Нет. А ты?		Какой размер вам нужен?
	А меня Джим. Андрей, сколько тебе лет?		Вот это пальто мне нравится. Сидит, кажется, хорошо. Мне идёт?
	У меня есть сестра.		2000 рублей.
	Она замужем?		Здравствуйте! Я хочу купить пальто.
	Я тоже очень рад нашему знакомству.		А у вас есть другой цвет?
	Я тоже не женат.		Красивое... А сколько стоит?
	У меня есть брат. А у тебя?		Вам нужен какой-то определённый?
	А мне 23 года.		46-48.
	Мне 20 лет. А тебе?		Вот, пожалуйста, несколько моделей. Можете примерить.
	А у тебя есть брат или сестра?		Вот, пожалуйста.
	Ты женат?		Могу предложить вам несколько моделей. У нас на этой неделе было новое поступление товаров.
	Нет, она не замужем.		А какое пальто – зимнее или осеннее?
	Ей 20 лет.		Да, вам эта модель и этот цвет очень идёт.

Задание 5. Прослушайте информацию. Выберите вариант ответа (+). Всего за задание 15 баллов (за каждый правильный ответ 1 балл). 任务5. 听听信息。 选择您的答案(+). 对于每个正确答案1点。 只有15点的分。

	А		Б	
1	у меня аспирантура		у меня температура	
2	учитель лечится		учительница	
3	две пары утром		нет пары утром	
4	я не буду завтракать		я не буду завтра	
5	в пятницу в пять		в пятницу опять	
6	ты дома ужинал		ты с Томой ужинал	
7	стоите на балконе		стоит она на балконе	
8	в гостиной гости		они не в гости	
9	снег идёт		с ней идёт	
10	в июне жарко		июнь не жаркий	
11	какая погода?		Какие полгода?	
12	там, на небе		там я не был	
13	на выходных		на выход их	
14	у Коли каникулы		у кого каникулы?	
15	поезд в Москву		поездка в Москву	

После проверки итогового экзамена делается анализ, выявляющий недочеты в работе, а также излагаются пожелания по совершенствованию курса.

Примечательно, что итоговые результаты значительно превосходят промежуточные, что свидетельствует о важности использования аудирования в процессе обучения иностранному языку и значимости личности преподавателя в образовательном процессе, который направлен на то, чтобы через слуховое восприятие, распознавание речи учащийся в конечном счете начал говорить на изучаемом языке.

Список использованных источников

1. Живая очередь за языком // Российская газета – Федеральный выпуск № 244(7410) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru/2017/10/26/den-cziun-v-160-vuzah-kitaia-uchat-russkom-u-iazyku.html>. – Дата доступа : 07.03.2019.
2. Чжао, Ш. Преподавание русского языка в Китае в последние 15 лет / Ш. Чжао // Молодой ученый. – 2012. – № 9. – С. 200–201.
3. Русский язык в Китае // Информационный портал фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruskiymir.ru/media/magazines/>. – Дата доступа : 07.03.2019.

The article describes the conditions for teaching Russian to Chinese students on the example of the Shanghai Professional Institute of Industry, Commerce and Foreign Languages, describes the teaching aids on listening, gives an example of an examination task.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ «ФРАК» В ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» Н. В. ГОГОЛЯ

М. С. Борисенко

Статья посвящена вопросу функционирования художественной детали «фрак» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». Определен художественный смысл, связанный с обращением автора поэмы к описанию гардероба Чичикова. Раскрывается символика цвета фраков, которые носил Павел Иванович.

В настоящее время существует множество исследований, посвященных проблеме художественной детали. Литературоведы отмечают, что художественная деталь зачастую служит средством характеристики отдельного персонажа, выполняет роль сюжетобразующего элемента, «работает» на идею, способствует выражению авторской позиции.

Важной деталью для раскрытия характера персонажа является его костюм. «Костюм можно рассматривать как знак, и даже как своеобразный социокод культуры...», – приходит к выводу исследователь М. П. Полихова в своей диссертационной работе «Символика костюма в контексте культуры» [1]. Такого же мнения придерживается и Л. А. Давыденко в работе «Костюм в художественном мире Н. В. Гоголя: повествовательные циклы, письма» [2]. Объектом анализа для этого исследователя послужили «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород».

Костюмная лексика используется Н. В. Гоголем во многих произведениях, в том числе в поэме «Мертвые души» [3]. Наше исследовательское внимание было привлечено такой деталью гардероба Павла Ивановича Чичикова, как фрак.

Данный выбор не является случайным. С привлечением поискового ресурса Национального корпуса русского языка нами установлено, что в произведении «Мертвые души» фиксируется 249 вхождений слов, служащих для наименования платья, и 42 вхождения из общего числа составляет слово *фрак*. Чаще всего это слово встречается в связи с именем Павла Ивановича Чичикова.

В толковом словаре С. И. Ожегова дано следующее определение значения слова *фрак* – ‘род парадного сюртука с вырезанными спереди полами и с длинными узкими фалдами сзади’ [4, с. 857]. Как видим, фрак относится к парадному виду одежды.

Вообще, фрак был очень популярным видом мужского платья среди элиты русского общества в девятнадцатом веке. П. Н. Толстогузов в статье «Фрак в тексте русской культуры XIX века» отмечает, что «фрак – одна из ключевых костюмных метонимий русского героя <...>, это самая выразительная одежная деталь в предметно-символическом реквизите нашей классической литературы» [5].

Фрак появился в русской культуре примерно во второй половине восемнадцатого века вследствие активизации контактов России с западноевропейскими странами. Ношение фрака означало приверженность к кругу свободомыслящих людей. Отношение к фракку, однако, было самым различным. Известно, например, что Павел Первый 24 января 1797 года издал указ, согласно которому вводился запрет на ношение неугодной государю одежды, то есть такого «немецкого платья», как круглые шляпы, фраки, жилеты, панталоны, ботинки, сапоги с отворотами и тому подобное [6]. Однако через некоторое время фрак постепенно входит в обиход и становится обязательным элементом гардероба представителя образованного сословия и просто делового человека, фрак стал подчеркивать статусную принадлежность лица.

В эпоху Гоголя в моде были цветные фраки. Интересно, что сам Николай Васильевич очень трепетно относился к своему гардеробу. Вот, например, что говорит о Николае Васильевиче в 1849 году его современник Лев Иванович Арнольди: «Иногда Гоголь поражал меня своими странностями. Вдруг явится к обеду в ярких желтых панталонах и в жилете светло-голубого, бирюзового цвета; иногда же оденется весь в черное, даже спрячет воротничок рубашки и волосы не причешет, а на другой день, опять без всякой причины, явится в платье ярких цветов, приглаженный, откроет белую, как снег, рубашку, развесит золотую цепь по жилету и весь смотрит каким-то именинником. Одевался он вообще без всякого вкуса и, казалось, мало заботился об одежде, а зато в другой раз наденет что-нибудь очень безобразное, а между тем видно, что он много думал, как бы нарядиться по красивее» [7].

Впервые в тексте произведения слово *фрак* встречается в самом начале поэмы: *...встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульской булавкою с бронзовым пистолетом* [3]. С первых же страниц Гоголь хочет сформировать у читателя типичный для эпохи образ щеголя. В русской ментальности щегольство считалось вызовом, оппозицией домашней и светской жизни. Причем этот образ почти всегда ассоциировался с типичным к нему отношением недоверия, неприятия, при условии, что щегольство это носит выраженный заграничный характер. Все это

является отголоском еще павловской эпохи. Следует отметить, что повествователь, подробнейшим образом описывая модный для того времени костюм молодого человека, сознательно практически не дает никакой индивидуальной характеристики персонажа. Можно предположить, что это сделано для того, чтобы подчеркнуть отсутствие внутреннего содержания (души) у подобных элементов светского общества.

Вторая фиксация слова *фрак* отмечается при описании вечера у губернатора в первой главе первого тома: *Черные фракки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета...* [3]. Поражает гоголевское сравнение светского общества с роем мух; автор даже не обозначает лиц, здесь это уже не люди, а просто оболочка, лишенная содержания, нечто низкое и «чревоугодное».

Цвет двух упомянутых в произведении фраков Павла Ивановича Чичикова контрастен цвету парадных фраков окружающего его общества.

Описание одного из фраков мы находим в первой главе первого тома в сцене приготовления Чичикова к вечеринке у губернатора: *Потом надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно за тем очутился во фракке брусничного цвета с искрой* [3].

Далее этот же фрак мы наблюдаем во второй главе: *...выбравшись таким образом, что щеки сделались настоящим атлас в рассуждении гладкости и лоска, надевши фрак брусничного цвета с искрой и потом шинель на больших медведях, он сошел с лестницы, поддерживаемый под руку то с одной, то с другой стороны трактирным слугою, и сел в бричку* [3].

В последний раз фрак брусничного цвета с искрой дан нам в седьмой главе: *А Петрушка между тем вынес на коридор панталоны и фрак брусничного цвета с искрой, который, растопыривши на деревянную вешалку, начал бить хлыстом и щеткой, напустивши пыли на весь коридор* [3].

Обратим внимание на брусничный цвет фрака. В толковом словаре С. И. Ожегова говорится, что это «густо-розовый» цвет [4, с. 61]. Густо-розовый цвет относится к палитре красного цвета [8]. Символика красного цвета достаточно обширна: жизнь, огонь, война, кровь, энергия, агрессия, опасность, страсть. В словаре символов Д. Тресиддера есть следующее толкование красного цвета: «Красный – эмблематический цвет как богов солнца, так и богов войны и власти в целом. В кельтской традиции смерть выглядит как красный всадник» [9]. Этот цвет, затененный оттенком, как нельзя лучше характеризует скрытую коварную сущность Чичикова. Чичиков – бывший чиновник, следовательно, в какой-то мере является

представителем власти, которой обычно сопутствуют такие атрибуты, как жесткость, обезличенность, насилие. Естественным для такого описания является и *шинель на больших медведях* [3], которую надевает Чичиков поверх фрака, так как медвежий мех символизирует власть и жестокую примитивную силу. Неслучайно в описании «схождения» по лестнице Чичикова в шинели на медведях автор поэмы подчеркивает статусность, важность персоны в таком одеянии тем, что трактирный слуга *то с одной, то с другой стороны* поддерживал Павла Ивановича.

Интересным является тот факт, что в том же словаре символов есть следующая информация о красном цвете: «В первобытных ритуалах охра (красная минеральная краска) использовалась, чтобы “вписать жизнь” в мертвых» [9]. Можно сказать, облачаясь во фрак завуалированного красного цвета, Чичиков тайно оживляет свою мертвую душу, совершает переход в иное, измененное состояние.

Если обратиться к христианской символике, то здесь красный цвет (особенно с искрой) вызывает прежде всего ассоциацию с апокалипсическим драконом-дьяволом, геенной огненной.

Таким образом, все отрицательные, ассоциируемые с символикой красного цвета черты характера персонажа скрыты за внешним лоском, завуалированы во внешне «мягком» брусничном цвете. Исходя из этого, можно прийти к мысли, что Н. В. Гоголь облачил своего героя во фрак именно брусничного цвета с намерением показать читателю лживую сущность Чичикова.

Обращает на себя внимание и еще одна деталь, связанная с фракком брусничного цвета. Это эпизод, в котором Петрушка, *растопыривши на деревянную вешалку*, выбивает пыль из парадного фрака Чичикова, *напустивши пыли на весь коридор*. Действительно, внешний лоск Чичикова – это всего лишь, как гласит русская поговорка, пыль в глаза.

Описание другого фрака героя можно встретить в одной из последних глав второго тома: ...*<Чичиков> получил желанье сильное посмотреть на самого себя в новом фраке наваринского пламени с дымом...* [3]; *Оказалось, что все как-то было еще лучше, чем прежде: щечки интереснее, подбородок заманчивей, белые воротнички давали тон щеке, атласный синий галстук давал тон воротничкам; новомодные складки манишки давали тон галстуку, богатый бархатный жилет давал тон манишке, а фрак наваринского дыма с пламенем, блистая, как шелк, давал тон всему* [3]; *Так, как был, во фраке наваринского пламени с дымом, должен был сесть и, дрожа всем телом, отправился к генерал-губернатору, и жандарм с ним* [3]; ...*говорил <Чичиков>, не выпуская сапог князя и проехавшись, вместе с ногой, по полу в фраке наваринского*

пламени и дыма [3]. Всего в последней главе второго тома фрак наваринского пламени с дымом упоминается девять раз.

Обратим внимание на цветовую гамму этого фрака. Цвет нового фрака Чичикова уже являлся предметом научного исследования. Так, Т. Э. Демидова в статье «Происхождение и смысл одной цветовой метафоры в поэме Н. В. Гоголя» отмечает, что, выбирая для нового фрака цвет наваринского пламени с дымом, Гоголь отсылает читателя к картине И. К. Айвазовского «Наваринский бой». Автор утверждает, что «...цвет будущего фрака Чичикова действительно должен быть *желто-зелено-коричневым* с искрой, но не с желтой (что органично вытекает из цветовой гаммы картины «Наваринский бой»), а красной...» [10]. Более того, Т. Э. Демидова предполагает, что Н. В. Гоголь «использует не столько сам цвет, данный на картине, сколько название – “наваринский” и саму смешанность тона. Это именно слово художника, но не бытописателя, то есть метафора, навеянная Гоголю воображением, сплетенным с впечатлением, полученным от картины Айвазовского» [10].

Однако самым интересным в этом фраке является не цвет. Нас интересует прежде всего мотив горения в описании фрака. Заметим, что при первой фиксации в тексте поэмы этот фрак цвета *наваринского пламени с дымом*, во втором случае фрак *наваринского дыма с пламенем*, в третьем, четвертом и пятом – опять *наваринского пламени с дымом*, а в шестом – это уже цвет *наваринского пламени и дыма*. Создается впечатление, будто фрак «горит» на герое. Живое интенсивное пламя, с одной стороны, символизирует разрушение: генерал-губернатор разоблачает Чичикова и грозит отправить в острог. С другой стороны, пламя символизирует очищение и возрождение: под угрозой ссылки в Сибирь Чичиков искренне раскаивается в своих грехах и клянется начать новую жизнь: *Пора в самом деле сделаться порядочным* [3]. Но можно ли верить Чичикову, если в его в костюме отражена борьба света (огня) и тьмы (дыма)?

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что костюм представляет собой знаковую единицу и играет важную роль в выражении авторской концепции. Анализ языкового материала поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя дает нам понять, что фрак в контексте произведения является одной из ключевых деталей, так как изменение этого элемента гардероба отражает перемены во внутреннем мире героя.

Список использованных источников

1. Полихова, М. П. Символика костюма в контексте культуры [Электронный ресурс] / М. П. Полихова. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/teorja-kultury/simvolika-kostjuma-v-kontekste-kultury.html>. – Дата доступа : 22.02.2019.

2. Давыденко, Л. А. Костюм в художественном мире Н. В. Гоголя: повествовательные циклы, письма [Электронный ресурс] / Л. А. Давыденко. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/kostyum-v-khudozhestvennom-mire-nv-gogolya-povestvovatelnye-tsikly-pisma>. – Дата доступа : 24.02.2019.
3. Гоголь, Н. В. Мертвые души [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 26.02.2019.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
5. Толстогузов, П. Н. Фрак в тексте русской культуры XIX века [Электронный ресурс] / П. Н. Толстогузов. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/frak-v-tekste-russkoy-kultury-xix-veka>. – Дата доступа : 28.02.2019.
6. Указ Павла I о запрещении «немецкого платья» и круглых шляп [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.visit-petersburg.ru/ru/event/222/>. – Дата доступа : 28.02.2019.
7. Фокин, П. Е. Гоголь без глянца [Электронный ресурс] / П. Е. Фокин. – Режим доступа : <https://biography.wikireading.ru/219607>. – Дата доступа : 28.02.2019.
8. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа : <http://ru-dict.ru/slovar-ushakova.html>. – Дата доступа : 04.03.2019.
9. Тресиддер, Д. Словарь символов [Электронный ресурс] / Д. Тресиддер. – Режим доступа : https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/index.htm. – Дата доступа : 26.02.2019.
10. Демидова, Т. Э. Происхождение и смысл одной цветовой метафоры в поэме Н. В. Гоголя [Электронный ресурс] / Т. Э. Демидова. – Режим доступа : <http://domgogolya.ru/science/researches/1015/>. – Дата доступа : 22.02.2019.

The article is devoted to the functioning of the artistic details “dress coat” in Nikolai Gogol's poem Dead Souls. Defined artistic meaning associated with the appeal of the author of the poem to the description of the wardrobe Chichikov. The symbolism of the color of coats, worn by Pavel Ivanovich, is revealed.

УДК 378.016:378.147:811.161.1'243:378.095:62

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-ПРЕДМЕТНИКОВ И РУСИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

С. О. Васьковцова, И. И. Вольская

В статье рассматриваются вопросы координации преподавателей-предметников и русистов в процессе обучения иностранных граждан в вузах Республики Беларусь. Особое внимание уделяется работе по данному направлению в техническом вузе.

Главной задачей курса русского языка как иностранного, как известно, является интенсивное включение студентов-иностранцев в учебный процесс, реализация профессиональной коммуникации как одной из составляющих иноязычной компетенции в соответствии с основными видами речевой деятельности, определенными образовательными стандартами. В первую очередь это связано с тем, что в эпоху современного научно-технического прогресса русский язык приобретает всё более важное значение в международном сотрудничестве в сфере экономической, политической и социально-культурной деятельности. И это направление становится приоритетным как в лингводидактике, так и в педагогической практике. Данную тенденцию много лет назад подтвердил В. Г. Костомаров: «Сегодня в мире изменилась мотивация изучения русского языка. На месте абстрактного человеческого интереса расцветает интерес утилитарный, профессиональный. Это явление еще плохо осмыслено методистами и преподавателями, из него не сделаны пока педагогические выводы, которые воплотились бы в новые словари, учебники, методики. В то же время новые каналы распространения русского языка (туризм, экономика, наука) выдавливают из жизни чисто академическое изучение. Но именно они и обеспечивают реальное функционирование языка как мирового» [1, с. 24].

В связи с этим как перед преподавателями русского языка как иностранного (РКИ), так и перед преподавателями-предметниками стоят конкретные задачи. Изучая на занятиях по РКИ грамматический строй русского языка, овладевая богатством лексической системы, усваивая основные орфоэпические, орфографические, морфологические, стилистические нормы, иностранный студент нуждается в непосредственной помощи преподавателя-предметника. Так, на занятиях по философии, экономике, истории и др. (гуманитарный цикл); на занятиях по высшей математике, информатике, физике, инженерной графике, геодезии, общему курсу транспорта, материаловедению и др. (технический и естественно-научный профиль) при чтении специальных текстов необходимо обратить внимание обучаемого на специальную терминологическую и профессиональную лексику, на грамматические конструкции, в которых употреблена эта лексико-семантическая группа. Без понимания и глубокого осознания значений этих лексических единиц студент-иностранец не сможет осмысленно воспринимать даже минимальный объем полученной информации, изложенной в специальном неадаптированном тексте.

Как известно, усвоение грамматического материала наиболее успешно проходит на синтаксической основе, поэтому работе

с неадаптированным текстом уделяется особое внимание. Важны как отработка текстового материала, так и процесс подбора текстов, актуальных для определенной области знаний, для каждой конкретной специальности. Русисту будет нужна помощь конкретного специалиста, если подбор текстового материала осуществляется им (русистом) самостоятельно и данный текст не представлен в учебно-методическом пособии. Такая же ситуация складывается и тогда, когда презентуется самим студентом.

Преподаватель-словесник должен для себя раскодировать текст, т. е. на мыслительном уровне понять и переработать информацию, а затем с помощью языковых средств и логико-семантических связей помочь обучаемому понять текст и далее перейти к речевому процессу, к беседе по тексту, в которой активное участие будет принимать уже сам обучаемый. Русист учит студента-иностранца не просто читать текст, понимать отдельные слова-термины, он учит видеть и воспринимать специальный текст целиком, в полном объеме.

УО «Белорусский государственный университет транспорта» является сугубо техническим вузом. Процент общегуманитарных и общенаучных дисциплин здесь невысокий в сравнении с количеством специальных предметов, поэтому усвоение грамматики проходит на основе текстового материала по специальности. Как отмечает С. И. Лебединский, «одной из таких проблем является согласование учебных материалов с коммуникативными потребностями учащихся, которые являются важнейшими компонентами психологической структуры овладения языком. По сути дела, коммуникативные потребности – это те цели и задачи, которые ставит перед собой учащийся, приступая к изучению иностранного языка. Благодаря коммуникативным потребностям учащиеся осознанно, а зачастую и неосознанно, планируют собственную учебную деятельность. Руководствуясь коммуникативными потребностями, они оценивают поступающую информацию с точки зрения ее пригодности для решения предстоящих коммуникативных задач» [2, с. 25].

Вот здесь необходима помощь предметника при понимании и усвоении неадаптированного текста. Известна практика совместных консультаций, семинаров по общим вопросам обучения иностранцев и по более узким, касающимся какой-то определенной специальности, какой-то определенной темы. Практикуется обсуждение таких вопросов и проблем на совместных заседаниях кафедр, работающих с иностранными гражданами.

Обилие терминологической и профессиональной лексики связано с большим количеством факультетов и специальностей, по которым

обучаются иностранцы: бухгалтерский учет, анализ и аудит; промышленное и гражданское строительство; вагоны и вагонное хозяйство; управление процессами перевозок; транспортная логистика; системы передач информации; водоснабжение и рациональное использование водных ресурсов и т. д.

Сложности порой возникают и в силу того, что преподаватель РКИ работает со студентами разных специальностей. И это создает определенные трудности, которые можно преодолеть только в тандеме с преподавателями-предметниками.

При усвоении текстового материала пересекаются тематические поля многих изучаемых дисциплин. Усваивая профессиональную лексику различных отраслей, студенты пополняют свой словарный запас и учатся воспринимать и воспроизводить лексемы в общей языковой системе. Уже много лет в УО «Белорусский государственный университет транспорта» существует практика издания учебно-методических пособий для иностранного контингента. Как показал опыт работы, такие пособия оказались очень востребованными. Учебно-методические пособия для иностранных студентов могут готовиться коллективом авторов, куда входят как русисты, так и преподаватели-предметники. Текстовый материал, представленный в таких пособиях, очень разноплановый: «Городской электрический транспорт», «Локомотивное депо», «Машины и механизмы», «Развитие связи», «Из истории развития архитектуры», «Себестоимость», «Экологические проблемы» и т. д.

Таким образом, на этом уровне мы также можем констатировать процесс реализации межпредметных связей, без которых невозможно продуктивное обучение иностранных студентов на любом этапе преподавания РКИ. Это ещё раз подчеркивает, что без взаимодействия предметников и русистов процесс обучения не будет таким эффективным.

Преподаватель русского языка как иностранного в свою очередь поможет специалисту-предметнику раскрыть психологические, национальные особенности студента-иностранца, так как арабский, китайский, туркменский контингенты очень отличаются друг от друга. Польза от такого сотрудничества будет взаимной. Актуальной и нужной будет также работа преподавателя-предметника в качестве куратора студенческой группы, где ему приходится самостоятельно организовывать ряд воспитательных мероприятий и где ему может понадобиться помощь преподавателя РКИ, который непосредственно работает в этой группе. Опыт такой кураторской работы в УО «БелГУТ» уже имеется. Эффективной будет эта работа, если к ней будут привлечены психологи, историки, философы, социальные педагоги, преподаватели физической культуры. Такая деятельность весьма результативна.

Список использованных источников

1. Костомаров, В. Г. Выступление на круглом столе «Языковая политика в современной России» 16 апреля 2002 года / В. Г. Костомаров // Журнал «Мир русского слова». – № 2. – 2002. – С. 24.

2. Лебединский, С. И. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие / С. И. Лебединский, Л. Ф. Гербик. – Минск : БГЭУ, 2011. – 309 с.

In this article questions of coordination of subject-teachers and specialists in Russian philology in the course of training of foreign citizens in higher education institutions of Republic of Belarus are considered. Special attention is paid to work on this direction in technical college.

УДК 378.147:811.161.1'243-057.875:81

КОРПУС ТЕКСТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

И. Г. Гомонова

В статье анализируется место корпусных технологий и корпусных методов в учебной деятельности иностранных студентов-филологов. Корпус текстов рассматривается как эффективный инструмент для решения разнообразных дидактических и исследовательских задач, стоящих перед студентом, изучающим русский язык как иностранный.

В качестве неотъемлемого компонента учебной и исследовательской деятельности студента-филолога выступают в настоящее время компьютерные (информационные) технологии, которые помогают усовершенствовать и ускорить процесс получения, обработки и передачи информации. Информационные технологии в лингвистике – «это совокупность законов, методов и средств получения, хранения, передачи, распространения, преобразования информации о языке и законах его функционирования с помощью компьютеров» [1, с. 8].

В полной мере необходимость осваивать и использовать компьютерные технологии распространяется и на процесс филологического образования иностранных студентов.

Иностранные студенты-филологи, которые обучаются по направлению «Русская филология (компьютерное обеспечение)», знакомятся с электронными лингвистическими ресурсами в рамках

дисциплин «Введение в компьютерную филологию», «Инженерия знаний», «Методы автоматической обработки текста», «Корпусная лингвистика», «Формализация языка в экспертных системах» (общее количество часов, отведенных на аудиторные занятия и самостоятельную работу, – 414). Для иностранных студентов-филологов, выбравших направление «Русская филология (русский язык как иностранный)», с этой целью в учебные планы включена дисциплина «Компьютерные технологии в преподавании русского языка как иностранного» (общее количество часов – 64), дополнить которую могут дисциплины, входящие в компонент учреждения высшего образования.

С полной уверенностью можно утверждать, что независимо от направления специальности иностранному студенту, получающему филологическое образование, необходимо знакомство с компьютерными ресурсами, относящимися к сфере корпусной лингвистики.

Работа с лингвистическими корпусами, т. е. с массивами текстов, собранными в соответствии с определенными принципами, представленными в электронном виде, унифицированными, размеченными по определенному стандарту, обеспеченными специализированной поисковой системой, в настоящее время представляет собой один из основных методов лингвистических исследований, при помощи которого могут решаться самые разные задачи. Значительное количество корпусов создается и уже создано для многих языков мира.

Корпусная русистика начала развиваться в 1980-е годы, пережила некоторый спад в 1990-е годы и в настоящее время активно развивается и уже достигла существенных результатов, большинство из которых находится в свободном доступе [2; 3].

Изучая дисциплину «Корпусная лингвистика», иностранные студенты-русисты знакомятся с характерными особенностями различных доступных on-line корпусов языка специальности, но, несомненно, основным ресурсом, на базе которого студенты осваивают принципы работы корпуса текстов и вырабатывают у себя навыки использования корпусных методов в исследовании и преподавании языка, является Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [4] – крупнейший и самый востребованный в настоящее время ресурс, содержащий тексты на русском языке. Объем более 600 млн словоупотреблений, богатая разметка, включающая метаинформацию и лингвистическую (морфологическую, семантическую, синтаксическую и др.) информацию, достойная техническая база и другие преимущества НКРЯ позволяют успешно использовать данный ресурс для решения самых разнообразных дидактических и исследовательских задач.

Освоив базовый терминологический аппарат корпусной лингвистики, познакомившись теоретически с типами лингвистических задач, решаемых с применением корпусных технологий, студенты приступают к практической работе с корпусом текстов. В случае с иностранными студентами такая деятельность заключается преимущественно в выполнении ими заданий, подготовленных преподавателем.

Так, для первичного знакомства с корпусом, выработки умения создавать пользовательский подкорпус студенты-иностранцы выполняют задания типа «Определите, сколько романов, авторы которых – женщины, а время и место действия – Россия постсоветского периода, представлено в НКРЯ. Определите, сколько раз в этих произведениях употребляется прилагательное *медвежий*. Приведите контексты, включающие фразеологизмы с компонентом *медвежий* (например, *медвежья услуга*)». В процессе выполнения подобных заданий делается акцент и на широких возможностях метаразметки корпуса, и на обязательном использовании количественных методов при обращении к корпусным данным (отметим, что предпочтение количественных методов – один из отличительных признаков корпусной лингвистики при сравнении ее с традиционной лингвистикой).

Выполнение заданий типа «Определите, в каком художественном произведении впервые (по данным НКРЯ) употребляется слово *инфузория*» позволяет иностранным студентам познакомиться с дополнительными настройками корпуса и выработать навык упорядочивать контексты по дате создания или в обратном порядке в ходе самостоятельной работы с корпусом.

Знакомство иностранных студентов с морфологической разметкой НКРЯ предполагает выполнение заданий типа «Изучите морфологическую разметку НКРЯ и назовите, какие категории глагола в ней представлены. Сделайте запрос на формы: а) 1 лица множественного числа сложного будущего времени; б) 2 лица единственного числа повелительного наклонения; в) женского рода сослагательного наклонения. Приведите по одному примеру». Работая с морфологической разметкой НКРЯ, обращаем внимание студентов на отсутствие в ней сложных форм и на специфику формирования в корпусе запроса на такие формы.

Задание типа «Приведите по одному примеру сложной формы сравнительной и превосходной степени имени прилагательного, оформив соответствующий запрос» в случае работы с подготовленной аудиторией можно усложнить следующим образом: «Приведите два контекста с ненормативной (аналитической) формой степени сравнения прилагательного, оформив и описав соответствующий запрос». Как

известно, корпус призван адекватно отражать «реальную жизнь» языка, которая включает в себя и ненормативные проявления. Задание, сформулированное таким образом, «провоцирует» корпус на выдачу контекстов, содержащих ненормативные формы. Анализ таких ошибок, представленных в реальных (а не искусственно созданных) контекстах, способствует их предупреждению в речи студентов, изучающих русский язык как иностранный: *Во-первых, у всех людей, независимо от расы и пола, одинаково небольшие (относительно других зубов) клыки. Это позволяет думать, что у всех наших прямых предков, вплоть до **самых древнейших**, тоже были относительно небольшие клыки* (Б. Стариков. Восхождение к предкам // «Знание-сила», 2013); *«В-4» по внешнему виду напоминая стандартный движок, был в два раза мощнее и еще **более надежнее*** (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008)). Подобные запросы-«провокации» могут быть направлены и на выявление контекстов с ошибками другого типа: *И даже во фразеологическом словаре русского языка можно найти более тридцати выражений со словом НОС. Но чтобы умело пользоваться этими выражениями, **следует** соблюдать следующие правила: 1. Если вы повесили нос (то есть огорчились), то зарубите себе на носу, и хоть кровь из носу выполняйте правило первое: **выше нос!*** (Носария // «Трамвай», 1990); *Мы **сформировали** специальную структуру в **форме** автономного государственного учреждения под названием «Агентство регионального маркетинга»* (Д. Михалев. Новосибирская область вплотную займется улучшением имиджа региона // РИА Новости, 2008.09.23) – речевая ошибка в виде тавтологии; *Не известно, на каком языке к нам обращаются с просьбой **оплатить за антенну*** («Не могу работать без клея... Дайте стержней!»), – о чем пишут уральцы на пейджеры телекомпаний // Новый регион 2, 2008.02.15); *Кроме того, сейчас сложилась определенная культура, особенно **свойственная для молодежи*** (Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06)) – синтаксическая ошибка в организации словосочетаний со связью управления и т. п.

Знакомство иностранных студентов с семантической разметкой НКРЯ происходит в процессе выполнения заданий типа «Оформив запрос “наречие, обозначающее большую длительность + глагол речи”, приведите количественную характеристику конкорданса и два-три контекста, в которых субъектом заданного действия является не человек». Напр.: *В углу комнаты, на чемоданах (позже на тумбочке) находился приёмник и **постоянно каркал**, играл, вещал и пел* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)); *Желтые страницы, похоже, **немного ввали**. Или хитрили* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)).

Выполнение подобных заданий требует анализа большого количества контекстов, включающих заданные сочетания слов, и способствует пополнению лексического запаса иностранных студентов путем усвоения лексических единиц, относящихся к определенной тематической группе. Кроме того, контексты такого рода, отобранные студентами на занятиях по корпусной лингвистике, могут служить в качестве языкового материала на занятиях по русскому языку как иностранному.

Как известно, основной проблемой лингвистической разметки является широко распространенная в русском языке омонимия. Любой семантический запрос в корпусе приводит к большому количеству «шума», уменьшить который (а в некоторых случаях и вовсе исключить) позволяют так называемые фильтры, которые могут носить семантический, грамматический или семантико-грамматический характер. Данному аспекту работы с разметкой корпуса посвящены задания типа «Опишите фильтр, позволяющий получить контексты с существительным *море* преимущественно в количественном значении. Приведите два контекста в качестве примера». Выполняя это задание, студенты создают достаточно простой грамматический фильтр «*море* + сущ. в родительном падеже». Результатом такого запроса будут преимущественно метафорические сочетания со значением большого количества кого-л. или чего-л.: *Когда я научился читать в школе, когда я понял, что могу этим миром управлять, когда я пришел в библиотеку и увидел море книг – дома тоже была этажерка с книгами, случайными – этот мир меня уже ни на минуту не отпускал* (Е. Тюшина, В. Краснов. «Облака» Владимира Краснова // «Новгородские ведомости», 2013); *Разве мало вам того моря крови, того моря слёз, что мы пролили за войну?* (В. Астафьев. Обертон (1995–1996)).

Навыки комплексного использования лингвистической разметки разного вида развивают задания типа «Определите, какое цветочное прилагательное активно используется в простой форме превосходной степени. Приведите контекст из художественного произведения».

Специфику разных корпусов НКРЯ (Газетного, Поэтического, Параллельного, Устного и др.) студенты анализируют, выполняя задания типа:

– «В Газетном корпусе оформите запрос, чтобы исследовать сочетаемость прилагательного *липовый*. Приведите два контекста, в которых это прилагательное употребляется в переносном значении» (результатом будут многочисленные контексты с сочетаниями типа *липовые документы / справки / сертификаты / дипломы / диссертации / информация / вузы / ученые* и т. п.);

– «Создайте подкорпус поэтических текстов с каламбурной рифмой, приведите его количественную характеристику. Приведите контекст,

в котором каламбурная рифма формируется с участием местоимения *мой* (И. п. м. р.)» (для выполнения данного задания в пользовательском подкорпусе, включающем 108 документов, студенты делают запрос на местоимение *мой* в заданной форме и в зоне рифмовки и находят контекст с омонимической рифмой *мой – мой: Пожаром жги и морем мой, Ты поцелуев смыть не сможешь И никогда не уничтожишь Сознания, что в веках ты – мой* (М. А. Кузмин. «Целованные мною руки...», 1912));

– «Определите, как на английский язык переводится русское обращение *братцы*. Приведите три разных варианта» (задание выполняется в Параллельном корпусе; студенты задают направление перевода, понимая, что русско-английский и англо-русский подкорпус – это разные компоненты корпуса; в случае неуверенного владения языком переводных текстов студенты пользуются функцией перехода на ЯндексПереводчик; результатом выполнения задания будут разные варианты перевода данного обращения – *brothers, friends, lads, mates, everybody*, в том числе его отсутствие в переводном тексте) и др.

Таким образом, учебные задания, выполняемые иностранными студентами на базе корпуса текстов, разнообразны и привлекательны в плане расширения лингвистического кругозора, активизации уже имеющихся знаний и, конечно, развития новых умений и навыков, оптимизирующих процесс изучения и исследования неродного языка и придающих этому процессу творческий характер.

Список использованных источников

1. Зубов, А. В. Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособие для студ. лингв. фак-тов высш. учеб. заведений / А. В. Зубов, И. И. Зубова. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
2. Резникова, Т. И. Лингвистически аннотированные корпуса русского языка (обзор общедоступных ресурсов) / Т. И. Резникова, М. В. Копотев // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. – М. : Индрик, 2005. – С. 31–61.
3. Резникова, Т. И. Славянская корпусная лингвистика: современное состояние ресурсов / Т. И. Резникова // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб. : Нестор-История, 2009. – С. 402–461.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 02.02.2019.

The article analyzes the place of corpus technologies and corpus methods in the educational activities of foreign students. The corpus of texts is considered as an effective tool for solving a variety of didactic and research tasks facing a student who studies Russian as a foreign language.

О НЕКОТОРЫХ «СФЕРАХ-ИСТОЧНИКАХ» И «СФЕРАХ ПРИБЫТИЯ» НЕОМЕТАФОР, СВЯЗАННЫХ С ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ, В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

О. С. Гуркова

В статье рассматриваются некоторые наиболее распространенные неометафоры (слова и выражения) со сферой-источником «электронные коммуникации» и их «сферы прибытия» в русской разговорной речи последних лет.

Определяющее влияние на развитие лексико-фразеологического фонда (в меньшей степени – других уровней) любого языка оказывают изменения в жизни социума. Так, конец XX – начало XXI вв. отмечено стремительным развитием информационных технологий, едва ли не ежедневным появлением новых устройств и изобретений, которым необходимо давать названия. Весь мир погрузился в коммуникативное пространство Интернета и мобильной телефонии. Это привело к появлению новых слов – неологизмов, значительно расширило лексикон современного человека.

С началом «неологического бума» лексикологи и специалисты других областей языкознания активно включились в изучение нового коммуникативного пространства – его лексики, фразеологии, жанрового репертуара и т. д. Одним из специфических объектов исследовательского интереса стали компьютерные неометафоры, используемые как специалистами, так и рядовыми пользователями, а также, что весьма показательно, вышедшие за пределы «материнской» сферы функционирования – сферы электронных коммуникаций (ЭК) – в максимально широкое дискурсивное пространство.

Характерным для современного коммуникативного пространства явлением стало то, что пользователи современных средств электронных коммуникаций, таких как SMS, блоги, форумы, чаты в сети Интернет (Рунет, Байнет), стали переносить фразы и слова, восходящие к электронным коммуникациям, в обыденное общение.

Межличностное общение в социальных сетях, на различных форумах, смс-общение в мобильной телефонии занимает немалую (а у значительной части населения, особенно у молодежи, существенную) часть времени, проводимую в виртуальном коммуникативном пространстве. Наиболее активным коммуникантом является молодежь, во многом благодаря которой в повседневное живое общение проникают слова, появившиеся в Интернете и в сфере мобильной телефонии.

Однако молодежный компьютерный (сетевой, мобильный) жаргон – не единственный источник прихода интернет-обозначений в русский язык в качестве неометафор. Не меньшую активность здесь проявляют также сферы медийной коммуникации и художественная литература.

Рассмотрим некоторые примеры наиболее распространенных сфер-источников «отправления», «сфер прибытия» и сами слова, восходящие к сфере ЭК, уже «осевшие» в русской разговорной речи последних лет в качестве своеобразных неометафор. Понятия «сферы (зоны) отправления / источника» и «сферы (зоны) прибытия» мы используем вслед за сторонниками когнитивной теории метафоры Лакоффа–Джонсона [1].

Источниками приводимых примеров послужили ресурсы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), сайты некоторых форумов, а также собственные наблюдения за обыденной разговорной речью молодежи и сделанные в процессе этого записи.

1. Сфера-источник «Интернет-переписка в социальных сетях, чатах, форумах».

Один из самых популярных примеров – часто используемое молодежью слово *лол* (первоначально в сетевом общении интернет-мем, обозначающий смех в письменной речи, который можно заменить смайликом). Аббревиатура LOL (также *lol* или *лол* – от англ. *laughing out loud* – «громко, вслух смеясь»; или *laugh out loud* – «громко, вслух смеяться»; или *lots of laughs* – «много смеха»).

В живом «неинтернетном» общении это слово стало использоваться с положительными и отрицательными коннотациями:

- *Лол* – смешной, веселый, одобрение сказанной шутки. *Недавно в продаже появились куклы с говорящим именем «Лол»* (из интернет-форумов).

- *Лол* – глупый или простоватый человек (чаще всего употребляется подростками с негативной окраской, синонимично слову *тупой*). *Он обозвал меня «лол»* (из интернет-форумов).

Не менее употребляемой вне сетевого общения стала лексема *смайл* (от англ. *smile* – улыбка) – общее название широко распространенных знаков эмоциональных реакций среди коммуникантов социальных сетей, мобильной телефонии (чаще всего употребляется в виде диминутива *смайлик*). Сравн.: *сеть салонов красоты «Смайл»*; *фирма по продаже автомобильных кондиционеров в г. Гомель «Автосмайл»*; *«Смайлбус»* – название фирмы, оказывающей услуги междугороднего маршрутного такси; *сеть пиццерий «Пицца Смайл»*; *сеть кофе-баров «Смайл-кофе»*; *«Смайлик»* – фотосалон в г. Гомеле и т. д.

Можно полагать, что слово *смайл* в функции метафорического эргонима имеет психологическую подоплеку, используется как скрытый рекламный

ход, в расчете на то, что вызовет заранее положительную эмоциональную реакцию у потенциального потребителя, спровоцирует улыбку (хорошее настроение). Таким образом, неометафору *смайл* (*смайлик*) можно отнести к синестетическому (от греч. *synaisthesis* ‘совместное чувство, одновременное ощущение’) типу метафор, основанных на вкусовых, зрительных, слуховых и других ощущениях [2, с. 81].

Помимо ономастической функции данная лексема всё чаще фиксируется в самых разнообразных контекстах, сравн.: *Удивляло и то, что остальные задержанные, кажется, тоже все понимали, только не хотели признавать, подбадривая друг друга и выдавливая из себя смайлы* (А. Снегирев. Вера (2015)) [3]; *Она надела мешковатое черное платье с огромным «смайлом» – двумя белыми точками глаз и полукругом улыбающегося рта, из которого вдобавок торчал красный высунутый язык* (В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011)) [3]. В одном из найденных примеров обнаруживаем метаязыковую рефлексия по поводу данного явления: *Сначала мне в бумажной переписке очень смайлов не хватало* (А. В. Жвалецкий, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)) [3].

2. Сфера-источник «Компьютерные игры». С этим источником связано появление в речи слов и выражений *типа изи, скилл, гейм овер* и т. п.

Приход слова *изи* (от англ. *easy* – разг. «легко, спокойно») связан с компьютерными играми, где оно обозначает простейший уровень прохождения игровых заданий. Приведем пример из личных наблюдений, сделанных на уроке русского языка: когда учитель (автор данной статьи) объяснял, как выполнять домашнее задание, несколько учеников отреагировали так: *Это же изи* (т. е. домашнее задание представилось им легким для выполнения) (г. Гомель, сентябрь 2018 г.). Сравн. с наблюдениями П. Д. Дорониной (речь идёт о личной смс-переписке: *«Как контра? – Да ваще на изи прошла? (Как контрольная работа? Я легко все решила)»* [4, с. 46].

Зачастую можно услышать и такую фразу: *«Ну, ты скилл»*, т. е. *«Ну, ты мастер (умелец)»*, или *«Я вымыл посуду. – Ого, ты даже таким скиллом обладаешь?»* [5]. Первоначально слово *скилл* (англ. *skill* – «искусство, мастерство, ловкость») стали употреблять игроки в интернете, как правило, когда речь идет о навыках игрового персонажа, за которого играет говорящий.

Еще один «компьютерно-игровой» метафорический концепт – выражение *гейм овер* (англ. *Game Over* – «Конец игры», «Игра окончена») – «обозначение проигрыша или выигрыша в компьютерных играх». Вне компьютерно опосредованного дискурса это выражение встречается в медиа-пространстве и в текстах художественной литературы, где приобрело значение «конец чего-либо», тем самым метафорически распространившись

на широкий круг ситуаций, сравн.: *Потом Лёха и Саня отдадут автобус, и Гугер с Валерием уедут в Москву. Гейм овер. Кирилл понял, что напрягает его вовсе не ловушка сама по себе* (А. Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21–39 (2011)) [3].

3. Сфера-источник «Компьютер, компьютерные программы». Из этой сферы-источника обратим особое внимание на неометафору *перезагрузка*. Если обратиться к словарям, в том числе Википедии, то мы увидим лишь фиксацию «компьютерного» значения данного слова – «процесс, при котором компьютер либо другое устройство полностью очищает или восстанавливает содержимое оперативной памяти и возобновляет свою работу» [6]. Вместе с тем обращение к НКРЯ дает достаточно интересную картину: из 60 вхождений данной лексемы в основной подкорпус НКРЯ 28 (а абсолютное большинство из них приходится на последние 10 лет) иллюстрируют реализацию иного, неометафорического, социокультурного значения данной лексемы – «коренной пересмотр и изменение сложившихся негативных отношений между сторонами в пользу их кардинального улучшения», сравн.: *То ли Обама нашел время взглянуть на карту и увидеть, где именно находится Чехия, а где Иран с Сирией, то ли впечатлился рекордным оттоком из своей страны денег, то ли (чего не бывает!) и впрямь решил провести перезагрузку отношений с Россией* (Sic transit gloria mundi // «Однако», 2009) [3]; *По мнению аналитиков ОЭСР, французская инновационная система нуждается в серьезной перезагрузке* (Т. Оганесян. Дефицит инновационных чемпионов // «Эксперт», 2014) [3]; *Потом модернизацию, либерализацию и перезагрузку Дмитрия Медведева сравнивали с ускорением, перестройкой и новым мышлением Михаила Горбачева* (Советский сценарий для России // «Русский репортер», 2014) [3] и т. п.

Интересно, что в русском языковом сознании последнего десятилетия политическое значение слова *перезагрузка*, превратившее его в одну из ключевых неометафор медийного и политического дискурсов, связывается с началом деятельности на посту президента США Барака Обамы (с 2009 г.). Однако материалы НКРЯ опровергают это представление, поскольку в данном употреблении этот исконно компьютерный термин отмечается гораздо раньше, сравн.: *К концу рабочего дня мои очумевшие от компьютерного жаргона мозги «зависли» и просили «перезагрузки»* (В. Ворсобин. Столичные порносайты делают 15-летние пацаны // Комсомольская правда, 2001.06.04) [3]; *Прямо на наших глазах на Северном Кавказе происходит «перезагрузка» терроризма как политической практики* («Зеленый коммунизм» против России // Известия, 2005.12.01) [3] и пр.

Таким образом, обогащение метафорикона современной русской речи за

счёт слов и выражений, тематически восходящих к сфере-источнику ЭК, можно квалифицировать как один из наиболее активных неологических процессов в русском языке на современном этапе его развития. Неометафоры, связанные со сферой ЭК, вышедшие за пределы изначальной зоны своего бытования, фиксируются в различных дискурсивных практиках – от обыденного общения в молодежной среде (в том числе жаргонного, представленного прежде всего англицизмами) до медиадискурса и современной художественной литературы. Однозначную оценку с точки зрения языковой экологии и долговечности подобных словоупотреблений, как нам представляется, давать ещё рано. Как показывает история развития русского языка, последний сам в конце концов выбирает, что оставлять потомкам, а от чего избавляться. Изучаемый нами процесс не исключение.

Список использованных источников

1. Лакофф, Дж. *Metaphors We Live by* / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Стариченок, В. Д. Культура речи / В. Д. Стариченок, И. П. Кудреватых, Л. Г. Рудь. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 303 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 02.02.2019.
4. Доронина, П. Д. Хайпить и фиксить: новейшие слова интернет-общения / П. Д. Доронина // Русская речь. – 2017. – № 6. – С. 47.
5. Скилл – что это такое? Определение, значение, перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ehto-eto-takoe.ru/skill>. – Дата доступа : 20.02.2019.
6. Перегрузка // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Перегрузка>. – Дата доступа : 02.02.2019.

Some of the most common neometaphors (words and phrases) with the sphere-source of "electronic communications" and their "sphere of arrival" in the Russian colloquial speech of recent years are considered in the article.

УДК 811.161.1:378

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ ПРАКТИКУМА ПО ФОНЕТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ДЛЯ ПРОДВИНУТОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

Н. А. Дзвинковская, С. Ф. Кошевец

В статье рассматривается проблема снятия орфоэпических трудностей иностранных студентов нефилологических специальностей в процессе

прохождения корректировочного фонетического курса русского языка. Представлен опыт создания практикума по русской звучащей речи, направленного на преодоление явлений интерференции в произношении.

Необходимым условием развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности является овладение правильным произношением. В отдельных случаях при обучении иностранных студентов филологических специальностей допускается произношение, приближенное к правильному, однако особенно важно отрабатывать фонетические явления, которые влияют на восприятие и понимание смысла речи.

В системе обучения произношению различают следующие виды курсов:

- а) вводно-фонетический;
- б) сопроводительный;
- в) корректировочный.

Если вводно-фонетический и сопроводительный курсы актуальны для начального этапа обучения, то корректировочный курс характерен для продвинутого, преимущественно в тех случаях, когда учащийся впервые попадает в условия языковой среды (включенное или курсовое обучение, обучение в ординатуре и интернатуре).

Целью вводно-фонетического курса является овладение учащимися фонетической стороной русского языка, необходимое для осуществления речевой деятельности, понятной для восприятия и понимания. Отбор лексики и грамматических явлений во вводно-фонетическом курсе подчинен задачам обучения произношению. Введение новых слов предваряется отработкой всех звуков, входящих в его состав.

Сопроводительный курс не выделяется как самостоятельный, а ставит своей целью комментирование произносительных особенностей языкового материала основного курса. На каждом занятии проводится фонетическая разминка – часть урока с целью введения, отработки и закрепления произносительных особенностей, продолжающаяся пять – пятнадцать минут. Продолжительность сопроводительного курса – примерно 1 год. За это время учащиеся изучают следующие темы: согласные и гласные в различных позициях; сочетания гласных и согласных; произношение отдельных грамматических форм; ритмические модели многосложных слов; слитное произношение слов в речевом такте; правила деления на речевые такты; орфоэпические нормы [1, с. 166].

Корректировочный фонетический курс необходим как для студентов старших курсов, готовящихся к прохождению производственной практики, так и для молодых специалистов, ранее изучавших русский язык на родине и

приезжающих в страну носителей языка для повышения квалификации или завершения образования (обучение в магистратуре или аспирантуре).

Автоматизация слухопроизносительных навыков – процесс длительный, а при отсутствии специальной работы навыки, приобретенные в период вводно-фонетического курса, деавтоматизируются, что подтверждается специально проведенными исследованиями [1, с. 75]. Кроме того, учащиеся постепенно знакомятся с новым лексическим и грамматическим материалом, твердое усвоение которого находится в прямой зависимости от четкости и прочности соответствующих слуховых и моторных образов. Наконец, введение и постоянное увеличение удельного веса видов работы, концентрирующих внимание учащихся на содержательной стороне упражнений, приводит к ослаблению их внимания к произношению. Все это требует постоянной, систематической работы над произношением.

Разработанное преподавателями кафедры белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета пособие «Наглядно-дидактические материалы по практической фонетике» представляет собой практикум по русской звучащей речи, включающий корректировочный курс работы по фонетике русского языка и ориентированный на иностранных учащихся продвинутого этапа обучения. Целью данного пособия является преодоление явлений интерференции в произношении иностранных учащихся на уровне звукоупотребления и интонации.

На данном этапе работы над произношением подача материала проводится системно и позволяет привлекать в целях тренировки необходимое количество произносительных моделей, содержащихся в разнообразных лексических единицах независимо от их фонетического наполнения.

В пособии прослеживаются элементы связи русской фонетики с графикой и орфографией [2, с. 2]. В системе упражнений представлены основные орфоэпические нормы русского языка.

Практикум состоит из 30 карточек, содержащих дидактические и иллюстративные материалы по практической фонетике русского языка. Фонетические упражнения, расположенные на лицевой стороне карточки, предназначены для коррекции произношения редуцированных гласных и твердых и мягких согласных русской фонетической системы. Начальные упражнения на коррекцию определенного звука состоят из одно-двусложных сочетаний. Упражнения в карточках включают в себя материалы и задания, обеспечивающие тренировку в произношении уже отобранного лексико-грамматического материала. В объем фонетического материала на этом этапе входят явления звукового строя, имеющие смыслоразличительную функцию, а также все фонемы и оппозиции, в которые они организованы.

Далее следуют упражнения на коррекцию звука на уровне словоформ в различных позициях с гласными и согласными. Последующие упражнения, предназначенные для автоматизации артикуляционных навыков, предлагают набор афористических материалов, включающий пословицы, поговорки, крылатые выражения, образцы стихотворений, в которых тренируемый звук встречается наиболее часто. Здесь же помещены схемы речевого аппарата, на которых показаны основные стереотипы движения языка говорящего при произношении того или иного звука.

Каждая карточка представляет собой набор индивидуальных упражнений, которые, как известно, должны быть преобладающими по требованиям современной методики преподавания русского языка как иностранного [3, с. 12]. Они предлагаются тому или иному учащемуся с учетом его индивидуальных особенностей произношения.

На обратной стороне карточки помещены скороговорки, восприятие которых дополнено иллюстративным материалом культурно-познавательного содержания, позволяющим усилить процесс отработки наблюдением и анализом языкового материала. Изображения позволяют эффективно и быстро семантизировать новую лексику, используя зрительные опоры, которые помогают разгрузить оперативную память студента.

В природе изобразительных средств обучения заложены объективные возможности, создающие оптимальные условия для развития речевых навыков и умений [3, с. 123]. Иллюстрации обратной стороны карточки представляют собой зрительный ряд, подкрепляющий помещенные здесь произведения малых жанров русского фольклора [4]. Изображения в данном случае позволяют студентам понять многое без специальных объяснений. Таким образом, уменьшается количество лексических единиц при введении информации, а также повышается прочность запоминания.

Выработка фонетических навыков на таком материале вызывает интерес у обучающихся и способствует более прочному усвоению фонетической модели. Целью данной работы является не только овладение правильным русским произношением, но и развитие речи учащихся, улучшение их общекультурной и страноведческой подготовки.

Курс предназначен для работы в интернациональных группах. В связи с этим отбор фонетического материала производился исходя из фонетической системы русского языка с необходимым учетом трудностей основных контингентов иностранных студентов. Курс может рассматриваться как универсальный, так как учебный материал подобран с учетом языковой интерференции родного языка учащихся [5, с. 4].

Пособие рассчитано на работу в аудитории под руководством преподавателя и может быть использовано для проведения фонетической зарядки на занятиях по русскому языку как иностранному.

Эффективность обучения возрастает при условии отработки отдельных упражнений с использованием на занятиях технических средств и вне аудитории, во время самостоятельной подготовки учащихся к занятиям.

Итак, использование фонетических упражнений для коррекции произносительных навыков студентов в сочетании с изображениями дает, бесспорно, ощутимые результаты: знакомит студентов с культурой, историей страны изучаемого языка, развивает их речевые навыки и умения, побуждает студентов к обобщению и закреплению полученной информации, поддерживает у них мотивацию к практическому овладению языком, мобилизует речевую активность и творческое воображение учащихся.

Список использованных источников

1. Сорокина, Е. В. Формирование слухопроизносительных навыков у студентов-иностранцев на начальном и среднем этапах обучения / Е. В. Сорокина. – М., 1985. – 198 с.
2. Одинцова, И. В. Звуки. Ритмика. Интонация : учеб. пособие / И. В. Одинцова. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 368 с.
3. Власова, Н. С. Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе / Н. С. Власова, Н. Н. Алексеева, Н. Р. Барабанова и др. – М. : Рус. яз., 1990. – 230 с.
4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ЗАО «Олма Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
5. Милованова, И. С. Фонетические игры и упражнения / И. С. Милованова. – М. : Флинта: Наука. 2000. – 160 с.

The article deals with the problem of removing the orthoepic difficulties of foreign students of non-philological specialties in the process of passing the corrective phonetic course of the Russian language. The article presents the experience of creating a workshop on Russian speech aimed at overcoming the phenomena of interference in pronunciation.

УДК 811.161.1'34'373-053.2

ДЕТСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ИННОВАЦИИ КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ ЯЗЫКА

А. И. Додонова

В статье с опорой на собранный языковой материал анализируются ошибки в детской речи, выявляются основные закономерности детских языковых аномалий и приводится их классификация по уровням языка.

Восприятие и порождение речи представляет собой сложную многоуровневую систему, которую предстоит изучить каждому ребенку в результате знакомства с нормативным языком взрослых. То, как дети анализируют и усваивают язык, в последующем реализуя на практике полученные знания, давно интересует психологов, когнитивистов и лингвистов. Онтолингвистика, или лингвистика детской речи, является достаточно молодым научным направлением, которое развивается параллельно с возрастающим интересом к языку детей.

Первоначально основным источником для изучения детской речи были дневниковые записи родителей, которые фиксировали речетворческую деятельность своих детей с целью последующей систематизации и анализа полученных сведений. С развитием науки и техники исследователям предоставляется всё больше вариантов для изучения речи детей: проводятся различные психолингвистические эксперименты, появляется видео- и аудиотехника, которая помогает более эффективно фиксировать язык ребенка; создаются специальные компьютерные системы, обеспечивающие расшифровку записи фактов речи детей, что, безусловно, способствует выходу лингвистики детской речи на новый уровень.

Для постижения такой полифункциональной и многоуровневой системы, как язык, ребенок вынужден совершать как бессознательные, так и осознанные акты по анализу и систематизации языковых фактов, полученных им от взрослых. Такая сложная мозговая деятельность, направленная на изучение различных языковых уровней, закономерно приводит к намерению изложить собственные мысли. Но для правильного – в нормативном отношении – продуцирования своих идей ребенок проходит непростой языковой путь, в результате которого совершает ряд систематических и индивидуальных ошибок.

Российский лингвист и основоположник российской школы онтолингвистики С. Н. Цейтлин в работе «Язык и ребенок» отмечает: «Чтобы начать говорить, необходимо овладеть языком как устройством, обеспечивающим восприятие и порождение речи» [1, с. 9]. Существование детского словотворчества обусловлено рядом психофизических и гносеологических особенностей каждого отдельного ребенка. Однако общим критерием для лингвокреативной деятельности детей становится недостаточное овладение грамматическими формами родного языка.

В данной работе для нас важно выявить роль детских речевых инноваций в процессе освоения ребенком родного языка, опираясь на конкретные примеры живой детской речи. Под детской речевой инновацией мы, вслед за С. Н. Цейтлин, понимаем «языковой факт, зафиксированный в речи ребенка, но отсутствующий в общем

употреблении. Детская речь в этом случае может быть рассмотрена в качестве весьма чуткого прибора, фиксирующего разнообразные особенности родного языка» [2, с. 329].

Отметим, что на начальном этапе постижения языка ребенок переходит от слоговой коммуникации (*ма-ма, та-та, ти-ти-та*) к более сложной словесной коммуникации. На этом этапе развития неизбежными становятся ошибки на фонетическом уровне, что может проявляться в виде метатезы, сравн.: *о**р**ажневый, ко**ф**нета, то**д**га, по**т**чи, ра**з**уда, сва**б**дя, кеск, чу**л**ик. К детским ошибкам на фонетическом уровне следует отнести искажения звуков ввиду некорректной артикуляции, замена одной фонемы на другую: *боловик, лыба, люблю [рублю], манючий, дефир, весторан, задик, транвай.**

Нами выявлены также случаи детской омофонии, сравн.: *баба* в значениях ‘любая женщина’, ‘бабушка’, ‘бабочка’. Кроме того, в ряде случаев отмечена замена сложных для произношения сочетаний более простыми; при этом создаются добавочные звуки / слоги или происходит усечение отдельных фонемных сочетаний: *фитаталя* [фиолетовый], *титилик* [мотицикл], *ечка* [речка], *крактор, тактай, татай* [трактор], *ломахатый* [лохматый], *закипанка* [запеканка], *индея* [идея], *талени* [колени], *динозабры* [динозавры], *камамоны* [макароны], *выдумцимик* [выдумщик], *какава* [какао], *шипок* [шиповник].

Одним из самых распространенных явлений детского словотворчества можно считать искажения на уровне словообразования. Подобные инновации могут быть детерминированы так называемыми языковыми лагунами, образовавшимися из-за наличия в иерархически организованной языковой системе отступлений от общего правила. К. И. Чуковский в своей книге «От двух до пяти» отмечает: «Иное “созданное” ребенком речение [...] возникло, в сущности, лишь потому, что ребенок слишком прямолинейно применяет к словам эти нормы, не догадываясь ни о каких исключениях» [3, с. 67].

На словообразовательном уровне можно выделить следующие особенности:

– окказиональные образования (при этом самым распространенным способом детского словообразования является суффиксация): *говоритель* [начальник] (по аналогии со словами типа *строитель, учитель*); *рыбальник* [рыбак] (по аналогии с *механик, сантехник*); *летьщик* [лётчик], *стреляльщик* [стрелок] (по аналогии с *уборщик*), *подподушник* [наволочка] (по аналогии с *пододеяльник*);

– создание новых слов путем сложения основ уже имеющихся слов русского языка (это своего рода «синтетические» слова, состоящие из двух): *Австрономия* (Австралия + астрономия), *баклачок* (баклажан + кабачок);

– родовые корреляты, созданные на основе правил нормативного языка (добавление смысло- и формообразующих аффиксов): *поваристка* (по аналогии с образованиями типа *артистка, пианистка*), *кладовица* (по аналогии с *певица, кормилица*), *кивия* (*Лилия, Лидия*), *подруг* (от *подруга* + родовое окончание м. р.);

– словообразовательные аномалии, связанные с существительными общего рода: *нерях* (*неряха*);

– новообразования, которые могут носить исключительно авторский характер, связанный, прежде всего, с индивидуальными логико-ассоциативными цепочками каждого отдельно взятого ребёнка: *таська* [водоросли], *каваська* [трактор], *осит* [ёж], *фуча* [рыба].

Недостаточные познания в области грамматики также вызывают у ребенка ряд сложностей, которые он решает, прибегнув к инновациям. Как показывают наблюдения, самыми распространенными являются искажения на грамматическом уровне – ненормативные формы категорий числа, рода и падежа. Собранный языковой материал позволяет отметить ряд языковых аномалий детской речи на грамматическом уровне:

– моделирование ненормативных грамматических форм множественного числа: *поезды, нету глазов и рта, пять годов* (по аналогии с *котов*);

– изменение по падежам несклоняемых существительных: *играл в легу, домину* (по аналогии с *играл в игру*);

– некорректное изменение существительных (реже местоимений и прилагательных) по падежам: *голубыга* (Р. п.), *меня больно* (Д. п.), *в шкафе* (П. п.), *на столе* (П. п.);

– детская окказиональная форма при создании родового коррелята: *какава вкусная, кивия, пёска*.

Таким образом, собранный нами языковой материал позволяет проследить процесс движения ребенка от простейшего преодоления логопедических трудностей к осмысленному словотворчеству. Языковые аномалии, связанные с продуцированием речи детей, могут носить как индивидуальный, так и обобщенный характер. Окказиональные сочетания, некорректные формы рода и числа именных частей речи могут встречаться в одной и той же форме у нескольких детей разного возраста. Возможна и противоположная ситуация, когда ребенком создаются неологизмы исключительно на базе собственных логико-ассоциативных цепочек.

Список использованных источников

1. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. Н. Цейтлин. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

2. Цейтлин, С. Н. Детские речевые инновации: опыт анализа / С. Н. Цейтлин // Исследования по языкознанию: к 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. – С. 329–336.
3. Чуковский, К. От двух до пяти / К. Чуковский. – М. : Терра, 2001. – 420 с.

Analysis of children's mistakes was carried out with the support of the collected language material, the main regularities of children's language anomalies were revealed and their classification by language levels in the article was presented.

УДК 821.161.3–19:09

ПОИСКИ ДУХОВНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И М. И. ГОРЕЦКОГО

Е. В. Ермоленко

В статье проведен сравнительный анализ творчества классиков русской и белорусской литературы Ф. М. Достоевского и М. И. Горьцкого. Определены философская концепция и типологические особенности некоторых произведений. Сосредоточено внимание на осмыслении понятия духовность в произведениях писателей, гуманистической традиции их прозы.

Одним из определяющих факторов человеческого бытия, на котором основано взаимодействие личности с обществом, является понятие духовности. Определения термина «духовность», несмотря на частое употребление в последнее время, характеризуются разнородностью из-за широты и многофункциональности сфер применения. Существуют «религиозные» и «светские» определения, важные для понимания значения данного понятия, которое в большинстве случаев направляет жизненный путь человека и его деятельность.

Осмысление духовности является фундаментальным для исследования классической литературы, основным направлением которой являются поиски идеального, выходящего за рамки физического, но неотделимого от образа объективной реальности, присущего субъекту. Художественный образ содержит отражение той или иной духовной ценности и связан с присутствием идеального. Идеальное в духовности и в творчестве писателя является основополагающим фактором; формируется на базе установленных социумом в процессе развития морально-нравственных принципов, норм и законов, изменение которых ведет к трансформации или деградации общества.

Понимание концепта «духовность» различается в зависимости от исторической эпохи и философской школы. Платон в книге «Государство» писал об идее блага, идеального духовного знания. Идеальное начало Платон четко структурировал и понимал его как первосущность, а весь материальный мир считал образным подобием, выраженным в низших вещах: «Так разве не будет уместно сказать в защиту нашего взгляда, что человек, имеющий прирожденную склонность к знанию, изо всех сил устремляется к подлинному бытию? Он не останавливается на множестве вещей, лишь кажущихся существующими, но непрестанно идет вперед, и страсть его не утихает до тех пор, пока он не коснется самого существа каждой вещи тем в своей душе, чему подобает касаться таких вещей, а подобает это родственному им началу» [1, с. 213–214].

Духовность человека по-разному осмысливается в светском и христианском мире. В философии и психологии она обозначает высший уровень развития и саморегуляции личности, где основными критериями её жизнедеятельности выступают человеческие ценности: душевность, нравственность, интеллектуальность, добродетельность [2]. Религиозное понятие духовности выводится за пределы бытия души (психики) и соотносится с одним из сущностных свойств Бога; особенностью духов, отличающей их от плотских существ; причастностью человека Духу Святому; мерой приближения человека к Богу [3].

Наиболее близким для творчества Ф. М. Достоевского и М. И. Горьцкого является определение духовности у Н. А. Бердяева: «Духовность есть богочеловеческое состояние. Человек в духовной своей глубине соприкасается с божественным и из божественного источника получает поддержку. Очень важно еще понять, что духовность совсем не противопоставляется душе и телу, она овладевает ими и преображает их. Дух есть прежде всего освобождающая и преображающая сила» [4, с. 161].

Конец XIX – начало XX века характеризуются поисками духовности философов, культурологов и писателей. «Бытие души», отражение духовной жизни человека, поиск нравственности, интеллектуальности, добродетельности объединяют творчество классиков русской и белорусской литературы Ф. М. Достоевского и М. И. Горьцкого. В основе их творчества лежит единая философская концепция, выработанная в течение жизни, – носителем этой духовности является простой крестьянин. На базе этой философской идеи построено большинство произведений писателей. В наше время, когда теряются моральные ориентиры, стирается граница между добром и злом, особенно важно очертить моральные качества личности, которую искали и находили писатели среди представителей крестьянства.

Основная мысль многих публицистических и литературоведческих статей М. И. Горецкого заключается в том, что именно народ является той силой, которая дает основу государству, питает белорусскую культуру, сохраняет духовность и обычаи предков: «Як гэта выходзіць, судзіце, людзі божыя, а толькі чым болей я жыву і прыглядаюся да духоўнага жыцця беларуса, жыхара беларускіх таёмных пушч, чым болей я пазнаю нахіл яго да здаровага містыцызму, да неразлучных з яго жыццём пытанняў: “Адкуль я ўсё і што яно?” Чым болей я знаёмлюся, як мне здаецца з душой беларускай, тым з большай пэўнасцю станаўлюся я на тым, што беларускай літаратуры суджана сказаць многае новае ў вобласці духа» [5, с. 197].

Духовная мощь народа, хранителя христианских ценностей, подчеркивается в дневниковых записях и публицистических статьях Ф. М. Достоевского: «Судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то спасали его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили её навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении» [6, с. 177].

Художественное творчество писателей позволяет говорить о создании образа крестьянина, который в исконных духовных поисках, желая познать тайны жизни, отрекается от веры в Бога, обращается к черным силам, а потом получает наказание за свой грех. Этот образ знаковый для Ф. М. Достоевского и М. И. Горецкого, символизирует труд сердца и разума для обретения духовности, тяжелую смертельную борьбу между верой и безверием в душе человека.

Проблема духовности связана у Достоевского с образом крестьянина Власа, который является воплощением русского народа в творчестве писателя. Повествование под названием «Влас» в «Дневнике писателя. 1873 год» отсылает читателя к художественному образу Власа, созданного Н. А. Некрасовым. Достоевский говорит о литературном типе крестьянина-грешника, который, покайся, пройдя через жизненные испытания, начинает жить с Богом в сердце. Продолжая литературную традицию, автор рассказывает о своем герое – дерзком мужике Власе, который, приняв причастие, спрятал его, а потом должен был выстрелить в частичку тела Христа. Но вдруг ему явился крест и Иисус Христос на нем, и он упал без сознания. Через два года Влас приполз на коленях к старцу-схимнику, чтобы покаяться и спасти душу тяжелым духовным трудом.

Ф. М. Достоевский подробно исследует путь героя к совершению греха, анализирует типичные черты характера русского мужика, которые приводят его к преступлению. Создавая психологический портрет крестьянина, он подчеркивает национальную особенность – способность к отрицанию всего святого: «Это потребность отрицания в человеке, иногда самом

неотрицающем и благоговееющем, отрицания всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей ее полноте, перед которой сейчас лишь благоговел и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем» [6, с. 78].

Но это отрицание, способность дойти до самого смертного греха, оправдывается жаждой самосохранения и покаяния, которая должна спасти современного Власа и государство вместе с ним. «Но вспомним “Власа” и успокоимся: в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с невероятной силой обличения. Очнется Влас и возьмется за дело божие. Во всяком случае, спасет себя сам, если бы и впрямь дошло до беды» [6, с. 86].

Художественный образ Власа воссоздается и переосмысливается в творчестве М. И. Горецкого. Продолжая традиции классиков русской литературы, белорусский писатель создает философские рассказы «Что оно?» (1913) и «Дурной учитель» (1921), основу сюжета которых составляет рассказ, как герой стрелял в причастие. Герой рассказа «Что оно?» – крестьянин Янка отрекается от веры, бросает вызов высшей силе, отдает душу Люциферу. Так же как и Влас, он испытывает себя, порывая с народными святынями для познания тайн бытия. Тяжкий грех сушит душу и тело отступника, бесы являются за его грешной душой, приходит время расплаты за преступление, и грешник просит сына выстрелить из закланного ружья: «Набіў ружжо Васіль, прыцэліўся-прымеціўся на самы вільчык у страху, сказаў ці памысліў: “Памажы божа госп...”. Ірванула стрэльбу, кахнула, зыкнула, пасыпалася іскар’я каля воч, зарагатаў на страсе» [7, с. 100].

Анализируя черты характера грешника, М. И. Горецкий использует внутренний монолог героя. Это позволяет писателю, как и Ф. М. Достоевскому, определить национальные особенности белорусского крестьянина, показать мучительный выбор мятущейся души между верой и безверием: «Так было, так ёсць, так будзе, і немаведама, адкуля яно гэта ўсё, хто гэта даў і што будзе пасля смерці? Памёр, згинуў... а сілы таёмнае?? Ніхто нічога не бачыў... З таго свету ніхто не казаў. Можа і таго свету няма? Дык што ж тады, як тады? Нашто ж такі свет стварыў?» [7, с. 96–97].

Более подробно рассматривает образ вероотступника писатель в рассказе «Дурной учитель». Здесь М. И. Горецкий детально описывает магический обряд отречения от веры, продажи души дьяволу: «Гэткі-то д’ябальскі паслужнік, калі прычашчаецца, дык пакіне кашку ў роце, выйме з рота ў хустачку і схавает; потым выбраўшы цёмную часіну, ідзе ў самыя глухія нетры, прывяжа кашку на асінавым суку і стрэліць...<...> Панікнуць і застыгнуць ад жудасці дрэвы, паваляцца і прыліпнуць без дыхання травы, і здасца яму: вісіць распнуты на крыжы, раны точацца свежаю крывёю, а з вачэй капаюць жалкія слёзы» [7, с. 250–251].

В этом повествовании два героя отдают душу дьяволу, стреляют

в святое причастие, символизирующее тело Христа. Один из них, лесник, делает это для собственной выгоды, второй – учитель, чтобы подтвердить существование высших сил, познать таинственные законы бытия. Образ крестьянина-вероотступника знаковый для писателей, так как символизирует их собственные духовные поиски во время, когда вера в Бога ставилась под сомнение, когда материальные ценности ценились выше духовных. Обращение к духовному достоянию народа, по мнению Ф. М. Достоевского и М. И. Горького, является одним из путей спасения общества, сохранения традиционных морально-нравственных принципов, норм и законов.

Сравнительный анализ творчества писателей позволяет сделать следующие выводы:

- 1) творчество Ф. М. Достоевского и М. И. Горького формировалась на основе общей философской концепции о духовности простого народа;
- 2) продолжая литературную традицию Ф. М. Достоевского, в рассказах «Что оно?» и «Дурной учитель» М. И. Горький создает образ крестьянина-вероотступника, который стреляет в святое причастие;
- 3) образы крестьян являются знаковыми для Ф. М. Достоевского и М. И. Горького, символизируют их духовные искания, поднимают проблему духовности, которую на протяжении жизни стремились решить писатели.

Список использованных источников

1. Платон. Государство / Платон / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. – М. : Академический проект, 2015. – 398 с.
2. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://psychology.academic.ru/615/духовность>. – Дата доступа : 12.02.2019.
3. Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://azbyka.ru/duhovnost>. – Дата доступа : 12.02.2019.
4. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. – Париж : Умса-press, 1952. – 246 с.
5. Гарэцкі, М. Творы : Дзве душы : Апovesць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч : П'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 629 с.
6. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя : Книга очерков / Ф. М. Достоевский. – М. : Эксмо, 2006. – 672 с.
7. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. – Т. 1 : Апавяданні / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1984. – 446 с.

The article presents a comparative analysis of the works of the classics of Russian and Belarusian literature F. M. Dostoevsky and M. I. Gorky. The philosophical concept and typological features of some works are defined. Attention is focused on the understanding of the spirituality concept in the works of the writers, the humanistic tradition of their prose.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ж. Ф. Жадейко

В статье на примере фрагментов урока русского языка в X классе продемонстрирована организация исследовательской работы с текстом как один из приемов формирования компетенций в процессе обучения русскому языку.

Компетентностный подход – один из основных подходов в обучении русскому языку в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь, обеспечивающий комплексное параллельное овладение учащимися языковыми знаниями и умениями, речевыми понятиями и умениями, формирование у учащихся языковой, речевой, коммуникативной, риторической, лингвокультурологической и социокультурной компетенций. Целью данного подхода является формирование всесторонне развитой, коммуникативной личности обучаемого, способной аналитически мыслить, рассуждать, отстаивать собственную точку зрения. Исследование текста как один из приемов формирования компетенций способствует реализации названной цели и следующих принципов обучения: принципа взаимодействия теории языка с функционированием языковых единиц в речи; жанрово-стилистического, коммуникативного принципов и принципа активной познавательной деятельности, – зафиксированных в «Концепции обучения русскому языку в системе общего среднего образования Республики Беларусь» [1, с. 8].

На примере фрагмента урока русского языка по теме «Стилистический анализ текста» (X класс) продемонстрируем процесс организации исследовательской работы с текстом, формы и методы работы, направленные на формирование у учащихся языковой, речевой, коммуникативной, риторической, лингвокультурологической и социокультурной компетенций: формирование умения производить развернутый стилистический анализ текста, оценивать стилистическую целесообразность использования в речи разных языковых средств; умения самостоятельно выбирать и употреблять средства языка в соответствии с их эмоционально-экспрессивной окрашенностью и закрепленностью за определенным функциональным стилем и жанром речи; умения оценивать тексты с точки зрения соблюдения в них стилевых норм; формирование языкового чутья и устойчивого интереса к изучению функционирования слова в текстах разных стилей речи; совершенствование исследовательских умений и навыков учащихся.

Обратимся к основному этапу урока и его составляющим. Отметим взаимосвязь представленного урока с уроками литературы, на которых в период работы над данной темой изучается роман И. С. Тургенева «Отцы и дети».

«I. Работа с текстом, написанным в художественном стиле.

1. Анализ текста.

а) Выразительное чтение.

– Прочитайте отрывок из текста Бориса Зайцева.

Орловская губерния не весьма живописна: поля, ровные, то взбегающие изволоками, то пересечённые оврагами; лесочки, ленты берёз по большакам, уходящие в опаловую даль, ведущие Бог весть куда. Нехитрые деревушки по косогорам, с прудками, сажалками, где в жару под ракетами укрывается заленившееся стадо – а вокруг вся трава вытоптана. Кое-где пятна густой зелени среди полей – помещичьи усадьбы. Всё однообразно, неказисто. Поля к июлю залиты ржсами поспевающими, по ржсам ветер идёт ровно, без конца без начала, и они кланяются, расступаются тоже без конца-начала. Васильки, жаворонки... благодать. <...>

Село Спасское-Лутовиново находится в нескольких верстах от Мценска, уездного города Орловской губернии.

Огромное барское поместье, в берёзовой роще, с усадьбой в виде подковы, с церковью насупротив, с домом в сорок комнат, бесконечными службами, оранжереями, винными подвалами, кладовыми, конюшнями, со знаменитым парком и фруктовым садом. В начале прошлого века это как бы столица маленького царства, с правительством, чиновниками, подданными. Даже колонии были: разные подчинённые имения и сёла, всякие Любовши, Тапки, Холодовы. <...>

Хотелось, чтобы всё было грандиозно, чтобы походило на «двор».

б) Определение стилевой принадлежности текста.

– В каком стиле написан текст? Аргументируйте свою точку зрения.

(Художественный стиль. Это отрывок из произведения художественной литературы, насыщенный средствами и приемами выразительности, с помощью которых автор описывает природу тех мест, где прошло детство И. С. Тургенева, поместье, в котором вырос будущий писатель.)

– Это отрывок из романа писателя-эмигранта, «последнего лебедя Серебряного века» Бориса Константиновича Зайцева «Жизнь Тургенева». Роман был написан в Париже в 1932 году.

– Определите тему отрывка, который мы прочитали, и подтемы.

(Родина И. С. Тургенева: Орловщина, Спасское-Лутовиново.)

– Какая задача стоит перед авторами, пишущими в художественном стиле? Реализуется ли эта задача в тексте Б. Зайцева?

(Эстетическое, эмоционально-образное воздействие на читателей. Писатель, рисуя словесную картину родины И. С. Тургенева, полностью реализует эту задачу.)

– Мы определили сферу применения текста – художественная литература. Назовите стилевые черты текста.

(Художественно-образная речевая конкретизация. Борис Зайцев рисует образы Орловщины: поля, возвышенности, овраги, леса, березы, дороги, даль, деревни, косогоры, водоемы, стадо, трава, усадьбы, рожь, ветер, васильки, жаворонки; село Спасское-Лутовиново: поместье, роща, усадьба, церковь, дом, оранжерея, подвалы, кладовые, конюшни, парк, сад, имения, сёла.

Индивидуальность авторского слога: употребление в художественном авторском описании природы разговорных слов и выражений наряду с нейтральной лексикой. Авторский слог, которым описывается природа, напоминает слог И. С. Тургенева, что в данном случае оправданно, поскольку помогает создать атмосферу тургеневского повествования, тургеневского времени.)

2. Актуализация знаний о стилистической окраске слов.

– Какие языковые средства прежде всего являются отличительной чертой функционального стиля речи?

(Лексика.)

– Вспомните, какую окраску могут иметь слова. Рассмотрите схему и расскажите по ней о стилистическом значении (видах стилистической окраски) слов. (Устное учебное сообщение на основе схемы.)

3. Анализ лексики, использованной автором текста.

а) Работа со словарями.

– Работая со словарями, проанализируйте лексику, которую использовал Б. К. Зайцев в романе. Обратите внимание на стилистические пометы у слов.

С какими словарями вы будете работать?

(Прежде всего, с толковыми словарями.)

б) Изложение результатов проведенной работы со словарями.

(Писатель использовал разнообразную лексику: межстилевую, стилистически не закрепленную; книжную (*весьма, грандиозный*); разговорную (*большак* – ‘прямая, широкая, обычно мощеная дорога между населенными пунктами’; ‘большая дорога, в отличие от проселочной’; *Бог весть куда* – ‘о направлении на далекое расстояние’; *нехитрые* деревушки – ‘простые, незамысловатые’; *неказистый* – ‘невзрачный на вид, внешне некрасивый; непривлекательный’; *благодать* – ‘благодатное место’; *без конца-начала*; *подчинённые* имения и сёла, *всякие Любовши, Тапки, Холодовы*; народное название ивы – *ракита*); варианты устойчивого выражения *без конца без начала* (*без конца-начала*), возникшего на базе народной загадки *Без начала, без конца, а не Бог* (крыльцо), с помощью которых обыгрываются разные значения выражения (*ветер идёт ровно, без конца без начала* и *кланяются без конца-начала* – ‘постоянно’); просторечную лексику (*насупротив* – ‘напротив’), диалектную (*изволок* – ‘отлогая возвышенность; некрутой длинный подъем’; *сажалка* – ‘небольшой искусственный водоём, пруд’; *ржи* – ‘ржаное поле’); лексику, соответствующую описываемой эпохе, но устаревшую или вышедшую из активного употребления в период создания произведения (*службы* – ‘постройки для хозяйственных надобностей’; *губерния, помещичьи усадьбы, верста, уездный город, барское поместье, имение*); общественно-политическую лексику (*столица царства, чиновники, подданные, правительство, колонии, двор*).)

– Целесообразным ли было использование такой лексики?

(Несомненно: она помогла писателю воспроизвести колорит эпохи и местности; передать атмосферу, царившую в доме будущего писателя, где «царствовала» мать Варвара Петровна, которой *хотелось, чтобы всё было грандиозно, чтобы походило на «двор»*.)

4. Анализ языковых средств.

а) Выявление лексических средств выразительности.

– От чего зависит употребление средств и приемов выразительности в художественном стиле речи?

(От типа речи.)

– К какому типу речи относится анализируемый отрывок из романа?

(К описанию.)

– Найдите средства выразительности и докажите целесообразность их использования в данном тексте.

(Б. К. Зайцев использует многочисленные средства выразительности: метафоры, в том числе развернутые (*поля, ровные, то взбегающие изволоками, то пересечённые оврагами; лесочки, ленты берёз по большакам, уходящие в опаловую даль, ведущие Бог весть куда; пятна густой зелени среди полей – помещичьи усадьбы; поля к июлю залиты ржами поспевающими, по ржам ветер идёт ровно, без конца без начала, и они кланяются, расступаются тоже без конца-начала*); эпитеты (в широком смысле слова), в том числе метафорические (*ровные поля; опаловую даль; нехитрые деревушки; заленившееся стадо; трава вытоптана; густой зелени; всё однообразно, неказисто; поспевающими ржами; ветер идёт ровно; огромное поместье; всё было грандиозно*); сравнения (*поля, взбегающие изволоками; с усадьбой в виде подковы; это как бы столица маленького царства, с правительством, чиновниками, подданными*); гиперболу (*поместье с бесконечными службами, оранжереями, винными подвалами, кладовыми, конюшнями*), лексический повтор (*ветер идёт ... без конца без начала; они (ржи) кланяются, расступаются ... без конца-начала*). С помощью этих средств рисуется образная картина природы Орловщины, а также поместье в Спасском-Лутовинове – усадьба и дом с установившимся в нем порядком. Использование разнообразной лексики и лексических средств выразительности способствует активизации образного мышления читателей, а также эмоциональному восприятию нарисованных словесных картин.)

б) Выявление языковых средств, использованных на разных языковых уровнях.

– Охарактеризуйте использованные автором средства разных языковых уровней. Аргументируйте целесообразность задействованных средств языка.

(На морфологическом уровне: абсолютное преобладание существительных, с помощью которых перечисляются все детали, привлекая внимание автора; причем ненужных деталей нет, все подробности художественно оправданы; многочисленны прилагательные и причастия, что характерно для текстов-описаний: на основе слов этих частей речи строятся средства художественной выразительности, использованные автором; всего лишь шесть глаголов несовершенного вида в форме настоящего времени (описание постоянной картины: *Орловская губерния не весьма живописна; Село Спасское-Лутовиново находится в нескольких верстах от Мценска*) и четыре в форме прошедшего времени, когда совершается экскурс в прошлое (*В начале прошлого века...*));

на синтаксическом уровне: обилие однородных конструкций (с однородными членами предложения, придаточными частями; частями бессоюзного сложного предложения, связанными интонацией перечисления); обилие конструкций с обособленными согласованными и несогласованными определениями); конструкции с распространенными приложениями.)

– Назовите синтаксические средства выразительности.

(Основное средство – перечисление, с помощью которого происходит последовательное нанизывание картин, что создает ощущение, будто читатель вместе с автором видит описываемое; умолчание (*Васильки, жаворонки... благодать.*), своеобразная антитеза (*ветер идёт без конца без начала*); при описании поместья – асиндетон (бессоюзие: лишь один союз) и синтаксический параллелизм (*барское поместье ... с усадьбой..., с церковью..., с домом..., службами* и т. д.; *как бы столица ... с правительством, чиновниками, подданными*). Следует отметить и четкое абзацное членение текста, помогающее переключать внимание с одной подтемы на другую.)

в) Подведение итогов анализа (исследования) текста.

– Какой вывод о стилистической принадлежности текста и целесообразности использования в нем языковых единиц мы можем сделать?

(Текст о родине И. С. Тургенева относится к художественному стилю речи. Использование всех языковых единиц абсолютно уместно, поскольку, во-первых, соответствует избранному автором стилю и типу речи; а во-вторых, напоминает тургеневский стиль, тургеневское пейзажное описание.)» [2, с. 4–6].

На этапе закрепления организуется работа по группам, каждой из которых предлагается текст (фрагмент) и дается задание определить его стилистическую принадлежность: 1. официальный документ – завещание И. С. Тургенева, написанное по существовавшему в 1883 году стандарту; 2. фрагмент письма А. П. Чехова, отправленного писателем 24 февраля 1893 г. другу, тоже писателю и издателю Алексею Сергеевичу Суворину; 3. фрагмент интервью с директором тургеневской библиотеки Т. Е. Коробкиной; 4. текст о языке романа «Отцы и дети» из книги Н. М. Шанского «Лингвистический анализ художественного текста». Как видим, все тексты связаны с личностью И. С. Тургенева и его творчеством, что позволяет не только проводить уроки русского языка в тесной взаимосвязи с уроками русской литературы, но и демонстрировать работу слова в тексте, а также, используя компетентностный подход, делать процесс обучения практико-ориентированным.

Исследование текста как один из приемов формирования компетенций в процессе обучения русскому языку, несомненно, способствует более глубокому пониманию текста, а также роли языковых единиц в нем; развитию речи учащихся, их мыслительной деятельности; формированию у обучающихся языковой, речевой, коммуникативной, риторической, лингвокультурологической и социокультурной компетенций.

Список использованных источников

1. Концепция обучения русскому языку в системе общего среднего образования Республики Беларусь / Л. А. Мурина [и др.] // Русский язык и литература. – 2015. – № 9. – С. 3–10.

2. Жадейко, Ж. Ф. Конспекты уроков по русскому языку. X класс (базовый и повышенный уровни) / Ж. Ф. Жадейко // Русский язык и литература. – 2015. – № 11. – С. 3–21.

The article demonstrates the organization of research work with text as an example of the formation of competences in the process of learning Russian by the example of fragments of Russian lessons in the 10th grade.

УДК 811.161.1'271:398.1:111.822

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

П. С. Завтрикова

Статья посвящена анализу коллективизма как важнейшей составляющей русского менталитета. Развивается мысль Владимира Путина: «...только у нашего народа могла родиться поговорка “На миру и смерть красна”». Описаны истоки принципа соборности и выделены языковые единицы, утверждающие ценность социального единства.

Человек и человеческие общности на протяжении веков являются самыми актуальными объектами изучения в различных гуманитарных и социальных науках. Сколько бы ни было о нем сказано, написано, человеческий мир не исчерпывает себя, а только продолжает являть свои ранее недоступные грани и предлагать исследователям всё новые и новые темы для рассмотрения.

В условиях глобализации особое внимание начинает уделяться специфике национальных коллективов, в частности, этническому менталитету.

По мнению современного философа А. Ф. Пестрецова, *«...исследовать русское национальное самосознание чрезвычайно трудно»* [1, с. 176]. Автор связывает это положение с отсутствием четких границ феномена «русскости», вплоть до вопроса о том, существует ли она вообще; нет единого мнения и насчет того, что должно выступать в качестве «определителя» национального самосознания – общность культуры или родство по крови.

Список противоречивых вопросов не исчерпан, и, к сожалению, в рамках данного исследования они не смогут получить ответа; мы направим свой взгляд на одну составляющую русского менталитета – коллективизм, понимая под «русскими» исторически сложившуюся культурно-этническую общность людей.

Как сообщает информационное агентство REGNUM [2], 17 апреля 2014 года, в ходе двенадцатой «Прямой линии» президент Российской Федерации Владимир Путин ответил на им самим выбранный из большого количества писем вопрос: *«Что для вас есть русский человек, русский народ? На ваш взгляд, его плюсы и минусы, сильные и слабые стороны»*.

Четырехминутный монолог президента без натяжек можно назвать очень искренним и глубоким по содержанию. Для нас он оказывается значимым в том числе ввиду упоминания поговорки и наличия ее комментария: *«Русский человек или, если сказать пошире, человек русского мира, он, прежде всего, думает о том, что есть какое-то высшее моральное предназначение самого человека. <...> Поэтому русский человек, человек русского мира, обращен больше не в себя любимого <...>, а он развернут вовне. <...> Мне кажется, что только у нашего народа могла родиться поговорка **“На миру и смерть красна”**. Как это так? Смерть – это же ужас. Нет, оказывается. Что такое “на миру”? Это значит смерть за други своя, за свой народ, говоря современным языком, за Отечество. В этом и есть глубокие корни нашего патриотизма. Отсюда и массовый героизм во время военных конфликтов и войн, даже самопожертвование в мирное время. Отсюда чувство локтя, наши семейные ценности»* [2].

Интересно, что Владимир Путин среди всех вопросов выбрал именно этот. Можно предположить, что в условиях напряженной внешнеполитической ситуации в 2014 году президент Российской Федерации счел необходимым акцентировать внимание на идее единства и преданности отечеству.

Это привело к отчасти авторской трактовке поговорки *На миру и смерть красна*. В Большом словаре русских поговорок под ред. В. М. Мокиенко приводится следующее ее значение: «*Не страшно умереть на людях, все легко перенести не в одиночку, вместе с другими*» [3, с. 381].

Таким образом, ключевым здесь оказывается не понятие смерти, а понятие мира как людей, общины. Примечательно, что в 25 из 82 контекстов с данной поговоркой в Национальном корпусе русского языка [4] фиксируется вариант *На людях и смерть красна*.

Владимир Путин, несмотря на то, что вынужден судить о русском человеке через призму злободневности, все же очень точно определяет наиболее важную черту русского характера, связанную и с готовностью пожертвовать собой ради других, и с убеждением в нестигаемости русской нации. Используемая Владимиром Путиным поговорка в контексте его выступления оказалось очень точным средством выражения главной идеи – ценности социального единства. В поговорке действительно отражена ориентация русского человека «вовне», важность духовного единения, в условиях которого присутствие рядом других людей способно «скрасить» самые, казалось бы, мрачные жизненные эпизоды.

Применительно к русской бытийной парадигме исторически идея коллективизма часто связывается с принципом соборности. О данном феномене написано очень много. Распространившаяся в 19 веке в кругах славянофилов идея принципа соборности с тех пор получает комментарии едва ли не всех видных философов и остается предметом обсуждения до сих пор. Соборность обычно понимается как *‘свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви’* [5].

Значимым представляется сопровождающее многие исследования замечание о том, что термин не имеет аналогов в других языках. Вероятно, в том числе подобная «исключительность» обуславливает популярность этого принципа.

Определяя истоки русской соборности, ученые ссылаются на следующие обстоятельства: «...возникшие в Западной Европе общины являлись родовыми и формировались по кровнородственному признаку. В свою очередь древними славянами создавались общины соседские» [6, с. 10]; «Отличительной чертой русской общины являлось ее центральное место в самоидентификации подавляющего числа членов русского общества» [1, с. 180]. Российский историк В. Э. Багдасарян подчеркивает, что генезис цивилизаций «связан с определенным географическим ареалом, особым этническим составом населения и внешним окружением» [7]; для русского мира это означает, что его

развитие определялось и спецификой огромной территории, сурового климата, и множественностью народов, объединенных в единое государство, и необходимостью защиты от внешних врагов. Духовной основой соборности признано православие.

Ориентация носителей русского национального сознания на поддержание социального единства, коллективизм закономерно отражается в языке. Наиболее лаконичными текстами, несущими информацию о ценностях представителей той или иной лингвокультуры, являются паремии.

В сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля [8] представлено, по самым скромным подсчетам, около ста единиц, утверждающих идею сплоченности: *Мирская шея туга: тянется, да не рвется; С миром беда не убыток; Все за одного, и один за всех; Мир – волна: что один, то и все; Миром и горы сдвинем; Веревка крепка с повивкой, а человек с помощью; В согласном стаде волк не страшен* и др.

Приоритетность коллектива выражается косвенным образом и в тех паремиях, в которых находит отражение осуждение эгоизма, обособленности, утверждается золотое правило нравственности, заключающееся в необходимости выполнения общественного долга: *Один и в каше утонет; Глуп совсем, кто не знается ни с кем; Царство разделится – скоро разорится; Межи да грани – ссоры да брани; Живи для людей, проживут люди для тебя; В миру жить – миру служить* и др.

Подобная значимость единства правомерно отнимает долю серьезности у пословиц вроде *Деревенская родня, как зубная боль (докучает)*, ввиду чего последние воспринимаются как современные анекдоты о теще или причитания старших поколений о глупости младших и наоборот: сколько ни бранись – все равно все зависят друг от друга и, более того, в глубине души никакой взаимной нелюбви не питают, а как раз ценят эти узы.

Стоит отметить, что частное проявление идеи коллективизма в русской лингвокультуре прослеживается также в истории самого слова *мир*. Исходным его значением, согласно Этимологическому словарю славянских языков, было 'согласие': «Значения 'весь свет', 'общество' элементарно производны от 'согласие, полюбивный союз, дружба'. Переходное звено красноречиво представлено семантикой русск. *мир* – '(сельская) община'» [9, с. 56]. Ю. С. Степанов в книге «Константы. Словарь русской культуры» отмечает, что понятие мира как покоя «...относилось прежде всего к “ладу” и “добрососедству” между “своими”» [10, с. 96]. Таким образом, наблюдается тесная взаимосвязь между представлениями об общинности и представлениями об устройстве мира вообще.

Все вышесказанное отражает исторически сложившуюся в русском национальном сознании ориентацию на коллективизм. В последние десятилетия, возможно, ввиду частичной искусственности и принудительности советского уклада или ввиду влияния западного индивидуализма и торжества идеи о том, что человек сам строит свою судьбу, ценности в русском обществе меняются. Трудно судить, как далеко это зайдет и каковы будут последствия. Возможно, в скором времени вышеприведенные пословицы из сборника В. И. Даля не будут уже казаться непреложно истинными и один, действительно, в каше не утонет...

Список использованных источников

1. Пестрецов, А. Ф. Соборность – константа русского национального самосознания / А. Ф. Пестрецов // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2008. – № 1. – С. 176–181.
2. Владимир Путин: для русских на миру и смерть красна – ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://regnum.ru/news/1792501.html>. – Дата доступа : 27.02.2019.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 28.02.2019.
5. Новая философская энциклопедия / под. ред. В. С. Степина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9100/. – Дата доступа : 28.02.2019.
6. Антонов, Д. А. Соборность и общинность как важнейшие определения идентитета российского общества / Д. А. Антонов // Среднерусский вестник общественных наук. – М. : РАНХиГС. – 2013. – № 3. – С. 7–13.
7. Багдасарян, В. Э. Государство и ценности: российская модель [Электронный ресурс] / В. Э. Багдасарян. – Режим доступа : <http://rusrand.ru/docconf/gosudarstvo-i-tsennosti-rossijskaja-model>. – Дата доступа : 01.03.2019.
8. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : <https://vdahl.ru>. – Дата доступа : 28.02.2019.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 19 (*meš^(s)agъ – *mozakъ) / под. ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1992. – 254 с.
10. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с., 51 илл.

The article is devoted to the analysis of collectivism as one of the most important elements of Russian mentality. There is the development of Vladimir Putin's thought: «...only our people could come up with a saying “Even death is joyful with people”». The origins of the sobornost principle are described, the language units that affirm the value of social cohesion are identified.

РАБОТА СО СЛОВОМ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н. П. Капшай

В статье рассматриваются методические подходы, применяемые в работе со словом при изучении художественного текста, доказываемая необходимость и продуктивность семантического разбора слова в определении смысла и идеи произведения.

Современная реальность предъявляет педагогам множество новых вызовов, на которые необходимо оперативно реагировать, чтобы не только не снизился уровень образования, но и обучение не отставало от динамичного хода времени. Мониторинговые данные говорят о таких явлениях, как снижение интереса к печатному слову, механическое усвоение информации, отсутствие у обучаемых понимания жизненной необходимости приобретаемых учебных знаний.

Опыт и мониторинг показывают, что поток и объем усваиваемой информации настолько велики, что ученики и студенты не успевают сосредоточиться на слове, проникнуться его смыслом. Приведем пример. После самостоятельного чтения стихотворения В. В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» на вопрос, что не понятно в тексте, восьмиклассники задают вопросы: «Что означают слова *грабь, опита, каплища, клёшить, плеща?*» Пример интересен тем, что ученики после выполнения данного учителем задания («разобрать слово по составу») не только сами разъясняют непонятное, но и индуктивным путем приходят к устойчивому алгоритму понимания семантики незнакомого слова через словообразовательный разбор.

Цель статьи – представить технологию работы со словом в процессе изучения литературного произведения и доказать ее результативность в формировании предметной и метапредметной компетентности.

В условиях информационной перегрузки продуктивно применение интеграционных технологий; так, в литературоведческом прочтении текста учитель может не только опираться на знания, полученные на уроке языка, но и выстраивать свою работу по принципам лингвистики. Таким образом на новом уровне (в применении на практике и перенесении знаний в иную сферу) закрепляются языковые навыки и одновременно более объективной, а значит, и убедительной предстает литературоведческая концепция прочтения произведения. И здесь насуточно встает задача поиска методических приемов, с помощью которых строго технологическая

алгоритмизация лингвистического разбора должна совмещаться с эмоционально личностным переживанием художественной образности. То есть необходимо продуктивно провести интеграцию языковых знаний в процесс аналитического разбора текста, следуя законам филологических наук.

Литературоведческое изучение произведения мы условно отождествляем с изучением художественного текста. Тому есть множество обоснований. Сошлемся на Р. Барта: «Тщетна всякая попытка физически разграничить произведения и тексты... Различие здесь вот в чем: произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а Текст – поле методологических операций...» [1, с. 414–415].

Один из часто употребляемых в процессе литературоведческого анализа текста приемов – обращение к народной этимологии, которая не отвергается, как данность принимается лингвистами и как практически необходимая заявлена литературоведами. Одним из первых продемонстрировал пример разбора концепта «совесть» по алгоритму народной этимологии Г. Гачев, автор монографии «Национальные образы мира». Отделяя приставку *со-* и выделяя корень *весть*, мы соотносим понятие «совесть» с высшими (пусть не до конца понятыми) законами устройства мира, связывая ее с нравственными основами бытия.

Примеров выявления семантики слова-образа соответственно народной этимологии накоплено много: *обида – беда, невеста – не ведаю* ничего о новом человеке (в чужой семье, самое себя в положении жены) и другие. Почему не строгое обращение к этимологическому словарю, а именно народная этимология работают на учебном занятии? В ситуации учебной коммуникации потребность в лингвистическом комментарии может возникнуть непредсказуемо быстро. Необходима быстрая реакция, которая подсказана языковой интуицией. Семантическое сближение вытекает из жизненных аналогий.

Результативность семантических сближений проявляется и в том, что начинают действовать мнемонические законы, благодаря которым информация сохраняется в памяти реципиента. Лингвистический комментарий уводит в жизненную практику, вызывает потребность в дополнительных знаниях, которые даются в «готовом виде» с помощью комплексного комментария. Например. И школьники, и студенты всегда смущенно реагируют на слово *целоваться*, и понятно почему. В неожиданно возникшей на учебном занятии ситуации «спасает» объективность знаний, которые дает язык, природа и другая реальность. Вполне логично предположить, что этимологически *целоваться* образовано от прилагательного *целый*. Физическое соприкосновение,

действительно, способствует образованию некой целостности. Полученная информация чрезвычайно важна для анализа всей подростковой и юношеской литературы и познавательных интересов обучаемых. Усиливает информационное поле этологический комментарий, составленный по книге В. Дольника «Непослушное дитя биосферы».

Знания, которыми владеет читатель как языковая личность, способствуют доступному усвоению сложной терминологии. Одно из самых трудно усваиваемых литературоведческих понятий – мотив. Его формулировка не создает основу для функционального использования понятия на практике. «Мотив – устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста... Мотив более прямо, чем другие компоненты художественной формы, соотносится с миром авторских мыслей и чувств...» [2, с. 230].

Но слово *мотив* чрезвычайно частотно в культурном, психологическом дискурсе. Подготавливая школьников и в том числе участников республиканских команд к функциональному использованию термина, выстраиваем лексико-семантическое поле: предлагаем вспомнить и записать слова, которые сочетаются со словом *мотив*, являющимся главным в словосочетании. Мотив – зарождается, развивается, наполняется новым смыслом, воплощается, ...завершается. Мотив может быть лирическим, трагическим, остродраматическим и т. д. Мотив реализуется с помощью многих художественных приемов: метафоры, сравнения, антитезы. Таким образом активизированный языковой запас, системное изложение знаний помогают освоению теоретического материала и использованию его в анализе, одна из главных целей которого – раскрыть и в «словесной формуле» представить идею автора.

Самый большой объем работы связан с выявлением семантики художественного слова-образа. В работе с семантикой непонятого в лексическом значении слова продуктивен методический прием подбора синонимов. Так, понимание содержания и смысла рассказа А. П. Чехова «Тоска» становится более осознанным после составления синонимического ряда, включающего семантически близкие слова: *грусть, печаль, страдание*. Вопрос «Почему Чехов выбрал все-таки заглавным слово *тоска*?» может стать базовым для проблемного изучения произведения.

Выявление семантики лирического образа более продуктивно, когда словесник обращается к истории функционирования слова. Семантика одного компонента органична по отношению к семантике всего произведения. В стихотворении А. С. Пушкина «Ночь» важные значения несет слово-образ *свеча*:

*Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит...*

Прямое значение слова *свеча* не требует толкования, оно понятно. Но в истории бытования слово обрело множество переносных смыслов, имеющих символическое значение. В языческой мифологии свет свечи символизировал начало жизни, ибо сначала творцом был создан свет. Похищение Прометеем огня для людей означало начало новой жизни, выход из мрака тьмы к свету познания и процветания. Свечи, которые зажигаются в христианских храмах, символизируют связь человека и творца. У Пушкина все значения активно задействованы в художественном смыслообразовании и являются основой для раскрытия темы творческого вдохновения поэта-романтика.

Работа со словом ведется на всех этапах анализа художественного произведения. От понимания заглавного слова в произведении может зависеть последовательность и глубина разбора текста. Рассказ А. П. Платонова «На заре туманной юности» при первом прочтении кажется понятным и не по-платоновски простым. Возможно, опасность упрощенного восприятия текста и почувствовал автор, когда сменил первоначальное название «Ольга», под которым произведение впервые в 1938 году было напечатано в журнале «Новый мир», на новое. Заглавие «На заре туманной юности» подсказывает читателю ключ к расшифровке глубинных пластов произведения, которыми так богат творческий стиль автора «Котлована» и «Фро».

В заглавии рассказа каждое слово связано с культурной традицией и наделено символическим значением. *Заря* ассоциируется с ярким и обещающим началом нового времени. *Туманной* называли пору юности Кольцов, Пушкин, Блок; это – характеристика перехода от неясных и далеких от реальности романтических представлений к взрослой жизни и самостоятельному существованию в социальной действительности. *Юность* – концепт, который отсылает к пониманию общих законов развития личности и особенности исторических поколений. Уже заглавием «На заре туманной юности» автором дана установка на прочтение произведения в двух векторах – как повествования о судьбе юной героини Ольги и как изображения раннего периода в становлении советского государства.

На итоговом этапе анализа сводятся воедино смыслы, заложенные в заглавии и данные в последних эпизодах. Туманное состояние юности во многом предопределило женскую судьбу героини.

Как показывает опыт, обучаемые мотивированы к изучению слова в семантическом ключе. Они развиваются как языковые личности, имеющие

возможность пользоваться информацией и знаниями, данными им от рождения и воспитанием в языковой среде. В процессе аналитической работы вырабатываются метапредметные компетенции, имеющие строгий алгоритм формирования, в основе которого лежит конкретно-наглядный предмет – слово. Слово выступает понятием-интегратором в изучении филологических дисциплин. Оно – первоэлемент языка и художественного текста, без которого невозможно преподавание предмета и вместе с тем специфичности которого уделяется мало внимания.

Работа со словом на занятиях по литературе представляет собой единую словоцентрированную стратегию и систему, органично включающуюся в общую концепцию идейно-художественного изучения произведения.

Список использованных источников

1. Барт, Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 416–424.
2. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

The article discusses methodological approaches to work with the word when studying a literary text, it proves the necessity and productivity of the semantic analysis of the word in determining the meaning and idea of the work.

УДК 811.161.1'373.7: 821

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (на материале романа И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды» и его перевода на русский язык)

Е. В. Ковалева, О. Г. Яблонская

В статье представлен сопоставительный анализ романа И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды» на белорусском и русском языках. Рассмотрены языковые приемы перевода и их особенности в условиях близкородственного двуязычия языков. Выявлена национальная специфика оригинала.

Одним из ведущих направлений современных лингвистических исследований является перевод. Под переводом традиционно понимается вспомогательный вид речевой деятельности, в процессе которой

осуществляется передача содержания текста средствами другого языка; преобразование речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении смысла этого произведения [1, с. 193].

Вопросы теории перевода, переводческой эквивалентности, методов перевода представлены в работах М. Холлидея, Дж. Кэтфорда, П. Ньюмарка, В. Н. Комиссарова, А. В. Федорова и других исследователей. Среди белорусских ученых вопросами перевода занимались В. П. Рагойша, И. А. Чарота и др.

Наряду с развитием общей теории перевода актуальными являются исследования закономерностей перевода с определенных языков, а также перевод работ отдельных авторов. Как отмечает В. П. Рагойша, «главная задача переводчика художественного произведения – адекватное воссоздание средствами родного языка художественной реальности недоступного читателю иноязычного подлинника» [2, с. 18]. В процессе сопоставительного анализа произведений на языке оригинала и на языке перевода выявляются методы и приемы, которые могут уточнить или дополнить определенные теоретические положения.

Целью данного исследования является анализ особенностей перевода на лексико-фразеологическом уровне произведения белорусского писателя И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды» на русский язык, выполненный А. Н. Островским. Такой подход является актуальным, так как способствует выявлению особенностей в прагматической направленности сравниваемых текстов, что также отражает социально-политические изменения в мировосприятии людей, говорящих на близкородственных, но разных языках.

Анализ сравниваемых текстов позволил выявить некоторые характерные для языка переводчика особенности. Наиболее частотными являются лексические трансформации, включающие в себя антонимические и синонимические замены, замена лексических единиц в рамках одной лексико-семантической группы, лексическое упрощение и некоторые другие.

Лексическое уточнение выявляется в следующем фрагменте: *Хацелася сустрэцца са старымі сябрамі-архітэктарамі не ў інстытутах, а ў больш інтымных абставінах // Хотелось встретиться со старыми друзьями-архитекторами не в институтах, а за дружеским столом.* Так, выражение оригинального текста *ў інтымных абставінах* заменяется на выражение *за дружеским столом*, которое в языке перевода лишено двойного трактования.

Данный прием широко используется при описании внутренних монологов героев: *А ведаць настрой чалавека – гэта вельмі важна //*

А знать настроение **начальства** – это очень важно. Лексема *чалавек* в русском варианте передана словом *начальство*, имеющим более узкое и конкретизирующее значение, которое характеризует отношение говорящего к ситуации.

Уточняющая лексема в составе фразеологизма в оригинальном тексте может быть опущена в языке перевода. Так, во фрагменте ...*Зайздросціла яго жонцы. Шанцуе ж некаторым бабам!* выявляется разговорный, просторечный компонент *баба*, который отсутствует в русскоязычном варианте: ...*Завидовала его жене. Везет же некоторым!* В оригинале данная лексема способствует созданию и усилению негативного пренебрежительного отношения к конкретной женщине, в языке перевода дополнительные характеризующие коннотации отсутствуют.

Часто в оригинальном тексте наблюдается развернутая конструкция, которая поясняет авторский замысел, при этом в языке перевода данная конструкция представлена лишь одной лексемой: *Архітэктурна-планіровачнае заданне па гэтым раёне ён ужо двойчы паказваў тут. У плане **архітэктурна-мастацкае заданне** ўхвалялі, адкрытым заставалася пытанне аб эксперыментальнасці, звыклае слова, а як многа ад яго залежыць // Архитектурно-планировочное задание по району он уже дважды здесь показывал. Замысел одобрили, открытым оставался вопрос об утверждении застройки как экспериментальной.* Прием лексического упрощения зафиксирован при передаче выражения *архітэктурна-мастацкае заданне* лексемой *замысел*.

Семантическое своеобразие в сравниваемых текстах сохраняется при помощи зоонимной лексики. Так, в оригинальном тексте *Як можна перад дзецьмі хадзіць надутымі пеўнямі...* лексема *певень* заменена на существительное *индюк* в переводе (*Как можно перед детьми ходить надутыми индюками...*), что отражает стилистические особенности русского языка, а именно создает соответствующие ассоциации на основе просторечного фразеологического выражения *надулся как индюк*.

Замена лексических единиц выявляется и в рамках иных лексико-семантических групп. Например, И. П. Шамякин использует лексему *па* со значением ‘отдельное выразительное движение в танце’ для описания поступка героя: *Аб што спатыкнуўся? Не глядзі на мяне, як на балерыну, – **па** я табе не выкіну.* В русскоязычном варианте выявлено использование существительного *антраша*, т. е. ‘прыжок в балетных танцах’, которое конкретизирует действие: *Обо что споткнулся? Не смотри на меня как на балерину, **антраша** я тебе не выкину!* Такая замена способствует созданию большей интриги (по сравнению с оригиналом) и формированию атмосферы ожидания от героя какого-то резкого, неожиданного поступка.

Прием лексической антонимии также применяется при передаче действий и мыслей персонажей. Так, во фрагменте текста-оригинала используется глагол *лячыўся*: *Мелі на ўвазе, безумоўна, Багдана, бо старшыня лячыўся*. При этом в переводе зафиксирована лексема с отрицательной коннотацией *болел*: *Имели в виду, конечно, Богдана, потому что председатель болел*. В другом примере на белорусском языке выявляется глагол *жадаў* с положительной коннотацией, при этом в языке перевода использована конструкция с отрицанием *не прочь был*: *Але ён, Карнач, не шкадаваў, употай нават жадаў, каб камбінат аддалі іншаму гораду, бо добра ведаў, што акрамя станоўчых аспектаў вялікая хімія непазбежна стварае адмоўныя праблемы, найбольшая з якіх – забруджанне ракі // Но он, Карнач, не жалел, втайне даже не прочь был, чтоб комбинат отдали другому городу; он хорошо знал, что большая химия – это неизбежно загрязнение среды, в частности водоемов*.

Были выявлены единичные случаи, в которых переводчик добавляет предложения, поясняя ситуацию, мысли и чувства людей. Так, фраза из текста-оригинала *Не трэба, Максім, чаго не бывае! – уздыхнула Поля, кутаючыся ў халат. – Я вам пасцялю зараз* дополнена в языке перевода контекстом, характеризующим ситуацию, смешанные чувства героя, его самоиронию: *Не надо, Максим, чего не бывает! – вздохнула Поля, кутаясь в халат. – Я вам сейчас постелю. Раздевайтесь. Максим опять весело подумал: «Где она постелет? В каждом углу сопят дети»*.

Однако стоит отметить, что очевидной отличительной чертой рассматриваемого перевода А. Н. Островского является сокращение текста оригинала в некоторых фрагментах. Такое сокращение может охватывать как одно предложение, так и несколько абзацев: *Хадзем да мяне, павячэраем. Поля і дзеці будуць рады бачыць цябе // Идем ко мне, поужинаем*. В языке перевода вторая часть данного фрагмента не показана, однако в ней отражены теплые, близкие, искренние отношения с семьей друга.

Текст романа насыщен фразеологическими единицами, большинство из которых имеют аналогичные в структурно-семантическом отношении единицы в русском языке, что обусловлено именно близкородственными связями языков. Однако следует отметить использование переводчиком такого приема, как замена белорусскоязычного существительного или глагола русскоязычным фразеологизмом: *«А можа, сказаць Шугачовым прычыну майго самаадвода?» – разоў колькі падумаў, ды стрымлівала няўпэўненасць, што сам ён, сабе, правільна вызначыў гэтую прычыну // «А может, сказать Шугачевым о причине моего самоотвода?» – несколько раз приходило ему на ум, да сдерживала неуверенность: вдруг он сам не до конца понял, что причина именно в этом*.

В следующем фрагменте ...*Уяўляю, якую галаваломку гэта задасць будучаму гісторыку культуры эпохі. Адно не стасуецца з другім* существительное *галаваломка* в переводе заменяется фразеологической единицей *ломать голову*, несмотря на то что в языке имеется аналогичное слово *головоломка*: ...*Представляю, как будет ломать голову будущий историк культуры эпохи. Одно не сочетается с другим.*

При сопоставлении фразеологизмов в белорусском и русском вариантах романа были зафиксированы нетипичные для языка перевода словоформы. Так, фраза ...*у мяне ідэі яго ў пячонцы сядзяць* передана следующим образом: ...*у меня его идеи в печенке сидят*, тогда как в русском языке словарный вариант представляет собой выражение *сидеть в печенках* (в значении 'надоесть'). Встречаются также замены лексических единиц в составе фразеологизмов. Например, конструкция *халоднай хваляй абдало* в оригинале передается в переводе выражением *холодной водой обдало*: *Максіма што халоднай хваляй абдало // Максима будто холодной водой обдало*. Однако такие фразеологические неточности не искажают смысла фрагментов сравниваемых текстов.

В результате анализа был также выявлен и такой переводческий прием, как инверсия. Выражение *лячыць жываты* дословно передано на русский язык, но с препозицией субстантивного компонента: *З другімі нагаварыўся ад душы, нарасказваў і наслухаўся анектодаў, ад якіх забалеў живот. Пасля пайшлі «лячыць жываты» // С другими наговорился всласть, нарасказал и наслушался анекдотов так, что заболели мышцы живота. Потом пошли «животы лечить»*. Порядок слов в русскоязычном варианте соответствует акцентологической норме русского языка, поэтому предпочтительнее для русскоязычного читателя.

В заключение стоит отметить проявление национального семантического компонента в содержании романа. Во фрагменте ...*Вельмі хутка Даша навучылася разважаць пра дойдства так, што нават старыя архітэктурныя зубры не адразу разгадалі звычайную дылетантку; маскоўскі акадэмік увесь доўгі вечар, знаходзячыся ў іх у гасцях, лічыў яе за калегу, дарыў кампліменты* И. П. Шамякин использует лексему *зубры* в значении 'опытный человек, разбирающийся в определенной сфере', кроме того, данная лексема вызывает ассоциативную связь с Беларусью, которая сохранена при переводе: *Скоро Даша научилась рассуждать о зодчестве так, что даже старые архитектурные зубры не сразу угадывали в ней дилетантку; московский академик весь долгий вечер, проведенный у них в гостях, считал ее коллегой, расточал комплименты*.

В целом данный перевод обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности содержания в плане семантики, функционирования в

тексте отдельных единиц, а также прагматического влияния на русскоязычного читателя. Проблемы, представленные в романе, являются актуальными как для белорусскоязычного, так и для русскоязычного читателя, при этом учитываются стилистические особенности лексики, фразеологических выражений, национальная специфика. Используемые А. Н. Островским приемы перевода сохранили и передали главную идею романа И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды».

Список использованных источников

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков: Белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 183 с.

The article deals with comparative analysis of the novel “Atlanty i karyyatydy” (“Atlantes and caryatides”) by I. P. Shamyakin in the Belarusian language and the Russian language. The linguistic methods of translation are analyzed, their features are revealed according to the cognate bilingualism. The national features of the original are revealed.

УДК 811.161.1'373

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ СЛОВА УПОИТЕЛЬНЫЙ

В. И. Коваль

В статье рассмотрены закономерности формирования семантики русского прилагательного «упоительный», выявлена его производящая база и семантика на разных этапах исторического развития. Установлена внутренняя форма данного слова и характерная для него историческая энантиосемия.

В современном русском языке прилагательное *упоительный* имеет стилистическую окраску книжности, поэтичности и реализует значение ‘вызывающий, внушающий восторг, восхищение’, оттенки которого иллюстрируют некоторую «специализацию». Обращение к ресурсам Национального корпуса русского языка [1] дает возможность проиллюстрировать отдельные семантические «нюансы»

рассматриваемого слова в процессе его функционирования в художественных и публицистических текстах.

Рассматриваемое прилагательное, как показывает выявленный фактический материал (529 документов, 716 вхождений), во многих случаях реализует семантику ‘очень приятный (для обоняния)’, сочетаясь с соответствующими «обонятельными» лексемами (*воздух, запах, аромат*): *Природа кругом величественная, воздух упоительный* (А. Сатин. Поездка в Палестину // «Русский вестник», № 8, 1873); *А этот упоительный горный воздух! Я сам испытал здесь его влияние* (В. И. Немирович-Данченко. Соловки, 1874); *Какой упоительный, ни с чем несравнимый воздух пустыни!* (А. А. Яблоновский. Египет, 1920); *Тут я почуял упоительный запах фасоли* (К. И. Чуковский. Серебряный герб, 1936); *Молодая наипигованная индейка распространяет упоительный аромат* (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты, 1950); *Упоительный, свежий запах перебил сигаретный дым* (Т. Устинова. Персональный ангел, 2002).

Не менее регулярно это слово выявляет значение ‘превосходный, великолепный, приятный’, что позволяет ему сочетаться с более широким кругом слов: *После страшно знойного дня настал упоительный вечер* (Н. С. Лесков. Некуда, 1864); *О науке он всегда отзывался с большим уважением и любовью, и у нас начинался упоительный разговор о звездах и планетах* (С. Г. Петров. Сквозь строй, 1902); *Жаркий день. Теплый, душистый, упоительный май* (И. Е. Репин. Далекое близкое, 1917); *От накаленных суставов железной печки исходил упоительный зной* (В. П. Катаев. Бездельник Эдуард, 1920); *А завершился упоительный праздник дружным пением песен* (Парк культуры, 1997); *Он давно пережил свой героический период и теперь погрузился в упоительный комфорт* (П. Крусанов. Перекуем орала на свистела, 2001).

Нередко также номинация *упоительный* употребляется в значении ‘увлекательный, захватывающий, интересный, связанный с активной деятельностью’: *Но тянет к себе, сладострастно манит упоительный процесс поиска злодея* (А. Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», № 11, 1997); *А потом начался самый упоительный и самый напряженный этап моей работы в театре* (Н. Климонтович. Далее – везде, 2001); *Ленинград затягивал харьковскую девчонку в упоительный водоворот событий* (А. Крищенко. Императрица Клавдия, 2002); *Это был новый упоительный вихрь каких-то полудиссидентских, полубогемных компаний* (Д. Рубина. Высокая вода венецианцев, 1999).

Очевидно, что во всех приведенных контекстах прилагательное *упоительный*, имеющее затемненную внутреннюю форму, употребляется для выражения исключительно положительно оцениваемых признаков. При выяснении истоков этой семантики важно учитывать словообразовательный потенциал рассматриваемого слова.

«Русская грамматика-80» определяет для этого и других отглагольных имен прилагательных с суффиксом *-тельн-* (*окислительные процессы, глотательные движения, затруднительное положение* и др.) значение ‘представляющий собой действие или состояние, названное мотивирующим глаголом’ [2, с. 290]. В роли последнего для рассматриваемого слова выступает, несомненно, глагол *упоить*, имеющий словообразовательное значение ‘довести кого / что-нибудь до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, исчерпанности) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’; сравн., например: *укачать* ‘качая, довести до дремоты, до сна’ (*укачать ребенка на руках*); ‘качкой истомить, довести до тошноты или привести в дремотное состояние’ (*Его укачало в лодке*) [2, с. 370].

Данный глагол, образованный от *поить*, фиксируется в современных толковых словарях как устаревшая и просторечная номинация в значении ‘напоить кого до насыщения или допьяна’ (*упоить людей*), а также как активно употребляемое слово (обычно в форме страдательного причастия прошедшего времени) в значении ‘привести в восторг, в восхищение’ (*упоенный успехами*) [3, с. 504]. Сравн., однако, индивидуально-авторское употребление этого же слова с переносным негативно коннотированным значением ‘утомить’: *Все идут пошатываясь: упоила их четырнадцатичасовая работа, рябое солнышко медовой жарой и гулящий ветерок пенистой брагой расцветающих трав* (В. Ветров. Кедровый дух, 1929).

Следует отметить, что метафорический перенос был характерен и для древнерусского *оупоити* ‘напоить’: *Оупоивъ непослушливыа рабы* [4, с. 266] → ‘насытить’. *Оупок стрлы моа оті криве. Възвеличү и оупок душү чистительску* [4, с. 1240]. Глагол *упоить* (‘напоить кого-либо до опьянения’) был употребителен в живой разговорной речи XIX века, о чем свидетельствует его фиксация в словаре В. И. Даля: *упоить кого* ‘напоить допьяна’. *То и хозяин, что всех гостей упоил!* [5, с. 500]. Сравн. также: *Когда хан стоял по западную сторону реки, то старейшины явились ко мне. Я упоил их допьяна и всех перевязал. Сделать это очень легко было* (Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1851); *Но тут подвернулся двоюродный дядя сиротки, что жил у ее отца в работниках; он упоил мир, чтобы ему сдали опеку* (П. И. Мельников-Печерский. На горах, 1875–1881).

С отмеченным значением этот глагол используется и в современных текстах: *Веселый мужчина, крепкий пьяный, веселый и лохматый, упоил весь вагон голубым, убийственной крепости самогоном* (Митьки. Зимняя муха, 1992); *Русский человек пьет от души, по полной, а бесы только пригубливают, для них высшая радость упоить русского, посмеяться над ним* (В. Крупин. Как только, так сразу, 1992).

Вместе с тем рассматриваемый глагол в прямом значении может обозначать действие, необязательно связанное с насыщением, напоением кого-либо хмельным напитком: *Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала. Сама собою, по влечению сердца, сотысячная армия падала на колени и **припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью*** (Ф. Н. Глинка. Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 годе, 1870); *Да за цену только одного билета можно было всех **упоить кофе!*** (Л. Кафтан. Большевики пробрались в Кремль // Комсомольская правда, 2006.06.06).

При переносном употреблении данного глагола в качестве «инструментов» упоения чаще всего выступают абстрактные понятия, связанные с представлениями о чем-то приятном, желанном: *Первому же из них открыла юная Мафальда свои страстные объятия и **упоила его блаженством сладостных поцелуев и страстных ласк*** (Ф. К. Сологуб. Царица поцелуев, 1907); *Года четыре блок НАТО смотрел на Россию, как на брыкливую невесту, а затем **упоил ее наркотиком комплиментов и затащил в парижскую койку*** (В. Баранец. Генштаб без тайн, 1999). Мемуарист XIX века, современник и приятель А. С. Пушкина Ф. Ф. Вигель в своих воспоминаниях употребил глагол *упаивать* одновременно и в переносном, и прямом значениях: *Кому было остановить, остеречь Пушкина? Молодым ли приятелям, которые старались **упаивать его фимиамом похвал и шампанским вином?*** («Записки», 1856).

Возвращаясь к рассмотрению внутренней формы прилагательного *упоительный*, отметим, что его семантические «истoki» сформировались, несомненно, на основе значения ‘привести в восторг, в восхищение’, свойственного его производящей базе – слову *упоить* в его переносном употреблении. Смысловая и деривационная связь прилагательного / наречия *упоительно* и глагола *упоить* выразительно демонстрируется в следующем контексте: *Лецкий, не торопясь, отхлебнул и благодарно застонал: – Боги мои! Так вот что значило старинное слово “упоительно”! Все точно – **вы меня упоили**. Ныне и присно – я ваш должник* (Л. Зорин. Глас народа // «Знамя», 2008).

Можно, однако, предположить, что первоначально слово *упоительный* обладало общеотрицательной семантикой, связанной с представлениями об очевидном негативном воздействии алкоголя на человека. Сравн.: *Твой кубок полон не вином, Но **упоительной отравой*** (А. С. Пушкин. Катенину).

В повести А. Толстого «Князь Серебряный» находим яркую зарисовку «упоения»-убийства, характерного для царских пиров времен

Ивана Грозного, когда кому-либо из присутствующих могли поднести чашу с ядом: *Напротив Серебряного сидел один старый боярин, на которого царь, как поговаривали, держал гнев. Боярин предвидел себе беду, но не знал какую и ожидал спокойно своей участи. К удивлению всех, кравчий Федор Басманов из своих рук поднес ему чашу вина. – Василий-су! – сказал Басманов, – великий государь жалует тебя чашею! – Старик встал, поклонился Иоанну и выпил вино, а Басманов, возвратясь к царю, донес ему: – Василий-су выпил чашу, челом бьет! – Все встали и поклонились старику; ожидали себе и его поклона, но боярин стоял неподвижно. Дыхание его сперлось, он дрожал всем телом. Внезапно глаза его налились кровью, лицо посинело, и он грянулся оземь. – Боярин пьян, – сказал Иван Васильевич, – вынести его вон!*

Закреплению за рассматриваемым прилагательным семантических характеристик ‘приятный’, ‘превосходный’, ‘интересный’, ‘увлекательный’ и под. способствовало, очевидно, восприятие опьянения в его начальной стадии как состояния некоторой эйфории. Специалисты-медики отмечают, что «легкое алкогольное опьянение (0,5–1,5% алкоголя в крови) характеризуется подъемом настроения, благодушием, ощущением комфорта, стремлением к общению» [6].

Вполне закономерно поэтому, что целый ряд слов, относящихся к лексико-семантическому полю «Опьянение», развивает позитивно-оценочную семантику на основе исходной негативной: *опьянеть* ‘стать пьяным, охмелеть’ → ‘прийти в восторженное, возбужденное состояние от чего-либо’; *опьянить* ‘привести в состояние опьянения’ → ‘привести в восторженное состояние, в возбуждение, в экстаз’ [7, с. 721]; *пьянить* ‘приводить в состояние опьянения’ → ‘приводить в состояние восторга, упоения’; *пьяный* ‘нетрезвый’ → ‘находящийся в состоянии восторга’ [7, с. 1052].

Таким образом, имеющее затемненную внутреннюю форму слово *упоительный* может быть охарактеризовано как одно из проявлений исторически обусловленной энантиосемии, при которой современная семантика ‘внушающий упоение, восхищение’ сформировалась на основе первоначального значения ‘опьяняющий, одурманивающий’.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 28.02.2019.
2. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 789 с.
3. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 4: С–Я. – 1984. – 794 с.

4. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Издание отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – Т. 3: Р–Я и Дополнение. – СПб. : Типография императорской академии наук, 1912. – 1671 с.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живого и великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – Т. 4. – М. : Рус. яз., 1980. – 707 с.

6. Алкогольное опьянение. Стадии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.megamed.spb.ru/index.php?nomer=184>. – Дата доступа : 28.02.2019.

7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.

The article discusses the patterns of the formation of the semantics of the Russian adjective “delightful”, reveals its generating base and semantics at different stages of historical development. The internal form of this word and its characteristic historical enantiosemy are established.

УДК 811.161.1'37"19/20"

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

М. М. Козловская

В статье рассмотрены некоторые особенности внутрисловной семантической деривации в русском языке конца XX – начала XXI века. На данном этапе семантическим процессам, в основе которых лежат различные признаки, свойственны активность, интенсивность, двусторонняя направленность, реальное отражение окружающего мира.

Значительные изменения в экстралингвистическом мире в конце XX – начале XXI века активизировали все процессы языкового развития и вызвали «неологический бум». Словарный состав пополнили как новые лексемы и выражения, так и новые значения. Цель данной работы – рассмотреть некоторые особенности внутрисловной семантической деривации на примере материала, представленного в современных толковых словарях русского языка [1–6] (все примеры, если не указано иное, даны по [4]).

Процессы семантической деривации на современном этапе обусловлены следующими причинами:

1) необходимость номинации новой реалии: *подворье* ‘личное крестьянское хозяйство, крестьянская усадьба как новая форма

сельскохозяйственного производства' [6], *сэконд-хэнд* 'магазин, торгующий вещами сэконд-хэнд';

2) желание заменить старое название вследствие модификации объекта и / или вследствие моды на новые слова: *аудитор* 'специально нанятый человек, который проверяет финансовую деятельность компании' (вместо уже привычных *ревизор, контролер, инспектор*), *колледж* 'название некоторых средних специальных учебных заведений' (вместо *училище, техникум*);

3) желание придать речи эмоциональный, оценочный характер, используя разные названия объекта в зависимости от ситуации употребления, от цели общения: *засада* 'автопробка' [1], *колеса* 'автомобиль', *макулатура* 'о плохой литературе', *железо* 'аппаратные средства компьютера (в отличие от программного обеспечения)';

Активная трансформация семантической структуры лексем в последние десятилетия происходила, как правило, по продуктивным деривационным моделям в результате:

– метафорического переноса: *галопировать* 'стремительно усиливаться, возрастать (о ценах, инфляции и пр.); очень быстро, скачкообразно изменяться' от 'бежать галопом, скакать (о лошади)' (БАС-2), *вертикаль* 'последовательность должностных лиц, фирм, предприятий и т. п. от нижестоящих к вышестоящим и наоборот' от 'прямая, направление которой совпадает с направлением отвеса; вертикальная линия' (БАС-2);

– метонимического переноса: *рынок* 'прослойка населения, которая составляет часть покупателей какого-либо товара', *задекларировать* 'сделать информацию достоянием общественности, публично заявить о чем-либо' от 'указать в декларации';

– расширения значения: *сабантуй* 'шумный и веселый праздник с застольем' от 'праздник башкирского и татарского народов, посвященный завершению весенних полевых работ', *экипаж* 'состав специалистов, которые обслуживают какой-либо сложный, обычно движущийся механизм, какое-то технически сложное специализированное транспортное средство' [3] от 'команда, личный состав корабля, самолета, танка и т. д.' (БАС-2);

– сужения значения: *заказчик* 'человек, который нанял и оплатил услуги исполнителей публичной акции, имеющей целью опорочить кого-либо' от 'тот, кто заказывает что-либо' (БАС-2), *комментарий* 'рассуждение в печати по поводу какого-либо значительного события (политического, в сфере шоу-бизнеса и т. п.)' от 'рассуждения, пояснительные и критические замечания по поводу чего-либо' (БАС-2);

– семантического сдвига: *гимназия* 'общеобразовательное учебное

заведение с углубленным изучением ряда предметов' от 'в дореволюционной России, в некоторых зарубежных странах – среднее общеобразовательное учебное заведение' (БАС-2); *гильдия* 'объединение, союз по профессиональным интересам' от 'о союзе, объединении (обычно творческих работников)' (БАС-2);

– семантической компрессии: *авангард* 'авангардная музыка', *пирамида* 'финансовая пирамида'.

Многие слова, в семантике которых наблюдается замена одной дифференциальной семы на другую и / или потеря некоторых сем, ранее были устаревшими и / или малоупотребительными, но в последние годы актуализировались и приобрели новое звучание.

В ряде случаев словари фиксируют несколько (два и более) новых лексико-семантических вариантов у одного слова, сформировавшихся как по одной, так и по разным деривационным моделям, что говорит об интенсивности рассматриваемого процесса: *кризис* 'явление в экономической жизни страны, приводящее к сокращению объемов производства и росту безработицы', *кризис* 'обострение политического положения, влекущее за собой смену кабинета министров в парламентских странах' и *кризис* 'затруднительное положение, безденежье; острый недостаток чего-либо'; *крутой* 'отличающийся особой властью, жестокостью, физической силой', *крутой* 'превосходящий остальных в какой-либо сфере деятельности; особо властный, влиятельный' и *крутой* 'производящий сильное впечатление; особо престижный'. Некоторые из них относятся к одной тематической группе: *бархатный* 'неявный, ненасильственный, мягкий; лишенный характерных черт (о политическом строе и пр.)' и *бархатный* 'совершенный ненасильственно, в законном порядке, путем выборов (о смене власти, режима и пр.)'. Однако семантика многих лексем позволяет использовать их для номинации реалий разных сфер: *диск* 'компакт-диск с записью альбома; альбом (муз.)' и *диск* 'запоминающее устройство компьютера, внешний носитель информации (информ.)' от 'предмет в виде плоского круга', *разогреть* 'создать необходимый настрой у публики перед или во время концерта (чаще всего рок-группы)' и *разогреть* 'привести в движение; создать нормальное функционирование в сфере финансов, торговли и т. д.' от 'сделать теплым, горячим' (СЕ), *марафон* 'о длительном противоборстве между претендентами на места и посты во властных структурах' [1] и *марафон* 'непрерывный длительный конкурс, концерт с участием различных исполнителей, организованный для широкого привлечения зрителей' от 'состязание конькобежцев, лыжников и т. п. в беге на длинных дистанциях' (СЕ).

Появление нового наименования часто становится началом «цепочки» обозначений. С одной стороны, этот процесс наблюдается в рамках одного слова, когда расширяется семантическая емкость лексемы в результате номинации нескольких реалий. Например, появился *телефакс* ‘факсимильная связь, которая осуществляется по телефонной сети’, и образовался следующий ряд, в основе которого лежит метонимический перенос: *телефакс* ‘устройство для такой связи, выполняющее сканирующие и печатные действия’, *телефакс* ‘номер абонента, пользующегося такой связью’, *телефакс* ‘информация, которая с помощью такой связи посылается абоненту’. Во-вторых, «цепочка» возникает, когда какое-то действие или явление реализуется в разных ситуациях: *бартер* ‘прямой обмен товарами и услугами между предприятиями, странами; полученные таким путем товары (экон.)’ и ‘обмен вещами между людьми по взаимному соглашению; сделка (разг, шутил.)’. В-третьих, «цепочка» формируется в пределах словообразовательного гнезда, когда новые значения развиваются у ряда однокоренных слов. При этом могут появляться как близкие, так и антонимичные значения, обусловленные семантикой отдельных морфем: *крутить* ‘использовать денежные средства для получения прибыли’, *накрутить* ‘сильно и необоснованно повысить оплату за счет посреднических услуг, различных махинаций и т. п.’, *прокрутить* ‘воспользоваться денежными средствами для получения дохода’; *заморозить* ‘оставить без изменения, на прежнем уровне; приостанавливать, задерживать развитие чего-либо’ и *разморозить* ‘вернуть в активное состояние; заставить развиваться; продвигать что-либо вперед’.

На развитие языковой системы в целом значимое влияние оказывает разговорная речь. В условиях непринужденного и неофициального общения говорящие активно используют новые средства как в области языковых форм, так и в области семантики. Если найденные средства отвечают задачам общения не в одной конкретной ситуации, то становятся распространенными и фиксируются словарями: *заклинить* ‘неспособность справиться с ситуацией; невозможность переключиться на что-либо другое’, *крыша* ‘организация, люди (обычно криминальные), которые за плату обеспечивают охрану, защиту от опасности’. Семантические инновации последних лет часто имеют не только разговорный характер, но и отрицательную коннотацию: *кормушка* ‘место во властных структурах в качестве источника личной выгоды (неодобр.)’, *банкрот* ‘человек, политический лидер, организация, потерпевшие крах в осуществлении чего-либо (неодобр.)’.

Одной из тенденций, свойственных процессу неологизации, является

пополнение профессиональной речи путем развития значений общеупотребительной лексики. Причина активности терминологизации – в способности человека к ассоциативному мышлению, в возможности переноса житейского опыта на специальную сферу деятельности: *игрушка* ‘компьютерная программа, предназначенная для развлечения’, *корзина* ‘папка на жестком диске, предназначенная для хранения удаленных объектов’ от ‘плетеное изделие из прутьев, дранки, камыша и т. п., предназначенное для упаковки, хранения, переноски чего-либо’ (СЕ), *вливать* ‘сориентировать, направить денежные средства, которые идут на поддержку чего-либо, обеспечивают деятельность организации и т. д. (экон.)’ от ‘лить куда-либо какую-либо жидкость; наливать’ (БАС-2). Вместе с тем процесс носит двусторонний характер: слово, принадлежащее какой-то определенной области знания, приобретает новое, нетерминологическое значение: *гель* ‘косметическое средство желеобразной консистенции (для ухода за кожей, волосами и пр.); средство для укладки волос’ от ‘студенистая масса, при определенных условиях образующаяся из коллоидных растворов’ (БАС-2), *вакуум* ‘недостаток или отсутствие чего-либо важного, необходимого, нужного’ от ‘состояние газа при давлениях значительно ниже атмосферного; среда, содержащая сильно разреженный газ’ (БАС-2). Термин, включенный в контекст в новом значении, привносит в содержание текста большую образность, эмоциональность, оценочность: *дебильность* ‘умственная ограниченность’ и *дебильность* ‘низкопробность, нелепость, низкий уровень, примитивность’ от ‘в медицине – легкая степень задержки психического развития (олигофрении); умственная отсталость’ (БАС-2).

Таким образом, в русском языке конца XX – начала XXI века внутрисловная семантическая деривация, позволяющая увеличить номинативный фонд без изменения его количественного состава, по-прежнему играет важную роль и создает условия для семантического развития языка в целом. На данном этапе семантическим процессам, в основе которых лежат различные признаки, свойственны активность, интенсивность, двусторонняя направленность, реальное отражение окружающего мира.

Список использованных источников

1. Катлинская, Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка / Л. П. Катлинская. – М. : АСТ: Астрель, 2008. – 380 с.
2. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо, 2006. – 669 с.

3. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XX века, 2016. – 1456 с.

4. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2013. – 960 с.

5. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. – СПб. : Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 700 с.

6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.

The topic of this abstract is the process of semantic derivation in the Russian language of the end of XXth – beginning of the XXIth century. At this stage the activity, intensity, bilateral orientation, real reflection of the world around are peculiar to semantic processes which cornerstone various signs are.

УДК 811.161.1.371.1

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ИЗ ЧИСЛА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН: К 10-ЛЕТИЮ ЦЕНТРА РУСИСТИКИ МГПУ ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА

С. Б. Кураш, Т. Е. Лаевская, Л. М. Шецко

В статье изложен и обобщен опыт организации учебно-образовательной и воспитательной работы (аудиторной и внеаудиторной) со студентами из числа иностранных граждан в МГПУ им. И. П. Шамякина (использование нетрадиционных форм проведения занятий по русскому языку как иностранному, организация внутривузовских и межвузовских олимпиад, различных воспитательных мероприятий и праздников, профориентационной работы). Существенную роль в организации данной работы играют ресурсы научно-методического центра русистики, открытого в университете в 2009 г. при поддержке Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь.

Одна из приоритетных задач системы высшего образования нашего государства – подготовка высококвалифицированных кадров для иностранных государств как реализация политики экспорта образовательных услуг [1] – успешно решается в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина на протяжении последнего десятилетия, в чём существенную роль играют ресурсы научно-методического Центра русистики, открытого 22 апреля

2009 г. при содействии Посольства Российской Федерации и Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь.

Для регионального вуза, работающего в глубинке Белорусского Полесья, в отдалении от крупных научно-образовательных и издательских центров, в непосредственной близости к районам, в наибольшей степени пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, создание данного структурного подразделения по-особому важно и значимо, что подтверждено самим временем: сегодня вуз достаточно привлекателен для получения высшего педагогического образования студентами из числа иностранных граждан (на данный момент абсолютное большинство из них составляют студенты из Туркменистана), особый интерес которых связан с изучением русского языка.

За последние годы библиотека и медиатека Центра была существенно пополнена учебными изданиями в области изучения и преподавания русского языка как иностранного (РКИ), переданными в дар Российским центром науки и культуры (РЦНК) в Гомеле, в чем хотелось бы особо отметить личную роль прежнего и нынешнего руководителей РЦНК В. Л. Мичурина и А. В. Берянева.

Подобное серьезное ресурсное обеспечение и накопленный преподавателями университета личный опыт позволили вывести на новый качественный уровень образовательный процесс и разнообразить формы работы по РКИ.

В работе с иностранными гражданами на занятиях по РКИ нередко стали использоваться нестандартные формы работы. Например, занятие по теме «Роль изучения иностранных языков в современном мире» организовано в виде работы студентов в творческих группах, которые подготовили инсценировку собрания представителей вузов разных стран и абитуриентов. «Ситуативный диалог, как правило, обнаруживает неформальные личностные проявления, т. е. студент, в зависимости от типа личности, от уровня владения языком, от конкретной роли в данной ситуации может “раскрыться” в роли или “спрятаться” за свою социальную роль» [2, с. 20]. В ходе диалога сторон обосновывалась значимость изучения иностранных языков в условиях развития современного общества. Подобранный студентами иллюстративный материал, подтверждающий излагаемую точку зрения, выводился на мультимедийную доску. Приводились данные опроса «Какой иностранный язык вы бы хотели изучать?», проведенного среди студентов филологического факультета, после чего следовали анализ и обобщение результатов дискуссии. В работе были задействованы все студенты. Выбранная форма работы способствовала оптимальному усвоению нового

материала, позволила создать позитивную рабочую атмосферу, способствующую активности и заинтересованности учащихся.

Особо здесь следует отметить совместное начинание с Центром русистики Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины по проведению межвузовской олимпиады по русскому языку среди студентов из числа иностранных граждан. (О других совместных направлениях работы центров русистики Мозырского и Гомельского университетов см.: [3]).

Первая такая олимпиада состоялась 30 апреля 2013 г. в Гомеле. Ей предшествовал отборочный тур: студенты каждого вуза выполняли письменные работы – сочинения по предложенным темам: «Я горжусь своей страной», «Моя будущая профессия», «Русский язык – язык дружбы и межнационального общения», «Что я знаю о Беларуси», «Город, в котором я учусь», «Интернет в нашей жизни» и др. По итогам написанных сочинений были отобраны победители, которые и приняли участие в самой олимпиаде, прошедшей на филологическом факультете Гомельского университета.

Вначале студенты выполняли письменную работу, которая была составлена в форме тестов и предполагала проверку знаний иностранных студентов в области грамматики и лексики русского языка.

Используя компьютерные презентации, студенты обоих вузов подробно рассказали о достопримечательностях Гомеля и Мозыря, о традициях каждого университета, об учебе и отдыхе иностранных студентов, их дружбе с белорусскими сверстниками.

Второй тур олимпиады был посвящен выразительному чтению студентами стихотворений и ответам на вопросы членов жюри. Выступления студентов показали, что они умеют не только проникновенно, взволнованно и искренне читать стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, Р. Рождественского и других поэтов, но и отвечать на спонтанные вопросы преподавателей, находя для этого нужные и убедительные слова. Никого не оставили равнодушными и выступления студентов с номерами художественной самодеятельности.

Олимпиаду было решено сделать традиционной и проводить ежегодно поочередно в стенах Гомельского и Мозырского университетов, что успешно реализуется уже на протяжении шести лет.

Так, аналогичная 6-я олимпиада состоялась 17 мая 2018 г. в МГПУ им. И. П. Шамякина. Как показала практика, традиционно любимой частью олимпиады для студентов является второй этап конкурса – выразительное чтение наизусть стихотворений на русском языке, которые выбирались самими участниками. Следует отметить разнообразие тематики и авторов произведений не только классической, но и

современной сетевой поэзии. Конкурсная программа завершилась концертом, на котором были исполнены песни на русском, белорусском и туркменском языках.

На май текущего года запланировано проведение 7-й олимпиады.

Помимо межвузовской, организовано также проведение внутривузовской олимпиады и творческих конкурсов для студентов-иностранцев. Такая олимпиада была проведена на филологическом факультете 19 февраля текущего года. Её программа включала два этапа: лингвистический конкурс и выразительное чтение стихов на русском языке. Первый этап предполагал выполнение лексико-грамматического теста, рассчитанного на 45 минут и включавшего в себя не только задания на знание грамматической системы русского языка, но и культурологический и краеведческий компоненты. Например, необходимо было определить, какое растение изображено на гербе Беларуси (большинство студентов выбрало василек вместо клевера), какое животное является крупнейшим представителем европейской фауны (студенты безошибочно определили, что это зубр, так как видели его во время организованных для них экскурсий в Беловежскую пушу и Могилевский зоосад).

По итогам каждой из олимпиад участникам были вручены дипломы и грамоты в соответствии с номинациями, а также памятные подарки.

Воспитательная работа осуществляется также путем проведения разнообразных воспитательных мероприятий в студенческих группах (Русская ярмарка, День именинника, День влюбленных, День защитника Отечества, Международный женский день и др.). Используя ресурсы Центра русистики, интернет-материалы, студенты готовят заочные экскурсии по музеям и галереям мира с целью знакомства с выдающимися произведениями русских и зарубежных писателей (поэтов) и художников.

В научной печати неоднократно подчеркивалась значимость внеаудиторной работы со студентами из числа иностранных граждан: «В непринужденной обстановке внеаудиторного мероприятия у иностранных студентов исчезают психологические барьеры, они легче усваивают сведения о культуре и традициях носителей языка, образцы коммуникативного поведения (вербального и невербального)» [4, с. 169].

В группах проводятся мероприятия, способствующие установлению дружеских отношений между белорусскими и туркменскими студентами и знакомству с традициями и культурой разных народов. Например, конкурс «Кухни народов мира», где были представлены узбекский, туркменский и кавказский плов, русский борщ, белорусский крупник, французские круассаны, итальянская пицца, мексиканский салат и пр. Постоянное внимание уделяется межличностному общению, регулярно

кураторами проводятся беседы личного характера с целью выявления «проблемных зон».

В системе воспитательной работы со студентами из числа иностранных граждан особую роль играют национальные праздники. Например, День нейтралитета Туркменистана – второй по значимости национальный праздник этой страны. Эта дата отмечается ежегодно 12 декабря. В этот день по всей стране проходят массовые народные гулянья и праздничные концерты. Студенты из Туркменистана в рамках кураторских часов традиционно проводят беседы о политическом и экономическом положении своего государства (о том, какие изменения произошли в республике за последние годы; как отмечают праздник на родине; как продолжают развиваться дружественные отношения между Туркменистаном и Беларусью и др.).

Стало традиционным и празднование Курбан Байрама. В этот день двери домов мусульман открыты для всех гостей, включая представителей иных конфессий. Традиции праздника требуют особого угощения. Именно такую атмосферу весьма успешно получается создать студентам из Туркменистана и на белорусской земле. Символично, что в 2017 году Курбан Байрам совпал еще с одним праздником – Днем знаний.

В МГПУ им. И. П. Шамякина существует туркменское землячество, представители которого имеют возможность участвовать во встречах с руководством университета, заседаниях студенческого совета и вносить предложения по улучшению учебно-воспитательного процесса с учетом таких факторов, как адаптация в русскоязычной среде, необходимость преодоления языкового и психологического барьеров, сохранность национальных традиций во взаимодействии с белорусской культурой и др.

Студентами отделения иностранных языков филологического факультета создан стенд «Living in diversity», где размещены фотографии проектов, экскурсий, праздничных мероприятий.

Ещё одна традиция, сложившаяся в МГПУ им. И. П. Шамякина, – проведение литературно-музыкального фестиваля «Созвездие языковых культур», посвященного Международному дню родного языка, учрежденного в 1999 году решением 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, а также концертов, приуроченных к различным праздникам и знаменательным датам. Здесь можно услышать и интернациональный гимн Великой Победы – песню «Катюша» в исполнении студента из Пакистана, и песни на французском и английском языках, увидеть танец под зажигательную «Смуглянку» в исполнении студенток из Туркменистана, интернациональный хореографический микс из танца, парадного марша, выступления в стиле Роты почетного караула и салюта в честь Великой Победы и многое другое. Во многом всё это реализуется благодаря идеям и желанию самих студентов,

которые с успехом выступают в качестве режиссеров-постановщиков, создателей художественных номеров, ведущих, костюмеров, художников-оформителей, сценаристов и, конечно, великолепных артистов.

В рамках ещё одного важного направления – профориентационной работы – проводятся встречи с будущими абитуриентами, учащимися средних школ, где им рассказывается о филологическом факультете МГПУ им. И. П. Шамякина, а также о специальностях факультета, порядке приема при поступлении, перспективах обучения русскому, белорусскому и иностранным языкам и получения профессионального образования, а также об активной творческой и научной деятельности студентов. Традиционно такие встречи заканчиваются праздничным концертом, который готовят студенты филологического факультета. Программа концерта включает в себя вокальные и хореографические номера, в которых участвуют как белорусские, так и туркменские студенты. Помимо традиционных танцевальных номеров (лезгинка, кушдепти) туркменские студенты с удовольствием исполняют русский народный танец «Калинка», белорусскую польку, «Смуглянку» и т. д.

Разумеется, учебно-воспитательная работа со студентами из числа иностранных граждан состоит не из одних достижений и успехов – в её осуществлении имеется немало проблем и трудностей, чему посвящено немалое количество публикаций, в том числе цитированных выше. Тем не менее симбиоз хорошего ресурсного обеспечения, собственного опыта и оригинальных разработок, четкое осознание приоритетного характера образовательного экспорта в современных социокультурных условиях, ориентация на достижение эффективной межкультурной коммуникации и опора на творческий потенциал и мотивацию самих студентов – все эти факторы, на наш взгляд, способны быть тем фундаментом, на котором может и должна строиться образовательная и воспитательная работа со студентами из числа иностранных граждан в вузе на современном этапе.

Список использованных источников

1. Санникова, А. В. Состояние и перспективы обучения иностранных граждан в Республике Беларусь / А. В. Санникова, И. Э. Федотова // Актуальные проблемы довузовской подготовки: материалы 1-й науч.-метод. конф. преподавателей факультета профориентации и довузовской подготовки, Минск, 31 мая 2017 г. / Белорус. гос. мед. ун-т; под. ред. А. Р. Аветисова. – Минск: БГМУ, 2017. – С. 152–156.

2. Букаева, Е. В. Роль учебных диалогов при формировании речевой компетенции на начальном этапе обучения / Е. В. Букаева, С. К. Буховец // Актуальные проблемы довузовской подготовки: материалы 1-й науч.-метод. конф. преподавателей факультета профориентации и довузовской подготовки, Минск,

31 мая 2017 г. / Белорус. гос. мед. ун-т ; под. ред. А. Р. Аветисова. – Минск : БГМУ, 2017. – С. 18–21.

3. Коваль, В. И. Об основных направлениях деятельности научно-методических центров русистики Гомельского и Мозырского университетов / В. И. Коваль, С. Б. Кураш, Е. И. Холявко // III Международный форум русистов стран СНГ и Балтии : сб. науч. статей; под общ. ред. Л. А. Муриной, В. Ф. Русецкого. – Минск : НИО, 2010. – С. 60–63.

4. Кузьмина, Т. В. О роли внеаудиторной работы в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов / Т. В. Кузьмина, Т. К. Малашкина, Е. И. Родина // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития : материалы VII Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 19–20 мая 2016 г. / редкол.: С. И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 168–169.

The experience of the organization of educational and educational work (in-and out-of-class) with students from among foreign citizens in the MSPU named after I. Shamyakin (the use of non-traditional forms of classes, the organization of intra-University and inter-University competitions, various educational activities and holidays, career guidance) is presented and summarized in the article. Resources of the scientific and methodological center of Russian studies, opened at the University in 2009 with the support of Rossotrudnichestvo Office in the Republic of Belarus, play an important role in the organization of this work.

УДК 81'371:398.92:81'367.622.12

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА 8 МАРТА

Н. И. Лапицкая

В статье рассматриваются особенности функционирования устойчивого словесного комплекса «8 марта». Источником фактического материала является интернет-пространство, которое позволяет проанализировать изменения в условиях употребления данного выражения.

В последние десятилетия в лингвистике возрос интерес к прецедентным феноменам в языке. Экспрессивный потенциал прецедентных феноменов очень высок, использование их в метафорическом значении – весьма эффективный способ воздействия на общественное сознание, состоящий в обращении к эмоциональной сфере психики. Такие феномены очень часто встречаются в публицистических текстах и призваны не просто рассказать читателю о чём-то, но и «разъяснить ему глубинный смысл событий,

сформировать общественное мнение, возбудить читателя эмоционально, наконец, мобилизовать его, подготовить к активному действию» [1, с. 15].

К такого рода единицам относится устойчивый словесный комплекс *8 марта*, выступающий в качестве объекта исследования в данной статье.

По информации Википедии, 8 марта в ряде стран ежегодно отмечается как «женский день». Исторически он появился как день солидарности женщин во многих странах в борьбе за равные права. С марта 1975 года Международный женский день отмечается в ООН [2].

Февраль 1917 года стал важной вехой в истории праздника, поскольку 23 февраля (8 марта) 1917 года было ознаменовано революционным взрывом, положившим начало Февральской революции в России. Четыре дня спустя царь подписал указ о даровании права голоса женщинам, однако это не остановило революцию. Петроградские большевики воспользовались празднованием Международного женского дня для организации митингов и собраний против войны, дороговизны и тяжелого положения работниц. Такие выступления особенно бурно происходили на Выборгской стороне. В этот день бастовало более 128 тыс. рабочих, а колонны демонстрантов с рабочих окраин направились к центру города и прорвались на Невский проспект, по которому к Городской думе прошла процессия с требованиями женского равноправия и хлеба.

В 1921 году по решению 2-й Коммунистической женской конференции было решено праздновать Международный женский день 8 марта в память об участии женщин в петроградской демонстрации 23 февраля (8 марта) 1917 года.

С 1966 года, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года, Международный женский день стал не только праздником, но и нерабочим днем. Постепенно праздник потерял свою феминистскую окраску, став днем поздравлений женщин, девушек и даже девочек в кругу семьи, в трудовом и учебном коллективе [2].

Интересно отметить, как менялось содержание статей, посвященных данному празднику, с течением времени. Разумеется, в довоенное время 8 марта было идеологизированным. Так, в газете «Правда» за 1923 год героиня **статьи** – работница; лозунги этого дня: *Долой кухонное рабство! Да здравствует общественное питание! Поборем тьму!* В «Комсомольской правде» от 8 марта 1933 года героиня – колхозница; лозунги: *Берегите колхозный строй, как зеницу ока! Колхозницы, помните, что культурная обработка полей, борьба с остатками кулачества решают успех сева! Рабочая и колхозница – в передовые ряды!* В «Вечерней Москве» от 8 марта 1943 года героиня – защитница, а лозунг – *Советской женщине есть что защищать!*

В 1966 году впервые 8 марта становится нерабочим днем. Однако общий тон публикаций остается прежним. В обращении ЦК КПСС к советским женщинам в газете «Труд» от 8 марта 1966 года этот день называется *«боевым праздником солидарности женщин всего мира в борьбе за демократию и социализм, свободу и равноправие, национальную независимость, за мир во всем мире»*.

Героиней становится все более абстрактная труженица, строитель коммунизма, борец за мир, которая горячо поддерживает внутреннюю и внешнюю политику партии [3].

В настоящее время праздник совершенно потерял идеологическую окраску и является днем почитания женщин, днем выражения любви к ним: *8 марта – женский день. День счастья, радости и красоты; 8 марта – каждый мужчина может честно признаться: «Сегодня не мой день!»; 8 марта – миром правят девушки; 8 Марта – практически единственный день, когда женщина соглашается со всем, что говорится в ее адрес; 8 марта – практически единственный день, когда мужчина понимает – нужно быть моногамным...; 8 марта – это день, когда даже самые толковые мужики тратят свои значки самым бестолковым образом; 8 марта даже солнышко нам улыбается! Знает, что у девчонок праздник!*

В интернет-пространстве представлено множество выражений, включающих прецедентный феномен *8 марта* и имеющих иронический характер. Так, в качестве шутки бытует выражение *8 марта – 23 февраля по старому стилю*. Фраза, содержащая реальную историческую информацию, служит для шуточного противопоставления «мужского» и «женского» праздников – 23 февраля и 8 марта. См. также: *8 марта – день возмездия за подарки на 23 февраля; Как 23 февраля аукнется, так 8 марта и караокнется; 8 марта – это день, когда при выборе подарка для любимой отсутствие фантазии помогает мужчине компенсировать злорадство после 23 февраля; Почему цены на пену и трусы к 23 февраля не меняются, а вот цветы к 8 марта дорожают в два раза; 8 Марта – это расплата за 23 февраля; 8 Марта – это когда праздник женский, а мужчинам приходится отдуваться; 8 Марта – это Международный день Подруг Защитников Отечества*.

Традиция дарить подарки на 8 марта также отражается в афоризмах, посвященных данному празднику: *8-ое марта – это волшебный день, превращающий самую обыкновенную гвоздику в прекрасную розу, по крайней мере, по цене; А я жду 8 марта! Испеку торт, романтический ужин при свечах...и будет совсем не важно, что ты мне подарить! нууу... почти не важно; Акция: мужчинам, 8 марта купившим сковородку, – каска в подарок!; Праздник 8 марта придумали торговцы цветами, а свалили все на Клару Цеткин; На 8 марта собрались купить букет своей*

женщине? *Имейте в виду: конфеты вкуснее цветов, колбаса дешевле, а деньги не вянут; – Что лучше подарить девушке на 8 марта: один большой подарок или много маленьких? – Много маленьких! – Тогда подарю ей семечки!*

Таким образом, исследование устойчивого словесного комплекса *8 марта*, осуществленное на материале интернет-пространства, демонстрирует результаты выявленных изменений коннотативного значения, трансформация которого обусловлена динамикой и инверсией лингвокультурных и базовых общечеловеческих ценностей.

Список использованных источников

1. Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2003. – 214 с.
2. 8 марта // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/8_марта. – Дата доступа : 10.02.2019.
3. Уроки истории: XX век [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://urokiistorii.ru/article/52052>. – Дата доступа : 10.02.2019.

The article discusses the features of the functioning of the sustainable verbal complex “March 8”. The source of the actual material is the Internet space, which allows you to analyze the changes in the conditions of use of this expression.

УДК 81.161.3:81.161.1:398.9:159.942.31

ФРАЗЕОЛОГІЧНАЯ РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ ЭМОЦЫІ СТРАХУ Ў БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОВАХ

В. А. Ляшчынская

У артыкуле на матэрыяле беларускіх і рускіх фразеалагічных адзінак, што рэпрэзентуюць страх як адну з унутраных эмоцый чалавека, выяўляюцца агульныя і нацыянальна-адметныя сэнсы, вызначэнне іх фарміравання на аснове асаблівасцей успрымання, разумення і адлюстравання гэтай эмоцыі ў моўнай карціне свету двух славянскіх народаў. Інтэрпрэтацыя вобразных уяўленняў пра эмоцыю, яе працяканне, успрыманне ў фразеалогіі даследаваных моў накіравана найперш на ацэнку чалавека з яго эмацыянальным станам, на яго характарыстыку.

У апошні час у лінгвістыцы актыўна дзейнічае працэс пераасэнсавання ролі мовы ў генерыраванні і функцыянаванні асноўных

механізмаў кагніцыі чалавека і яго культурнастваральнай дзейнасці. Акцэнт пры гэтым змяшчаецца ў бок разумення мовы не толькі як сродку камунікацыі, але і як сродку культурнага коду нацыі. Мова выступае інструментам канцэптуалізацыі і спосабам фіксацыі вынікаў гэтага працэсу – нашай карціны свету, нашых ведаў аб ім. Лінгвакультуралагічны падыход да вывучэння мовы і яе адзінак апіраецца на ідэю аб акумулятыўнай функцыі мовы, дзякуючы якой у мове адлюстроўваецца, захоўваецца і перадаецца вопыт народа, яго светабачанне і светаадчуванне.

Параўнальнае вывучэнне фразеалогіі беларускай і рускай моў як магутнага сродку кампрэсіі інфармацыі і захавання агульнай і нацыянальнай культурнай інфармацыі дазваляе асэнсаваць успрыманне навакольнай рэчаіснасці скрозь прызму ментальных мадэляў моўнай карціны свету стваральнікаў і носьбітаў фразеалагічных адзінак кожнай мовы. Менавіта такое вывучэнне дапамагае глыбей зразумець і асэнсаваць, па-першае, працэс фарміравання дыялогу мовы і культуры ў іх узаемадзеянні, па-другое, выявіць агульнае і адметнае ва ўспрыманні і адлюстраванні карціны свету кожнага народа.

У святле такіх зыходных пазіцый цікава прасачыць, ці ёсць нацыянальнае выражэнне, адметнасць у ментальнасці двух братніх народаў і ў чым гэта выражаецца пры наяўнасці фразеалагічнай рэпрэзентацыі эмоцыі страху, якая з'яўляецца рэальнай часткай нашага жыцця і якая аказвае заўважны ўплыў на перцэптыўна-кагнітыўныя працэсы і паводзіны чалавека.

Выбар фразеалагічных адзінак як рэпрэзэнтантаў эмоцыі страху тлумачыцца найперш высокім паказчыкам колькасці гэтых адзінак, якіх налічваецца больш за шэсць дзясяткаў у кожнай мове, у адрозненне ад ледзь больш-менш за дзясятак лексем-сінонімаў (бел. *боязь, боязнасць, жуд, жуда, жудзь, паніка, перапуд, пуд, спалох, страх, страхата, страхоце* – руск. *боязнь, жуть, испуг, опасность, паника, перепуг, страх, трепет, ужас*). Па-другое, семантыка лексем не вызначаецца паўнотой і выразнай адметнасцю кожнага наймення страху і такім складнікам як культурная канатацыя з яе характарыстыкай, выражэннем адносін, ацэнкі эмацыйнага стану чалавека, што ўласціва фразеалагізмам, якія заслужана прызнаны найбольш «культураноснымі» адзінкамі, звязанымі з асаблівасцямі паводзін, уяўленняў, створаных вобразаў, спосабаў мыслення і ўвогуле светаўспрымання і светаразумення пэўнага народа. Яшчэ адной прычынай выбару фразеалагізмаў, што рэпрэзэнтуюць эмоцыю страху, з'яўляецца той факт, што страх лічыцца «адной з самых моцных чалавечых эмоцый, звязаных з інстынктам самазахавання і пачуццём бяспекі» [1, с. 199]. Да таго ж вывучэнне эмоцыі страху лічыцца

найбольш актыўным і ў розных аспектах «на працягу ўсёй гісторыі чалавечай думкі» [2, с. 108], але найбольш у псіхалогіі і філасофіі, а апошнім часам і ў лінгвістыцы [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Эмоцыя страху, як і многія іншыя эмоцыі ўнутранага стану чалавека, не вызначаецца непасрэдным назіраннем і ў фразеалогіі найбольш шырока адлюстравана на аснове сімптоматычных рэакцый і фізічнага стану чалавека ў момант адчування страху ці на аснове адбору найменняў адпаведных протасітуацый і іх метафарычнага пераасэнсавання. А таму параўнанне фразеалагічных адзінак у кожнай з дзвюх моў з мэтай устанаўлення агульнага і адметнага для беларусаў і рускіх праводзіцца шляхам вызначэння метафарычных мадэляў, абраных вобразаў, сімптоматычных рэакцый і адчуванняў фізічнага стану пры ўтварэнні фразеалагічных адзінак у кожнай з дзвюх моў.

Аналіз фактычнага матэрыялу беларускай і рускай моў дазваляе выдзеліць найбольш агульныя метафарычныя мадэлі ўтварэння фразеалагічных адзінак, у межах якіх маецца агульнае і адметнае.

Найбольшая колькасць адзінак у беларускай і рускай фразеалогіі належыць мадэлі ‘страх – холад’, якія да таго ж вызначаюцца найбольшай колькасцю агульных вобразаў (*кроў у жылах стыне /застыла – кровь в жилах стынет /леденеет /холодеет /застыло в жилах; мороз на скуры /спіне /цэле <прабягае /ходзіць /дзярэ /прадзіраў> – мороз по коже продирает /пробегает; мурашкі бегаюць /прабягаюць на цэле /спіне /скуры – мурашки бегают /забегали по спине /телу /коже; зуб на зуб не пападае /не пападаў /не пападзе // зуб на зуб не трапляе /не трапіў /не патрапіць – зуб на зуб не попадает і інш.*), пры наяўнасці адметных, уласцівых адной мове, напрыклад, бел. *без душы; не ведаць на якім свеце знаходзіцца; скура пашэрхла; скура шэрхне /шэрхла* ці руск. *бледен как смерть; невзвидеть свет*; з адметнымі формамі кампанентаў, параўн. *ні жывы ні мёртвы – ни жив ни мёртв* і інш.

Не менш колькасна прадстаўлена ў фразеалогіі абедзвюх моў і мадэль ‘страх – фізічная дысфункцыя’, у межах якой выдзяляюцца адзінкі з агульнымі вобразамі (параўн.: бел. *валасы становяцца /падымаюцца /устаюць дыбам /дыба /дуба /дубка – волосы становятся дыбом; душа ў пяткі <схавалася, ускочыла> – душа уходит в пятки; душа ў пятках – душа в пятках; паджылкі трасуцца – поджилки трясутся* і інш.), пры наяўнасці адметных, з рознымі вобразамі, рознай структурай, кампанентным складам, што ўласцівы толькі беларускай (*кідае /кунула ў <халодны> пот; цямнее /зялянее ў вачах*) ці толькі рускай (*лица нет; не сметь дохнуть; потеряеть себя; пятки в зубы*), адметным складам (параўн. *падмазваць пяткі – подмазывать пятки салом*), адметнай семантыкай (параўн. бел. *вочы на лоб лезуць* са значэннем ‘хто-небудзь

выказвае вялікае здзіўленне, моцны спалох, страх’, ці фразеалагічная адзінка вызначаецца патэрнам эмоцый, а руск. *глаза на лоб лезут /полезли* замацавана са значэннем ‘кто-либо приходит в состояние удивления, недоумения’) і інш.

Выдзеленыя дзве мадэлі ўтварэння колькасна прадстаўленых фразеалагічных адзінак служаць для рознай характарыстыкі і шырокага дыяпазону функцыянавання ў кожнай з моў найперш для вызначэння, характарыстыкі і ацэнкі чалавека, што выяўляе эмоцыю страху. Так, фразеалагічныя адзінкі першай мадэлі служаць для абазначэння страху як рэакцыі на знешнія прычыны яго выяўлення, як тыя, што нярэдка сапраўды пагражаюць жыццю чалавека, не залежаць ад чалавека, а таму і фразеалагічныя адзінкі не нясуць адмоўнай ацэнкі. Нават наадварот, фразеалагічныя адзінкі гэтай мадэлі служаць для перадачы і вобразнага стэрэатыпага ўяўлення чалавека пра страх і рэакцыю на яго чалавека.

А вось фразеалагічныя адзінкі другой мадэлі даводзяць, што прычынай страху ў іх абраны знешняя нязначная пагроза, што радзей, а найбольш баязлівасць як рыса характару чалавека, яго надуманасць, паколькі нішто не пагражае жыццю чалавека. І гэта адлюстравана праз успрыманне эмоцыі страху на аснове адчуванняў сімптаматычных рэакцый, указанне на парушэнне фізіялагічных функцый арганізма ці пэўных складнікаў яго – саматызмаў, што рэагуюць ці як бы рэагуюць на дзеянне страху. А выбар гэтых саматычных кампанентаў і вобразы, унутраная форма вызначае ўжыванне гэтай групы фразеалагічных адзінак толькі з адмоўнай ацэнкай, каб выразіць негатыў, іронію, насмешку і пад.

Менш колькасна прадстаўлены фразеалагічныя адзінкі ў беларускай і рускай фразеалогіі, утвораныя па такіх агульных мадэлях на аснове вобразных складнікаў фразеалагічных адзінак, як ‘страх – няпэўнасць месца’ (бел. *зямля /глеба выплывае /уцякае з-пад ног* – руск. *земля уходит из-под ног* ці толькі беларускія *зямля наплыла з-пад ног; грунт /глеба хістаецца /захістаўся; крэсла хістаецца; не ведаць на якім свеце знаходзіцца; не магчы знайсці <сабе> месца*) і ‘страх – выратавальнае дзеянне’ (*наказваць пяткі – показывать пятки; падтульваць /падціскаць хвост – поджимать хвост*), сярод якіх выдзяляюцца адметныя ў кожнай мове, напрыклад, бел. *глядзець /пазіраць у кусты; рваць кіпці*, руск. *в кусты* ‘подалее от опасности, от участия в каком-либо нелегком деле, от ответственности за что-либо’; *рвать когти* і інш.).

Агульнай метафарычнай мадэллю ў фразеалогіі абедзвюх моў з’яўляецца мадэль вызначэння ступені інтэнсіўнасці страху ці яго праяўлення праз выкарыстанне агульнапрынятых аб’ектаў параўнання, ці ў выніку метафарызацыі параўнальных зваротаў. І тут зноў выдзяляюцца агульныя фразеалагічныя адзінкі (як *агну* ‘вельмі моцна, панічна (баяцца

каго-, чаго-н.)’ – *как огня; як чорт ладану* ‘вельмі моцна (баяцца каго-, чаго-н.)’ – *как черт ладана; як асінавы ліст* ‘вельмі моцна (калаціцца – часцей ад страху)’ – *как осиновый лист; як агнём апякло* ‘раптоўна ўразіла, збянтэжыла, напалохала што-н.’ – *как огнём обожгло*), уласцівыя адной з іх з адметнымі вобразамі, кампанентным складам, структурай (бел. *як авечы хвост* ‘вельмі моцна (калаціцца, трэсціся і пад.)’; *бы /як чорт крыжа; пад завязку* напалохацца ‘моцна’; *як варам абдало* ‘раптоўна ўразіла, збянтэжыла, напалохала’ і інш.).

Адметнай метафарычнай мадэллю ў рускай мове з’яўляецца ‘страх – дэфекацыя’ (*медвежья болезнь; наложитъ полные штанишки*), якая адсутнічае ў беларускай літаратурнай мове, што сведчыць пра больш этычны падыход беларусаў для выражэння адмоўнай ацэнкі чалавека з яго празмерным страхам, высокім узроўнем баязлівасці і для выказвання знявагі да гэтага.

Адметнасцю беларускай фразеалогіі з’яўляецца метафарычная мадэль ‘страх – няспраўнасць механізма’ (*гайки ослабли /слабичь* ‘хто-н. вельмі спалохаўся’; *уторы ослабелі* ‘хто-н. спалохаўся чаго-н. і адступае ад пачатай справы’), дзе абраны новыя вобразы, протасітуацыі, словы-кампаненты, што, па-першае, адлюстроўваюць рэаліі больш новага часу і тым самым сведчаць пра больш позняе ўзнікненне гэтых беларускіх фразеалагічных адзінак; па-другое, па-новаму выражаюць фізічную дысфункцыю, не называючы канкрэтны орган, а замяняючы больш агульным адчуваннем страху з прыцягненнем вобразаў пра «тэхнічныя» збоі.

Такім чынам, выяўлены корпус фразеалагічных адзінак з агульным значэннем ‘страх’ у беларускай і рускай мовах, у якіх адлюстроўваецца, захоўваецца і перадаецца пэўная культурная інфармацыя і якія звязаны з архаічнымі і параўнальна «старымі» ўяўленнямі пра страх як стан узбуджэння і напружання са спецыфічнымі саматычнымі і псіхічнымі праяўленнямі, – гэта сведчанне вялікай ролі страху ў жыцці чалавека і багацце фразеалагічных сродкаў з разнастайнасцю мадэляў, вобразных уяўленняў для яго прадстаўлення, гэта і наглядны доказ назначэння фразеалагічных адзінак – замацоўваць і перадаваць сучаснікам і будучым пакаленням веды пра не столькі эмацыянальны стан страху чалавека, колькі ў залежнасці ад розных прычын яго веды пра дакладную і разнастайную ацэнку чалавека па шкале каштоўнасцага выражэння адносінаў кожнага народа да чалавека з яго страхам, якая вар’іруецца ад спачування, суперажывання да насмешкі, іроніі і нават знявагі; гэта сродак пазнання мыслення чалавека, спосабаў выражэння яго ўяўленняў пра страх як нябачную, абстрактную з’яву.

Параўнальны аналіз толькі адной групы эмацыйных фразеалагічных адзінак дзвюх блізкіх моў на аснове іх фармавання па мадэлях,

у залежнасці ад іх унутранай формы, абраных вобразаў, кампанентнага складу, структуры, семантыкі дае магчымасць устанавіць шмат агульнага і разам з тым адметнае, уласцівае толькі для пэўнага народа. Гэта і адметныя мадэлі, і розныя вобразы, і адбор слоў-кампанентаў, і розныя структура і семантыка. Сапраўды, выяўленне ўнутранай формы адзінак, што называюць, характарызуюць і ацэньваюць эмоцыю страху, яе адчуванне, вымярэнне інтэнсіўнасці яе праяўлення, падмацоўвае канцэпцыю выдатнага вучонага-гуманіста В. Гумбальда, які каля двух стагоддзяў назад сцвярджаў: «Розныя мовы – гэта не розныя абазначэнні аднаго і таго ж прадмета, а рознае бачанне яго...» [10, с. 9].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Еникеев, М. И. Психологический энциклопедический словарь / М. И. Еникеев. – М. : Проспект, 2010. – 560 с.
2. Крейнина, О. В. Основные подходы к определению страха в философской и психологической литературе // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. Вып. 6 (11) / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2008. – С. 108–117.
3. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2011. – 461 с.
4. Зализняк, А. А. Семантика глагола *бояться* в русском языке / А. А. Зализняк // Известия Академии наук СССР. СЛЯ. – 1983. – Т. 42. – № 1. – С. 59–66.
5. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
6. Иорданская, Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувств / Л. Н. Иорданская // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 13. – М. : МГПИИЯ, 1970. – С. 3–26.
7. Иорданская, Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств / Л. Н. Иорданская // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 16. – М. : МГПИИЯ, 1972. – С. 3–21.
8. Добровольский, Д. О. Образная составляющая в семантике идиом / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.
9. Ляшчынская, В. А. Фразеалагічная эмацыянальная канцэптасфера беларусаў / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РИВШ, 2012. – 246 с.
10. Рамишвили, Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания / Г. В. Рамишвили // Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / под ред. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1984. – С. 3–5.

In the article on the base of Belarusian and Russian phraseological units that represent fears as one of the inner emotions of a person, common and national distinctive meanings are revealed, defining their formation based on the perception, understanding and reflection of this emotion in the language view of the world of two Slavic nations. The interpretation of figurative notions about the emotion, its flow, the perception in the phraseology of the studied languages is aimed at the assessment of a person with his emotional state, at his characteristics.

О СВЯЗИ СЕМАНТИКИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ С КАТЕГОРИЕЙ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

О. Н. Мельникова

Предметом статьи является формирование вторичных модальных значений на базе семантики физической силы. Анализ внутренней формы ряда лексем свидетельствует о тесной связи рассматриваемой исходной семантики с представлениями о субъективной возможности. Работа выполнена на материале русского и других славянских языков.

Выявление закономерностей формирования определенных семантических категорий является одним из актуальных направлений современного языкознания. В этом русле несомненный интерес представляет формирование модальной семантики в истории языка. Одним из наиболее распространенных в поле субъективной возможности является значение 'быть в состоянии (исполнить что-либо)'. В этом случае связь между субъектом и действием определяется «наличием у субъекта соответствующих данных физического, психологического или морального характера, позволяющих ему осуществить действие» [1, с. 37].

Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что модальное значение субъективной возможности, вторичное по происхождению, может быть связано с семантикой физической мощи, способности к осуществлению чего-либо. Наличие физической силы закономерно расценивается как предпосылка вероятности, возможности, как условие совершения какого-либо действия, в силу чего указанная семантическая трансформация носит достаточно регулярный характер. Предметом рассмотрения в данной статье является реализация данной закономерности в русском и других славянских языках.

Праславянский глагол **mogti*, восходящий к и.-е. *mōgh-* 'быть в состоянии' [2, вып. 19, с. 110–111] и его производные обнаруживают в восточнославянских языках продолжения, отражающие связь модального значения возможности с семантикой физической способности, силы, сравн. др.-русск. *мочи, мощи* 'быть здоровым, не болеть' и 'быть в состоянии, в силах (делать что-либо)', а также 'иметь силу, влияние, значение', 'быть состоятельным', *немощи* 'быть нездоровым, хворать', *мочь* 'сила, возможность', *немошь* 'бессилие, слабость', 'болезнь' [3, т. 2, с. 397], русск. *мочь* 'быть в состоянии, в силах что-либо сделать', 'обозначает вероятность, возможность какого-либо действия (в безличном

употреблении)’, *мочься* прост. ‘о чьём-либо самочувствии, о состоянии здоровья’, ‘имеется возможность; возможно’: *А женятся: богатому как хочется, а бедному как можется.* С. В. Максимов; прост. *мочь* ‘сила, возможность, способность делать что-либо’ [4, т. 2, с. 418–419]; сравн. также диал. *мочь* (влад., волог., костр. и др.) ‘быть здоровым’, *моць* ‘жизненная сила, энергия’, *немоглый* ‘больной’, ‘не владеющий (рукой, ногой и пр.)’, ‘бессильный, хилый, немощный’, *измогать* ‘болеть, ослабевать, лишаться сил’ [5, вып. 18, с. 313; вып. 21, с. 82–83; вып. 12, с. 146], ст.-бел. *мочи, могти* ‘быть здоровым’ и ‘быть в состоянии, в силах что-либо сделать’, ‘иметь право, отваживаться’ [6, с. 191], бел. *магчы* ‘быть в состоянии, иметь достаточно сил выполнить что-либо’ и ‘иметь возможность что-либо сделать’, ‘быть способным осуществить что-либо’, ‘обозначает вероятность, возможность какого-либо действия’ [7, т. 3, с. 81] и диал. *магчы* ‘иметь способность терпеть’ [8, с. 257], укр. *мочи, могчи, могти* ‘быть в состоянии, в силах что-либо сделать’, *мога* ‘возможность’ и *можніти* ‘делаться могущественным, сильным’, ‘богатеть’ [9, т. 2, с. 439].

Связь рассматриваемых значений отражают соотносительные лексемы в других славянских языках, сравн. сербохорв. *то̀си* ‘быть в состоянии, иметь силу, власть’ и *немо̀ћи* ‘быть больным’, ст.-чеш. *тосі* ‘мочь; смочь, иметь силу’ и *петосі* ‘быть слабым, немощным’, ст.-польск. *тос* ‘мочь, быть в состоянии’, ‘иметь возможности, силы, здоровье’ и диал. *пие тос* ‘быть больным, недомогать’ и др. [2, вып. 19, с. 107–109; вып. 24, с. 158–159]. Таким образом, значение, связанное с наличием физической возможности (‘иметь достаточно сил’) является первичным и лежит в основе более абстрактного модального значения ‘быть в состоянии, иметь возможность’.

Сходные семантические закономерности отмечаются во внутренней форме праславянского глагола **dužiti*, продолжениями которого в восточнославянских языках являются: русск. диал. (казан., пск., перм., том. и др.) *дюжить* ‘выдерживать тяжесть, напор чего-либо; сохранять прочность’, ‘одолевать, осиливать’, ‘оказываться в силах, быть в состоянии что-либо сделать’ [5, вып. 8, с. 302–303], бел. *дужець* ‘становиться крепче, сильнее’, ‘окрепляться, выздоравливать’, ‘одолевать в борьбе’ [10, с. 147], *дужаць* разг. ‘осиливать, превозмогать’ [7, т. 2, с. 153], сравн. *здужаць* ‘смочь, суметь’ [7, т. 2, с. 426], а также укр. *подужати* ‘быть в силах, смочь’ [9, т. 3, с. 247].

Глагол является производным от прилагательного **dužьjь* (сравн. русск. *дюжий* ‘очень сильный, здоровый, крепкого сложения’ [4, т. 1, с. 625], бел. *дужы* ‘обладающий значительной физической силой’, ‘здоровый, выносливый’ [7, т. 2, с. 208], укр. *дужий* с аналогичной

семантикой: *Дужий зробити щось* ‘в состоянии сделать что-либо’: *Криве дерево не дужо випрямитись* [9, т. 1, с. 454]. Праславянское прилагательное, в свою очередь, по происхождению связано с именем **digъ* (сравн. др.-русск. *дугъ* ‘сила’ в *недугъ* ‘болезнь, бессилие’ [3, т. 1, с. 741], а также чеш. *duh* ‘сила, процветание’ [2, вып. 5, с. 150]. Итак, обладание физической мощью, силой связывается с возможностью осуществления какого-либо действия; данная связь находит отражение в семантике восточнославянских лексем, восходящих к глаголу **dužiti*.

Сила воспринимается не только как способность производить физические действия, но и – шире – как физическая или моральная возможность активно действовать, как «источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движения, стремления» [11, т. 4, с. 184]. Подобные представления отражены в семантике некоторых славянских лексем, сравн. русск. *силиться* ‘стараться, пытаться’, *в силах* ‘мочь, располагать возможностью’, *в силе* ‘в таком состоянии, когда есть власть, влияние’, *по силам* или *под силу кому* ‘соответствует чьим-либо возможностям’, бел. *сіловацьца* ‘стараться с усилием’ [10, с. 579], *сіліцца* ‘прилагать усилия’, ‘стараться, пробовать сделать что-либо’ [7, т. 5, с. 131], диал. *браць сілу* ‘искать возможности’: *Вонэ добрэ, коб было і годвалосо, але не знаю, як ужэ откуль сілу браць* [12, с. 34]; сравн. также польск. *silić się* ‘стараться, пытаться’ [13, с. 1169]. Показательна в этом отношении эволюция значений русск. диал. *натуристый* ‘физически здоровый, крепкий, сильный’ → ‘смелый, энергичный’, ‘волевой, обладающий сильным характером’, ‘настойчивый, упорный’ → ‘обладающий умением, опытом, навыком; наторевший в каком-либо деле’ [5, вып. 20, с. 237].

Сходные представления лежат в основе развития семантики праславянского глагола **dъrzati*, сравн. др.-русск. *дързати, дързати, дъръзати* ‘дерзать, осмеливаться’ [3, т. 1, с. 777], русск. *дерзать* ‘смечь или осмеливаться, посягать; ободряться, мужать’ [11, т. 1, с. 1070], высок. ‘смело, решительно действовать, смело стремиться к чему-либо высокому, новому’, книжн. ‘осмеливаться, отваживаться’: *В последний раз твой образ милый Дерзаю мысленно ласкать*. А. С. Пушкин; сравн. также *дерзание* ‘смелое стремление к чему-либо’ [4, т. 1, с. 527]. Праславянский глагол по происхождению связан с прилагательным **dъrzъ(jь)* ‘дерзкий’, которое восходит к и.-е. **dh̥rsu-*; к этому же корню этимологи относят авест. *daršiš* ‘смелый, сильный’, др.-инд. *drhyati* ‘быть крепким’, лат. стар. *fortis* ‘сильный, храбрый, доблестный’, др.-англ. *dyrstig* ‘крепкий, сильный, смелый’ [2, вып. 5, с. 228–231; сравн. также 14, т. 1, с. 181; 15, с. 503]. Очевидно, семантика ‘сильный, крепкий’ является первичной и выступает в качестве основы формирования значения ‘дерзкий, смелый’, т. е. ‘тот, кто осмеливается активно, решительно действовать’.

Связь модального значения возможности с семантикой, отражающей наличие физической силы, также подтверждается на материале других языков, сравн. лтш. *tērpa* ‘сила’ – *tārpa* ‘деятельность’, *tarps* ‘способный, годный’; брит. *galloet* ‘сила, мощь’ – лит. *galėti* ‘мочь’ [16, с. 26, 29].

Таким образом, сила понимается как физическая или моральная возможность активно действовать. В семантике рассмотренных лексем, объединенных общим исходным значением, выделяются семантические компоненты ‘физическая сила, мощь’, ‘жизненные силы, здоровье’, ‘социальная сила, власть’, ‘психологическая сила, воля’. Кроме того, в понятии силы сочетается индивидуальное и социальное: с одной стороны, это отражение физических и психических способностей человека; с другой стороны, понятие силы традиционно связывается с представлениями о лидерстве, влиянии, управлении, власти. Исследование данного семантико-этимологического пространства позволяет сделать вывод, что модальное значение возможности закономерно формируется у лексем, исходная семантика которых связана с обозначением силы, физической мощи. Данная семантическая модель носит метафорический характер и соответствует магистральному направлению семантического развития ‘конкретное’ → ‘абстрактное’.

Список использованных источников

1. Ваулина, С. С. О специфике реализации модального значения возможности (на материале памятников письменности XVII – нач. XVIII в.) / С. С. Ваулина // Исследования по исторической семантике : межвуз. сб-к. / отв. ред. А. И. Дубяго. – Калининград : Изд-во КГУ, 1980. – С. 36–44.
2. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.
3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I. – 1420 с.; Т. II. – 1802 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык. – Т. 1: А – И. – 1981. – 698 с.; Т. 2: К – О. – 1982. – 736 с.
5. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – М.–Л. : Наука, 1965–1966. – Вып. 1–2; Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1968–1994. – Вып. 3–28.
6. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Навука і тэхніка. – Вып. 18. – 1999.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск : Гал. рэд. БелСЭ. – Т. 2.: Г – К. – 1978. – 768 с.; Т. 3: Л. – П. – 1979. – 672 с.; Т. 5. – Кн. 1: С – У. – 1982. – 663 с.
8. Бялькевіч, І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І. К. Бялькевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.
9. Словарь украинского языка / под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев : Изд-во АН Укр. ССР, 1958–1959. – Т. I–IV.

10. Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск : БелСЭ, 1983. – 792 с.
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1989–1991. – Т. I, IV – 1982. – Т. III. – 555 с.
12. Тураўскі слоўнік : у 5 т. / склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін і інш. – Мінск : Навука і тэхніка. – Т. 5: С–Я. – 1987. – 423 с.
13. Русско-польский словарь / сост. А. Миревич, И. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Марыняк. – М. : Сов. Энциклопедия – Варшава : Ведза Повшехна, 1970. – 1456 с.
14. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. – Т. 2. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – 560 с.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т.: пер с нем. и доп. О. Н. Трубачева / отв. ред. Б. А. Ларин. – М. : Прогресс. – Т. 1: А–Д. – 1986. – 573 с.
16. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М. : Высшая школа, 1989. – 200 с.

A subject of article is formation of secondary modal values on the basis of semantics of physical force. The analysis of an internal form of a number of lexemes confirms close connection of the considered initial semantics with ideas of a subjective opportunity. Work is performed on material of Russian and other Slavic languages.

УДК 811.161.1'42: 821.161.1-1* Саша Черный

КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА САШИ ЧЕРНОГО

Т. А. Осипова

В статье рассматриваются особенности вербализации концепта «жизнь» в поэзии Саши Черного через ядерную лексему и ее синонимы. Внимание уделяется и общеязыковым, и особенно индивидуально-авторским реализациям указанного концепта. Исследование проводится в рамках когнитивной лингвистики.

Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг) – известный русский поэт-сатирик Серебряного века, прозаик, журналист и публицист. Одна из основных тем его творчества – русский быт, русская жизнь, а также эмигрантская жизнь, описанные с иронией, юмором и сарказмом.

В данной статье мы рассмотрим особенности вербализации концепта «жизнь» в поэзии Саши Черного через лексемы *жизнь, житие, житьё, бытие* (на материале Национального корпуса русского языка [1]). Концепт «жизнь» весьма важен для поэтической картины мира Саши Черного. Об этом можно судить по многочисленности употребления ключевого имени *жизнь* (80 употреблений). Отмечены также 4 контекста

с существительным *бытие*, 4 контекста с лексемой *жизнь* и 3 употребления слова *житие*.

Толковый словарь русского языка приводит следующие определения значений слов *жизнь*, *жизньё*, *житие*, *бытие*: «**Жизнь**, -и, ж. 1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи. 2. Физиологическое существование человека, животного, всего живого. 3. Время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-н. его период. 4. Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях. 5. Реальная действительность. 6. Оживление, проявление деятельности, энергии»; «**Жизньё**, -я, ср. (разг.). 1. То же, что жизнь (в 3 знач.). 2. кому. Хорошая, приятная жизнь. 3. Нахождение, пребывание где-н., проживание. Место, удобное для житья»; «**Житие**, -я, мн. -я, -ий, ср. 1. То же, что жизнь (во 2 и 3 знач.) (стар.). 2. В старину: повествовательный жанр – описание жизни (лиц, канонизированных церковью)»; «**Бытие**, -я, ср. (книжн.). 1. Жизнь, существование. Радость бытия. 2. Совокупность материальных условий жизни общества» [2].

В поэзии Саши Черного концепт «жизнь» имеет реализации, присущие национальному русскому сознанию, например, жизнь как «совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи» чаще обозначается лексемами высокого стиля *бытие*, *житие*:

Оазисы сытого буржуазного жития (Сказка про красного бычка);

Душа, порвав с навязанною ролью,

Ткет в лунный час иное бытие (Иногда).

Бытие понимается как реализация судьбы (рока), зависящая от воли Божества:

Как будто рок из рога бытия

Рукой рассеянною сыплет

Обрывки слов, улыбки, искры глаз (В метро).

Интересно авторское противопоставление *жития* как земной жизни и *бытия* как существования материи в одном контексте:

Сорвавши белые перчатки

И корчась в гуще жития,

Упорно правлю опечатки

В безумной книге бытия (Анемоны).

В этом контексте употреблено выражение *книга бытия*, которое обычно обозначает конкретную книгу – часть Библии, но в поэтическом контексте приобретает значение записи событий жизненного пути человека. Таким образом, в данном контексте реализуется концептуальная метафора «жизнь – книга». Кроме того, выражение *в гуще жития* позволяет говорить о метафоре «жизнь – нечто густое».

Существительное *житьё*, напротив, имеет окраску разговорности и называет у автора жизнь как «физиологическое существование человека, животного, всего живого» применительно к низшим слоям общества, обычно тяжелую жизнь:

*Покурить бы хоть с печали,
Да в кисете... Эх, **житье!** (Один из них).*

У автора мы находим употребление в одном контексте слова *жизнь* в разных значениях («физиологическое существование человека, животного, всего живого», «оживление, проявление деятельности, энергии»), позволяющее говорить об их противопоставлении:

*«**Жизнь** без **жизни**» – опасный девиз.*

*Кто не рвется в свободную высь,
Неизбежно свергается вниз... (У постели).*

Отметим неоднократно встречающееся у поэта сочетание слова *жизнь* с его антонимом *смерть*:

***Жизнь** и **смерть** его для нас, как рана,
Но душа спокойна за него (Пушкин).*

В поэзии Саши Черного абстрактный концепт «жизнь», как это обычно бывает в художественной картине мира, приобретает конкретную реализацию, опредмечивается и олицетворяется. Отметим прежде всего объективацию данного концепта как человека, личности с присущими ей качествами характера, возможностью определенных действий, со способностью передвигаться. Жизнь выступает как человек – субъект:

*Эх ты, **жизнь**, скупой лабазник,
Хам угрюмый и нагой! (Псковская колотовка);
В книгах **жизнь** широким тиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданья и страстей (Ламентации);
Жизнь мчится, мгновенье прекрасно,
В бистро и тепло, и уют... (Парижское житие).*

Жизни можно испугаться:

*Что это – только безверье иль перед **жизнью** испуг?.. («Кровь ударяет горячей волною в виски...»).*

Жизнь также может репрезентироваться как человек – объект:

*Ты был и прост и честен.
Сколько **жизней** ты сберег в полях... (Памяти генерала К. П. Губера);
Надо знать, что **жизнь** не вся убита,
Что она пока еще моя («Надо»).*

У него можно что-либо украсть:

А рядом слышны поцелуи,

И кто-то минуты крадет

У жизни, у счастья, у ночи... («Грохочет вода о пороги...»).

Не менее интересна поэтическая объективация концепта «жизнь» как животного, птицы, растения:

*Зимою **жизнь** в Житомире*

Сонлива, как сурок (На славном посту);

*Но **жизнь** влетит, гласит анализ,*

В окно иль в дверь ее гони (Эмигрантское).

Автор использует сравнительную конструкцию с субъектом сравнения – животным.

Жизнь – цветы:

Когда б их всех под этот кров собрать,

*Вся **жизнь** вокруг здесь расцвела б, как чудо! (Докторша).*

Далее приведем контекст, где Саша Черный представляет жизнь как неодушевленный предмет, с которым можно производить некие манипуляции:

*Подарят жалкий остаток **жизни** (Святая наивность).*

Жизнь также вербализуется как хлеб:

Когда душа мрачна, как гроб,

*И **жизнь** свелась к краюхе хлеба (Оазис).*

Целый ряд репрезентаций представляет концепт «жизнь» как место, пространство, а также путь:

Как старомодная сказка поэта,

*Мирный клочок этой **жизни** уютной («С детства люблю захоластные лавки...»);*

*Мы могли бы в **жизни** не блуждать,*

Словно дети в незнакомой роще (Споры);

*Или в огромной **жизни***

Занятия другого не нашлось? (Собачий парикмахер);

Скажу тебе заочно:

*Земная **жизнь** ведь беженский этап,*

Лишь в вечности устроимся мы прочно (Гигиенические советы).

Для поэзии Саши Черного характерно представление концепта «жизнь» как вещества, прежде всего воды. Известна общеязыковая репрезентация абстрактных концептов как жидкости. В поэтических контекстах эта концептуальная метафора конкретизируется как водоворот, поток, напиток:

Сто кризисов и каждый без просвета,

*Зачахли музы, **жизнь** – водоворот (Политический сонет);*

*Струится **жизнь** сквозь дым столетий*

И люди чисты – словно дети («Лесов тенистые покровы...»);

*Не вся ли **жизнь** хмельной поток*

Над райской панорамой? (Бал в женской гимназии).

Напиток жизни содержит радость:

*Этот полный кубок **жизни***

Мне милей стихов Петрарки (Дитя);

Смотрю голодными глазами за окно

*И радость **жизни** медленно вливаю,*

Как редкое, бесценное вино («Лег на прохладный подоконник...»).

Жизнь репрезентируется также как почва:

Ушли в века дни русского уюта,

*Бессмысленно ревет, смывая **жизнь**, гроза* (Е. А. Полевицкой).

Что касается восприятия жизни поэтом, то оно амбивалентно. С одной стороны, жизнь – это радость (как правило, это природа), а с другой – это нечто негативное. Такое восприятие обусловлено современными автору реалиями. Приведем примеры:

***Жизнь** – черная смрадная яма, костер из слепых и глухих* (Памяти Л. Н. Андреева);

***Жизнь** все ярче разгорается:*

Двух старушек в часть ведут,

В парке кто-то надрывается –

Вероятно, морду бьют (Ранним утром).

В приведенных контекстах реализуются авторские метафоры «жизнь – костер» и «жизнь – утренняя заря».

Поэзия Саши Черного богата не только метафорами, но и эпитетами, сравнениями. Как правило, они служат для отрицательной характеристики жизни. *Жизнь дикая, сухая, как жесть, мертвая, бессмысленная, черная, как кокс, злая:*

*Все будем повторять, что наша **жизнь** дика* (Опять и опять);

*Но ведь **жизнь** суха, как жесть* (Грешные стихи);

*Мертвая **жизнь** без значенья, холод души, пустота...* («Кровь ударяет горячей волною в виски...»);

*Я бежал от бессмысленной **жизни***

И к тебе захожу по пути... («Все в штанах, скроенных одинаково...»);

*Пусть **жизнь** черна, как кокс,*

Но смерть еще чернее! (Настроение);

*Ему казалось: к этой **жизни** злой*

С войной и голодом, болезнями и грязью

Такой пейзаж подходит до смешного... («Осенний день. Ленивый веер солнца...»).

Поэт определяет жизнь сразу шестью эпитетами:

***Жизни** мерзкой и гнилой,*

Дикой, глупой, скучной, злой... (Диета).

Одна из причин негативного мироощущения – это эмиграция, невозможность жить на Родине:

В этой жизни эмигрантской

Даже дождь угрюмой хлещет (Мандола).

Как указывает Н. А. Тиботкина, «мотивная структура лирики Саши Черного организована двум концептуальными семантическими оппозициями: действительность – идеал, Родина – чужбина» [3].

Таким образом, жизнь для Саши Черного – это, с одной стороны, ад:

Пока не решат,

Как всем нам в любой отчизне

Наш идиотский ад

Превратить в подобие жизни (Утопия),

с другой стороны, жизнь – сказка:

Ярче сказки Андерсена развернется пред тобой

Сказка жизни, вечной жизни, переполненной собой (Жизнь).

Последнее стихотворение под названием «Жизнь» посвящено описанию роста растения, и это неслучайно, поскольку источник *жизни* – сказки Саша Черный видел в природе. Именно природа была одной из составляющих его идеала и надежды на лучшее будущее.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 22.02.2019.

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа : <http://ozhegov.info/slovar/>. – Дата доступа : 21.02.2019.

3. Тиботкина, Н. А. Мотивная структура лирики Саши Черного : автореф. дис. ...канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Н. А. Тиботкина. – Тверь, 2010. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/motivnaya-struktura-liriki-sashi-chernogo>. – Дата доступа : 20.02.2019.

This article discusses the peculiarities of the verbalization of the concept of “life” in Sasha Chernoy’s poetry through the nuclear lexeme and its synonyms. Attention is paid to common language, and especially the individual author’s implementations of this concept. The study is conducted in the framework of cognitive linguistics.

ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В СИТУАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ А. П. ЧЕХОВА «МЕДВЕДЬ»)

Ю. О. Поплавская

В статье рассматривается гендерно-маркированная лексика персонажей художественной литературы, особенности ее проявления в тексте и влияние на характеристику героев произведения. В качестве материала исследования используется пьеса (шутка в одном действии) «Медведь» А. П. Чехова.

Данное исследование, проведенное на материале пьесы А. П. Чехова «Медведь», представляет собой попытку выделить и проанализировать гендерные особенности лексики мужских и женских персонажей, находящихся в эмоциональном напряжении.

Главная героиня этого произведения – помещица Попова – демонстрирует модель речевого поведения, соответствующую ее гендерной роли. Так, в ее речи, особенно в момент эмоциональных всплесков, присутствуют аффективные прилагательные: *Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце.*

Е. Г. Никулина отмечает, что «в ситуациях аффекта прилагательные способны получать субъективно-оценочные значения... Семантика слова становится менее определенной... Прилагательное становится приложимым к более широкому кругу понятий» [6, с. 60]. Так, кроме своего прямого значения ‘неимущий’ [7], лексема *бедный* приобретает в контексте пьесы значение ‘страдающий, несчастный’. Прилагательные *лучший* и *бессовестный* с усилением *самый* в речи Поповой используются не для передачи денотативной информации, а для определения своего эмоционального отношения к умершему супругу: *Этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал меня на каждом шагу!*

В речи Поповой можно также встретить слова-интенсификаторы, которые помогают выявить высокую степень какого-либо признака [3, с. 138]. Эта высокая степень может содержаться в самом слове: *Я любила его страстно, всем своим существом, как может любить только молодая, мыслящая женщина...*

Часто высокая степень признака выражается сочетанием с интенсификаторами *так, сколько, как, какой* и т. д.: *Он так любил Тоби!; Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал возжжи!; Как тяжелы эти люди!*

Попова прибегает к усилению перечисленных признаков в ситуации печального воспоминания об умершем муже, раздражения и недовольства, что соответствует предписанной ей гендерной роли. В то же время слова-интенсификаторы редко встречаются в речи помещика Смирнова, лишь в момент восхищения Поповой: *Боже, какая женщина! Никогда в жизни не видал ничего подобного! Пропал! Погиб! Попал в мышеловку, как мышь!; Я люблю вас! (Становится на колени.) Люблю, как никогда не любил!*

Женскому речевому поведению свойственна неуверенность в высказывании собственного мнения, что имплицитно разделяется вопросами: *Я дала себе клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видеть света... Слышишь? Пусть тень его видит, как я люблю его...*

Данная особенность проявляется в речи помещицы в моменты восхищения покойным мужем (*Как он чудно правил! Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал возжжи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса...*), грусти и печали (*Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце. (Смеется, сквозь слезы.) И тебе не совестно? Я паинька, верная женка, заперла себя на замок и буду верна тебе до могилы, а ты... и тебе не совестно, бутуз?*), раздражения, гнева (*Да, оскорбляю... ну, так что же? Вы думаете, я вас боюсь?*).

В противоположность приведенным примерам речевое поведение Смирнова – отставного военного – характеризуется уверенностью, настойчивостью, стремлением действовать. Неуверенность, как признак сильного волнения, проявляется в ситуации, когда помещик признается в своей симпатии к Поповой: *Ну, да разве я виноват, что вы мне нравитесь? (Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.) Черт знает, какая у вас ломкая мебель! Вы мне нравитесь! Понимаете? Я... я почти влюблен!*

Кроме того, гендерно маркированными выступают аллегоричность, двусмысленность высказывания, которые характерны именно для женского речевого поведения. Аллегоричность женской речи заключается в употреблении участниками коммуникации высказываний, которые, обладая подтекстом, скрытым смыслом, могут быть поняты весьма специфично применительно к конкретной ситуации [5, с. 72]: *Он [покойный муж] так любил Тоби! Он всегда ездил на нем к Корчагиным и Власовым. Как он чудно правил! Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал возжжи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса.*

В приведенном контексте забота о лошади воплощает в себе память о покойном муже и верность ему «до гробовой доски». Данное

предположение подтверждается последней фразой, произнесенной Поповой после поцелуя со Смирновым: *Попова (опустив глаза). Лука, скажешь там, на конюшне, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса.* Приведенная реплика не только демонстрирует смущенное волнение Поповой, но и довольно явно, если учитывать аллегорический подтекст, дает понять, что траур вдовы по покойному мужу завершился.

При исследовании гендерно маркированной художественной речи «есть основания говорить о лексической многословности женщин, их известной склонности к продолжительному говорению. В целом многословие является устойчивой универсальной характеристикой женского речевого поведения...» [5, с. 72]. В пьесе А. П. Чехова «Медведь» женское многословие проявлено, например, в эпизоде, когда помещица Попова вступает в горячий спор со Смирновым. Монолог героини насыщен репликами высокой степени проявления эмоций (*самый лучший, страстно, всем своим существом, дышала им, молилась на него, лучший из мужчин, самым бессовестным образом, ужасно вспомнить* и др.). Кроме того, Попова использует сравнение (*молилась на него, как язычница*), эвфемизмы (*погребла себя в четырех стенах*) для усиления экспрессивного эффекта.

Данные аспекты отличают женскую речь от мужской, более скупой и сдержанной в выражении эмоций и чувств. Тем не менее Смирнов прибегает к нормативному выражению эмоций, что случается с ним в минуты крайнего эмоционального напряжения: *Ах, как я зол! Так зол, что, кажется, весь свет стер бы в порошок... Даже дурно делается...; Сошел с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак! (Хватает ее за руку, она вскрикивает от боли.) Я люблю вас! (Становится на колени.) Люблю, как никогда не любил!*

При этом Смирнов иногда использует в речи междометия, восклицания, что может характеризовать его в качестве вспыльчивого и эмоционального персонажа: *Как я зол сегодня, как я зол! От злости все поджилки трясутся и дух захватило... Фуй, боже мой, даже дурно делается!; Брр!.. Даже мороз по коже дерет – до такой степени разозлил меня этот шлейф! Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи.*

Кроме того, в эмоционально напряженной ситуации Смирнов довольно часто прибегает к использованию вульгаризмов для выказывания своего недовольства: *Болван, любишь много разговаривать... Осел!; Я приехал не к приказчику, а к вам! На кой леший, извините за выражение, сдался мне ваш приказчик!; Скажешь там на конюшне, чтобы овса дали лошадям! Опять у тебя, скотина, левая пристяжная запуталась в вожжю!*

Вульгаризм определяется как «грубое выражение, или такое

выражение, которое употребляется только в разговорной речи и особенно в речи некультурных и необразованных людей» [2, с. 101]. Отечественные ученые отмечают, что «под вульгаризмами понимают слова и выражения, которые не принято употреблять в обществе вследствие их грубости или непристойности» [7, с. 117]. А. Б. Барунов, ссылаясь на И. Р. Гальперина, считает, что «целесообразнее термин *вульгаризм* закрепить лишь за определенной группой слов и фразеологизмов, объединенных одним ведущим, наиболее характерным признаком. Этим признаком будет та степень грубости, которая граничит с непристойностью» [1, с. 15]. В контексте приведенного определения вульгаризмов представляется возможным отнести к ним грубые слова из следующего отрывка речи Смирнова: *Ни одна каналья не платит! А всё оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба! Слишком я с ними деликатен!; Разлимонился, рассиропился, раскис... стою на коленях, как дурак, и предлагаю руку... Стыд, срам! Пять лет не влюблялся, дал себе зарок, и вдруг втюрился, как оглобля в чужой кузов!*

Употребляемые Смирновым для характеристики женщины лексемы (*ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки*) обладают сниженной эмоционально-стилистической окраской, что однозначно демонстрирует отношение Смирнова к женщинам как к крокодилу, который умеет хныкать и распускать нюни. Сама же Попова в порыве гнева также прибегает к оскорблениям Смирнова, но использует при этом лексические единицы с более мягкой оскорбительной семантикой (*медведь, бурбон, монстр, мужик*): *Попова (стараясь перекричать). Медведь! Медведь! Медведь!; Попова (сжимая кулаки и топая ногами). Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!*

Явное пренебрежение можно увидеть и в следующих примерах, когда раздосадованный Смирнов спорит с Поповой: *Не кричите, пожалуйста, я вам не приказчик! Позвольте мне называть вещи настоящими их именами. Я не женщина и привык высказывать свое мнение прямо! Не извольте же кричать!; А вы думаете, что если вы поэтическое создание, то имеете право оскорблять безнаказанно? Да? К барьеру!; Пора, наконец, отрешиться от предрассудка, что только одни мужчины обязаны платить за оскорбления! Равноправность так равноправность, черт возьми! К барьеру!*

В последней приведенной фразе Смирнова присутствует ругательство-императив *черт возьми!* Необходимо отметить, что подобные конструкты в целом характерны для мужского речевого поведения. Употребление подобных высказываний в определенной мере оправдывается эмоциональным состоянием субъекта речи – гневом, злостью, раздражением, нетерпением [5, с. 104]. Обычными в мужской речи являются императивные конструкции, имплицитно выражающие

модальное значение желательности и включающие в свой состав, с одной стороны, субъект действия (номинации *черт, зараза, холера, лихоманка* и т. п., восходящие к словам-мифонимам – воплощениям нечистой силы), а с другой – глагол в форме императива, обозначающий активное действие [Там же]. Приведем примеры из речи Смирнова: *Измучился, как собака, ночевал **черт знает где** – в жидовской корчме около водочного бочонка...; Ну, у вас муж умер, настроение там и всякие фокусы... приказчик куда-то уехал, **черт его возьми**, а мне что прикажете делать?; Узнаете вы меня! Я не позволю шутить с собою, **черт возьми!**; Ну, да разве я виноват, что вы мне нравитесь? (Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.) **Черт знает**, какая у вас ломкая мебель!*

В состоянии крайнего возмущения грубым и неуважительным поведением Смирнова, главная героиня пьесы-шутки также использует ругательства-императивы: *Сию минуту! После мужа остались пистолеты... Я сейчас принесу их сюда... (Торопливо идет и возвращается.) С каким наслаждением я влеплю пулю в ваш медный лоб! **Черт вас возьми!** (Уходит).* Данный пример является единичным и служит показателем крайней эмоциональной напряженности, в которой пребывает Попова в конце разговора со Смирновым.

Таким образом, персонажи пьесы «Медведь» А. П. Чехова Попова и Смирнов довольно ярко отражают женскую и мужскую модели речевого поведения соответственно. Если Попову характеризует аллегоричность, мягкость, иносказательность и некоторая неуверенность эмоциональных высказываний, то речь Смирнова отличается грубостью, вульгарностью, пренебрежительностью и настойчивостью высказываний. Наибольшую свою проявленность данные аспекты получают в ситуациях эмоционального напряжения, когда контроль над выражением мыслей в той или иной степени ослабевает, что позволяет проявиться сформированным социально-культурным моделям поведения.

Список использованных источников

1. Барунов, А. Б. Функции слов сниженного стилистического тона в художественной литературе (на материале современных американских романов) / А. Б. Барунов // LINGUA MOBILIS. – 2011. – № 6 (32). – С. 12–17.
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
3. Ермакова, О. П. Интенсификаторы и деинтенсификаторы в контексте иронии / О. П. Ермакова // Жанры речи. – 2016. – № 1 (13). – С. 137–141.
4. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Кирилина; Моск. гос. лингвистич. ун-т. – М., 2000. – 40 с.

5. Коваль, В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики : монография / В. И. Коваль; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 210 с.

6. Никулина, Е. Г. Участие эмоционально-оценочных прилагательных в формировании аффективных диалогических структур / Е. Г. Никулина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 1. – С. 60–63.

7. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – Киев : Вища школа, 1984. – 241 с.

The article discusses the gender-marked vocabulary of characters of fiction, features of its manifestation in the text and the impact on the characteristics of the heroes of the work. The play (joke in one act) “The Bear” by A. Chekhov.

УДК 811.161.1:[61:378–057.875]

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО АНГЛОГОВОРЯЩИМ СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

А. В. Портнова-Шаховская

Статья рассматривает особенности организации в соответствии с новым стандартом по специальности «Лечебное дело» учебного процесса по дисциплине «Русский язык как иностранный» для студентов первого курса медицинского вуза, изучающих клинические дисциплины на английском языке. Иллюстративный материал статьи основан на личных наблюдениях автора.

Современная система образования устанавливает личностные (готовность и способность обучающихся к саморазвитию), предметные (освоенный обучающимися в ходе изучения учебного предмета опыт по получению нового знания, его преобразованию и применению) и метапредметные (универсальные, т. е. познавательные, регулятивные и коммуникативные, учебные действия) требования к результатам обучения. Так, в процессе обучения языку как иностранному преподаватель должен создать условия для приобретения учащимися начальных навыков общения в устной и письменной форме на основе имеющихся речевых возможностей и потребностей; для освоения лингвистических представлений и расширения лингвистического кругозора; для формирования толерантности к носителям языка.

Принципиальным отличием нового стандарта по специальности «Лечебное дело» от предыдущих является увеличение доли практической

подготовки в процессе обучения, причем начиная с младших курсов. С одной стороны, общение с пациентами и медицинским персоналом на русском языке в процессе клинической практики требует от иностранных студентов высокого уровня коммуникативной компетенции, с другой стороны, учебного времени на формирование указанной компетенции отводится крайне недостаточно, так как происходит переориентация на более глубокое и длительное изучение клинических дисциплин. В связи с этим необходима существенная переработка содержания учебной программы дисциплины «Русский язык как иностранный» в соответствии с основными методическими требованиями: 1) соответствие содержания обучения поставленным целям; 2) доступность содержания для усвоения обучающимися.

Для преподавателя, который работает с англоговорящими студентами (особенно имеющими нулевой исходный уровень владения русским языком), чрезвычайно актуален вопрос: как развить способность разговаривать на чужом языке? Решение этой сложной задачи возможно лишь в случае совпадения профессионально-личностных качеств участников образовательного процесса: с одной стороны, положительная мотивация и соответствующий уровень общего развития обучающихся, с другой – мобильность и достаточный уровень профессионализма преподавателя. Учебно-речевые ситуации выполняют стимулирующую и обучающую функции. Следовательно, высказывания на изучаемом языке должны быть содержательными, соответствующими изучаемой лексико-грамматической теме, т. е. важно исключить обсуждение посторонних вопросов. На занятиях важно создать такую методически обоснованную речевую ситуацию, чтобы студентам захотелось научиться общаться на русском языке.

Выбор приоритетных технологий, методов и приемов обучения русскому языку как иностранному, без сомнения, обусловлен в первую очередь уровнем первичной общей и языковой подготовки студентов. Однако можно отметить несколько универсальных методических наблюдений из нашей преподавательской практики. Как монологи, так и диалоги целесообразно моделировать на изучаемом языке. Следовательно, эффективен прием интенсивных методов – игнорирование русского языка плюс подсказка на иностранном. Ведущий принцип общения – «Вы можете выразить это по-русски».

Активизации речевой деятельности учащихся помогает применение наглядности (например, ситуативных картинок). Эпизодически целесообразно использовать технические средства обучения: например, просмотр отечественных кино- и мультфильмов на русском языке с английскими субтитрами стимулирует интерес к славянской культуре и необычному для студентов укладу жизни. Особо следует отметить как положительную, так и отрицательную роль в процессе изучения

иностранного языка смартфонов с «волшебным Google-переводчиком». Использовать его можно очень дозированно и лишь в самом начале языкового курса (обычно не более месяца). Далее постоянное пребывание «в телефоне», даря студентам иллюзию психологической защищенности, не позволяет включиться в полноценный процесс реального, а не виртуального языкового общения.

Очень важный фактор стимуляции общения на занятии – ситуация успеха (обстановка разумно организованного коллектива, в результате чего учащиеся оказываются в благоприятных для обучения условиях взаимного доверия, освобождаются от напряженности и скованности, названная автором суггестопедического метода ученым-психиатром и педагогом Г. Лозановым *инфантилизацией*), созданию которой способствует корректная (в частности, грамотное использование междометий) речь преподавателя. Заметим, что последний должен стремиться выражать свои эмоции так, как это принято либо в англоязычной, либо в родной для студентов культуре. Вообще значимость личности преподавателя в процессе обучения трудно переоценить. Так, у шри-ланкийских студентов можно отметить «культ учителя»: если туркменские и арабские студенты, обращаясь к преподавателю, обычно используют имя-отчество, индусы и нигерийцы – *Мэм, мадам* или *преподаватель*, то представители Шри-Ланки – исключительно *учитель / teacher*. Авторитет (уверенность в себе, умение вести занятие в соответствии со спецификой метода, внешние данные, энтузиазм и др.) преподавателя Г. Лозанов относил к основным средствам активизации резервных возможностей человека, позволяющим существенно увеличить объем памяти и способствующим запоминанию большего количества материала за единицу времени.

Перед началом работы с группой преподавателю целесообразно ознакомиться с особенностями менталитета студентов и обязательно учитывать их в процессе отбора методических приемов. Так, исходя из наших наблюдений, широко используемые в современной белорусской системе образования мониторинговые и соревновательные приемы обучения допустимы в работе с туркменскими и нигерийскими студентами (подобно нам, в их школьном обучении и воспитании сильны традиции советской и европейской систем образования), но нежелательны в практике общения со студентами из Шри-Ланки (для них особенно важно ощущение сплоченности группы), Индии (ощутимы кастовые различия студентов) и арабских стран (стараяются открыто не выражать свое истинное отношение к результату работы своего соотечественника). Поэтому если для представителей далекого острова Цейлон наиболее приемлемыми оказываются различные формы совместной деятельности (например, слушание, совместное чтение, рассказ-обсуждение), то

студенты последующих национальных групп чаще предпочитают индивидуальные задания.

В группе с достаточно высоким общим уровнем эрудиции и базовыми языковыми знаниями и умениями (после обучения на подготовительном отделении) эффективен личностно-ориентированный метод проектов, предусматривающий сочетание индивидуальной самостоятельной работы с работой в сотрудничестве, в малых группах, в коллективе, поскольку такие студенты умеют работать с информацией, генерировать идеи, вести дискуссию, слушать и слышать собеседника. На начальном этапе обучения наиболее актуальны такие виды проектов, как ролевые (разыгрывание ситуации общения) и творческие (перевод текста на родной язык) проекты.

В работе со студентами, имеющими различный уровень первичной языковой подготовки (даже нулевой), можно использовать прием кластера как составную часть технологии развития критического мышления через чтение и письмо. Этот прием организации индивидуальной, парной или групповой работы обучающихся, актуализирующий имеющиеся у них знания, особенно целесообразен на занятиях по обобщению и повторению изученного материала. При изучении личных местоимений и системы спряжения глаголов интересен прием «рафт», который позволяет составить письменный текст или устное высказывание от имени другого лица.

Для формирования и развития коммуникативной компетенции (что особенно важно на I курсе обучения) эффективны следующие приемы. Прием кластера (после заполнения кластера каждый студент его проговаривает) удобен при работе над темой устного общения, так как он дает возможность студенту самостоятельно или с помощью преподавателя составить связный рассказ. Например, с ключевым понятием «друг» могут быть связаны следующие ассоциации: *хороший и верный*, имя (например, *Гурд*), *учится в нашем университете и группе, живет в общежитии, помогает мне, делаем вместе, нравится мне*. Модель рассказа, составленного на основе полученного кластера, может выглядеть следующим образом: *У меня есть хороший и верный друг. Его зовут Гурд. Мы учимся в Гомельском государственном медицинском университете на первом курсе в одной группе. Мы живем в одной комнате общежития. Гурд всегда помогает мне. Мы всё делаем вместе: учимся, готовим еду, отдыхаем. Мне очень нравится мой друг*. Прием «рафт» предполагает, что в своих выступлениях студенты должны использовать не только те фразы, которые говорят персонажи рассказа, но и дополнить свой рассказ исходя из содержания текста. Удобны «тонкие» (требуют однозначного и фактического ответа: например, *Где и когда Вы родились?*) и «толстые» (соотносятся с развернутым и аргументированным ответом: например, *Вы*

любите спорт? Почему?) вопросы. Для формирования навыков составления диалогов может использоваться методический прием «Таблица вопросов и ответов»: колонка с вопросами (*Кто? Что? Где? Куда? Когда?*) заполняется преподавателем, а колонку с предложениями обучающиеся должны заполнить после чтения текста. После заполнения таблицы учащиеся могут составить диалог, используя таблицу как схему: например, *Кто? – Мария пришла к подруге. / Когда? – По вечерам они слушают музыку.*

Обучение иностранному языку (особенно на начальном этапе) значительно результативнее, если оно организуется посредством лингвистической игры, которая стимулирует обучающихся к длительной активной учебной деятельности. Фонетические игры способствуют постановке правильной артикуляции. Например, целью игры «Эхо» является усвоение классификации согласных. Студенты работают в парах: находясь лицом друг к другу, один из них громко произносит твердый согласный; другой, как эхо, вторит ему тише, называя парный глухой; если назван звонкий непарный согласный, преподаватель указывает на ошибку. Универсальной, на наш взгляд, является игра «Карточки»: в зависимости от поставленной цели она может быть и лексической (отрабатывающей новый лексический материал), и грамматической (обучающей употреблению речевых образцов, содержащих определенные грамматические трудности), и орфографической (формирующей навыки правильного написания слов). Так, для закрепления и проверки знаний по тематической лексике первокурсникам интересно составлять слова из отдельных (можно разноцветных – гласных и согласных) букв на карточках. Изучая конструкцию «прилагательное + существительное», можно использовать карточки с картинками и предложить студентам добавить к названиям предметов прилагательные разного грамматического рода (*зеленая доска, новый учебник* и т. д.). Разные лингвистические навыки (аудирование, говорение, чтение, письмо) развиваются в процессе следующей игры: обучающимся раздаются наборы карточек с буквами; преподаватель произносит слово, словосочетание, предложение; задача студентов – как можно быстрее правильно составить, написать, прочитать и перевести их. В итоге такие игровые задания носят комплексный обучающий характер.

На эффективность формирования коммуникативной компетенции влияют когнитивно-эмоциональная характеристика обучающихся и лингвистические факторы. Уровень развития лингвистических знаний изучающего неродной язык – один из важнейших факторов успешной и адекватной коммуникации. Как свидетельствует практика обучения, реальные темпы включения иностранцев в коммуникацию на русском языке оказываются ниже ожидаемых. Цель начального этапа обучения

языку можно считать достигнутой, если студенты в бытовой и (частично) учебной сферах деятельности не боятся говорить на неродном языке, допустить речевую ошибку и задавать уточняющие вопросы. Это станет предпосылкой успешного перехода к учебно-научному и собственно профессиональному общению на русском языке англоговорящих студентов медицинского вуза в процессе клинической практики на последующих курсах обучения.

Список использованных источников

1. Балыхина, Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) : учеб. пособие / Т. М. Балыхина. – изд. 2-е, испр. – М. : РУДН, 2010.– 188 с.
2. Коряковцева, Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам. Продуктивные образовательные технологии / Н. Ф. Коряковцева. – М. : Академия, 2010. – 192 с.
3. Маталова, С. В. Обучение иностранных студентов медицинских вузов профессиональному общению на русском языке : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / С. В. Маталова. – Нижний Новгород, 2012. – 21 с.

The article considers the features of the organization in accordance with the new standard in the specialty "Medicine" of the educational process in the discipline "Russian as a foreign language" for first-year medical students studying clinical subjects in English. The illustrative material of the article is based on the author's personal observations.

УДК 811.161.1'42'373.23:821.512.164-1*Махтумкули Фраги

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТРОПОНИМИКА В КНИГЕ МАХТУМКУЛИ ФРАГИ «ИЗБРАННЫЕ СТИХИ»

И. В. Серикова, Д. А. Агаев

В статье анализируются имена собственные из дестанов и фольклорно-этических поэм, зафиксированные в книге Махтумкули Фраги «Избранные стихи», переведенной на русский язык. Автор обращается к данным произведениям как к памятникам, содержащим ценный материал.

Личные имена собственные, использованные в художественном тексте, представляют поэтическую антропониимику. Вместо термина «поэтическая антропониимика» часто употребляют термин «литературная антропониимика» и «стилистическая антропониимика» [1].

Анализ личных имен собственных, отобранных из книги Махтумкули Фраги «Избранные стихи» [2] методом сплошной выборки, показал, что поэт в своих стихах употреблял личные имена собственные из священных книг, разных исторических источников, дестанов, легенд. Всего было собрано 54 антропонима.

В данной статье рассматриваются мужские и женские имена из книги Махтумкули, которые входят в название циклов поэм «Юсуф и Зулейха», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Тахир и Зухра», а также служат именами персонажей героических эпосов «Кёроглы» и «Шахнаме».

«Восточная литература имеет богатое наследие. Освещение множества проблем в рамках одного произведения, воплощение в каждом образе, композиционном элементе художественного произведения многогранного содержания и философского мышления является определяющим фактором совершенства восточной литературы на персидско-таджикском и тюркском языках. Это свойство прослеживается в традиции создания произведений с кочующими сюжетами. На основе кочующих сюжетов в восточной литературе созданы такие редкие жемчужины литературы народов Востока, как «Юсуф и Зулейха», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Тахир и Зухра» [3].

В стихах Махтумкули встречаются все указанные имена, кроме Тахир и Юсуф.

Героико-романтическая поэма великого узбекского поэта А. Навои «Фархад и Ширин» рассказывает о любви богатыря Фархада и красавицы Ширин, на которую претендует иранский шах Хосров.

Ширин – (персидское) сладкая (из фольклора) [4], а **Фархад** в переводе с арабского означает «смышлёный», «способный», «непобедимый». Имена из дестана «Ширин и Фархад» [5]. Встречаются в книге по одному разу в стихах «Влюбленный скиталец», «Желание», «Сад», «Сын».

*Ища Ширин, из града в град
Бредет измученный Фархад;
Ее живительных наград,
Уже испепелен, желает*

(Книга Родины. «Желание», с. 322).

Лейли́ и Меджну́н (араб. لیلی و مجنون, перс. لیلی و مجنون, азерб. Leyli və Məcnun, узб. Layli va Majnun) – трагическая история любви, популярная на Ближнем и Среднем Востоке. История основана на реальных событиях и описывает жизнь арабского юноши по имени Каис ибн аль-Мулаувах, жившего в VII веке на территории современной Саудовской Аравии.

*Меджнун, от родины вдали,
В глухих горах чужой земли,*

*Своей смеющейся Лейли,
Слезами опьянен, желает*

(Книга Родины. «Желание», с. 322).

Прозвище **Меджнун** – это турецкая (тюркская) форма имени Маджнун. Поэт употребил это прозвище из дестана «Лейли и Меджнун». В дестане Меджнуна звали Каис. Но он влюбился, любимая вышла замуж за другого, умерла, а он ушел в пустыню, где скитался. Через несколько лет он был найден мертвым возле могилы неизвестной женщины. На могильном камне он написал три своих последних строфы.

В книге также описываются события, происходившие с Каисом во время его скитаний. Большая часть стихов была написана им до того, как он впал в безумие. Люди знали, что Каис сошел с ума от любви, поэтому прозвали его «Меджнун Лейли» (араб. ليلى مجنون – «Сведённый с ума Лейли») или просто Меджнун [6].

Лейли происходит от латинского слова *Lilium* – название цветка – «чистый», «невинный» или «симпатичный». Вариант имени Лейла (Лейли); возможно, по этой причине имя Лилия популярно у тюркоязычных народов (в частности, у татар – в форме Лиля) [7].

Прозвище Меджнун и имя Лейли в книге употребляются 5 раз в стихотворениях «Жалоба», «Желание», «Сердцу», «Слава Меджнуна», «Сын».

В книге Махтумкули «Избранные стихи» встречается два женских имени – *Зулейха* и *Зохре*.

Зулейха – арабское имя, означает «гладкая, дородная». Имя из дестана «Юсуп и Зулейха» [8]. «Юсуф и Зулейха» – литературно-фольклорный памятник многих народов Востока, в основе которого – библейско-кораническая легенда об Иосифе Прекрасном (Юсуфе). Имеет много поэтических переложений. Имя Зулейха можно встретить по одному разу в стихотворениях «Возвращение на Родину» и «Повелительница».

*И я любил, но, как Юсуп,
Огня любви не бежал, –
У ног **Зюлейхи** в смертный час
Крыла смежил, догорев*

(Книга Родины. «Возвращение на Родину», с. 318).

Зохре – персидское (زهرا) «планета Венера». Имя из дестана «Зохре и Тахир» [9]. «Тахир и Зохре», лиро-эпическая поэма, бытующая у тюркоязычных народов Средней Азии и Поволжья, а также в Азербайджане и Турции. Основа сюжета сходна во многих версиях; это трагическая история обрученных, которые разлучены злой волей падишаха, отца девушки. Сюжет впервые литературно обработан узбекским поэтом 17–18 вв. Сеиди. В Туркмении существуют два

варианта сюжета «Тахир и Зохре» – устно-поэтический и литературная обработка под названием «Зохра и Тахир», созданная в 19 в. Молланепесом.

*Зохре небесная взошла, –
Совсем влюбленный пьян сегодня!
Земля тюльпаном расцвела
Вселенная – рейхан сегодня!*

(Книга Менгли. «Влюбленный», с. 108).

В книге «Избранные стихи» Махтумкули обращается к именам **Гер оглы** и **Рустám (Ростém)**.

Кёр-оглы (также Кер-оглы, Гер-оглы, «Кёр-оглы» или «Короглу») – фольклорно-эпический памятник тюркских (огузских) народов, сложившийся к XVII веку и получивший распространение на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Гер оглы – тюркский мифоэпический герой иранского происхождения Гер-оглы, Кёроглы («сын могилы») или Кор-оглу («сын слепого»), рожденный в могиле. Его отец – конюх, был ослеплен врагом, и за это герой мстит обидчикам. Гер-оглы – воин, волшебник, поэт и музыкант. Настоящее его имя – Равшан (Ровшан) [10].

В стихотворениях «Услышу ли?», «Будущее Туркмении» имя Гер-оглы употребляется по одному разу.

*Вина испив, пляша и распевая,
Или врага на части рассекая,
Иль по горам, как **Гер-оглы**, летая,
Услышу ли я о тебе, любимая?*

(Книга Менгли. «Услышу ли?», с. 177).

Рустám, Ростém (пехл. Rodastahm, Rostahm от др.-иран. Raudastahma; перс. رستم, дословно – «мошнотельный») – легендарный герой персидского народного эпоса, одна из центральных фигур написанного Фирдоуси «Шахнаме» [11]. Встречается единично в трех стихотворениях: «Мир», «Поклонение», «Услышу ли?».

*Бренный мир обманул **Рустема**,
Сердце гордого Зала – немо.
Встали мертвые, сон эдема
Прерывая перед тобой*

(Книга Менгли. «Поклонение», с. 129).

Таким образом, в книге Махтумкули Фраги «Избранные стихи», переведенной на русский язык, используются имена литературных персонажей из известных дестанов и фольклорно-эпических поэм. Автор обращается к данным произведениям как к памятникам, содержащим ценный материал.

Список использованных источников

1. Подольская, Н. В. Антропонимика / Н. В. Подольская // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Избранные стихи Махтумкули / под ред. Ал. Дейча. – М. : Огиз, 1948. – 358 с.
3. Равшанова, Г. К. Поэмы цикла «Юсуф и Зулейха» [Электронный ресурс] / Г. К. Равшанова // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 1405–1407. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/89/17894/>. – Дата доступа : 10.02.2019.
4. Ширин // Именатор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://imenator.ru/jenskie/imena/shirin/>. – Дата доступа : 01.02.2019.
5. Фархад // Какзовут.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kakzovut.ru/names/farhad.html/>. – Дата доступа : 01.02.2019.
6. Меджнун // Имя.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://imya.com/name/28957/>. – Дата доступа : 03.02.2019.
7. Лейли // Википедия – Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лейли_\(имя\)/](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лейли_(имя)). – Дата доступа : 03.02.2019.
8. Зулейха // Neolove [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://names.neolove.ru/female/7/23456.html/>. – Дата доступа : 23.02.2019.
9. Зохране // Значение имени, тайна имени [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://значение-имени.name/зохране/>. – Дата доступа : 23.02.2019.
10. Гер-оглы – сын могилы и правитель // Центр Льва Гумилёва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gumilev-center.ru/kjor-ogly-syn-mogily-i-pravitel>. – Дата доступа : 25.02.2019.
11. Рустем // Википедия – Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рустем/>. – Дата доступа : 25.02.2019.

The article analyzes the proper names of destans and folk-epic poems, which are recorded in Makhtumkuli Fraghi's book "Selected Poems", translated into Russian. The author refers to these works as monuments containing valuable material.

УДК 811.161.1'42'373.2:821.161.1-31*К.Паустовский

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ С КОМПОНЕНТОМ *КАРА-* (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ К. ПАУСТОВСКОГО «КАРА-БУГАЗ»)

И. В. Серикова, Ф. К. Юлдашов

В статье предпринимается попытка рассмотреть имена собственные тюркоязычного происхождения с компонентом кара-, зафиксированные в художественных текстах русских и советских писателей и не служившие до сих пор предметом лингвокультурологического исследования в русском и туркменском языках.

Актуальность выбранной для статьи темы объясняется обращением к художественным текстам русских и советских писателей, содержащим имена собственные с компонентом *кара-*, которые не были до сих пор предметом лингвистического исследования в русском и туркменском языках.

Собственные имена – это «продукт» определенной эпохи и определенной культуры, они обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их значения прямо произвольны от истории и культуры народа – носителя языка. Поэтому при изучении собственных имен наряду с лингвистическим анализом эффективным представляется культурологический подход. Таким образом, имена собственные, содержащие компонент *кара-*, в статье рассматриваются с точки зрения лингвокультурологии.

Объектом исследования служит повесть «Кара-Бугаз» [1], явившаяся результатом путешествия К. Паустовского по Каспийскому морю и написанная им на основе подлинных фактов в 1932 году, в период литературной деятельности писателя, который может быть охарактеризован как романтик преобразования.

Композиционно повесть представляет собой один текст, в котором совмещаются различные по стилю, динамике и тематике новеллы (10 новелл).

Действие разворачивается в заливе Кара-Бугаз, который еще со времен царской России представлял интерес как месторождение глауберовой соли – мирабилита.

Надо отметить, что «писатель сочетает в повести художественно-изобразительное начало с остросюжетностью, научно-популяризаторские цели с художественным осмыслением разных людских судеб, столкнувшихся в борьбе за оживление бесплодной, иссушенной земли, историю и современность, вымысел и документ, касается с такой определенностью и экологической проблематики, одной из главных в его творчестве» [2].

В повести «Кара-Бугаз» встречается несколько географических объектов с компонентом *кара-*: *Кара-Ада, Кара-Бугаз, Кара-Кумы, Кара-Суку, Кара-Тау, Каратон, Кара-Чунгул*.

Слово *гара* (в русском произношении *кара*) в «Туркменско-русском словаре» выступает как прилагательное и существительное и подается следующим образом: *Гара* 1. в разн. знач. чёрный; 2. 1) силуэт, очертание, тень; 2) кажущаяся величина (людей и предметов); величина, определяемая на первый взгляд; 3) перен. клевета; 4) Кара (имя собств. мужское) [3, с. 154–155].

Туркменско-русский словарь «не раскрывает» все значения прилагательного *гара*. На сайте, который исследует происхождение

фамилий (в данном случае фамилию *Кара*), приводятся производные значения от *чёрный*: «древнетюркское слово *кара*, первоначальное значение которого – ‘чёрный цвет’». Впоследствии, по аналогии с цветом, для слова *кара* возникло значение ‘земля, почва’. От ‘земля’ произошли такие значения, как ‘простой народ, простолюдин’, а также ‘обильный, богатый’, ведь на земле, дающей богатые дары, работают простые люди. А уже от ‘обильный, богатый’ и происходит значение ‘грозный, сильный, мощный’ [4].

«Главный» топоним с компонентом *кара-*, вынесенный в название повести, – это название залива *Кара-Бугаз*.

По данным Википедии, «залив-лагуна Каспийского моря на западе Туркмении, соединяющийся с ним одноименным неглубоким проливом шириной до 200 м» называется *Карá-Богáз-Гóл*, по-туркменски *Garabogazköl* – «озеро чёрного пролива» [5].

В Топонимическом словаре подробно описывается русская передача туркменского оригинала названия залива: «Кара-Богаз-Гол. Гарабогазк 'Ол, залив на восточном берегу Каспийского моря; Туркменистан. Впервые залив показан на карте А. Бековича-Черкасского, 1715 г. и обозначен как море Карабугазское, а при входе в залив была помещена надпись Карабугаз или Черная горловина. Таким образом, первоисследователь различал пролив Кара-Бугаз («черное горло, пролив») и залив Карабугазский (русск. прилагательное, образованное от названия пролива). Позже это различие было утрачено, и залив стали называть так же, как и пролив, Кара-Бугаз. В 1930-х гг. уточняют русскую передачу: в обоих названиях вместо *бугаз* принимают *богаз*, что ближе к туркменскому оригиналу, и, кроме того, в название залива включают туркменский термин *köl* (кель) – «озеро, залив». Этот термин закрепился в русской передаче в неправильной форме *гол*, хотя туркменское *гол* – ‘низина, ложбина, впадина’, т. е. самостоятельное слово, не имеющее отношения к понятию «залив» [6].

В повести К. Паустовский употребляет название *Кара-Бугаз* (когда было утрачено различие в названии пролива и залива) 110 раз, конкретизирующий топоним *залив Карабугазский* встречается 23 раза, без имени собственного термин *залив* упоминается 49 раз.

Вот как объясняет этот топоним писатель в первой новелле «Заблуждение лейтенанта Жеребцова»: «...вода Каспийского моря устремляется в залив со скоростью и силой неслыханной, как бы падая в пучину. Этим и вызвано название залива: *Кара-Бугаз* по-туркменски означает “черная пасть”. Наподобие пасти залив непрерывно сосет воды моря». Далее писатель приводит древние местные названия залива: «залив *Кара-Бугазский*, называемый туркменами «Горькое море» (Аржи-Дарья) и «Слуга моря» (Кули-Дарья)»; «Угрюмые берега».

К. Паустовский употребляет в повести сравнения, которые использовал в донесениях Гидрографическому управлению первый исследователь залива Жеребцов: «устрашающее горнило Азии», «подобен Мертвому морю в Палестине», «большой котёл, где выкипает каспийская вода».

Условно текст всей повести можно разделить на две «антонимичные» части: одна часть описывает залив как место, непригодное для жизни, а вторая часть представляет залив как месторождение глауберовой соли, разработка которой приведет к процветанию края.

В первой части текста описание «угрюмой» природы залива подтверждает его название «Чёрная пасть»: *Кара-Бугаз известен как самое бурное место на Каспийском море. Там, собственно говоря, свирепствует непрерывный шторм; Кара-Бугаз – место необычайное по сухости воздуха, по едкой и густой воде, по глубокой пустынности и, наконец, по обширности своей; Местность вокруг на сотни километров необитаема, залив обладает смертоносной водой, разъедающей в короткое время даже стальные предметы; являет собой обширную водную площадь, превышающую Ладогу и почти отрезанную от моря двумя бесплодными косами. Хотя залив и лежит на широте Неаполя, но климатом обладает жарким и пустынным; Дождей, по рассказам туркмен, в заливе не бывает. Дожди от чрезмерной жары высыхают, не успевая достигнуть земли; Токмо соль, пески и все убивающая жара властвуют над этими негостеприимными берегами и водами.*

Во второй части текста «упоминается о весьма замечательном грунте залива Кара-Бугазского» и «Кара-Бугазский залив представляет собой море белого золота»; «Кара-Бугаз – завод мирабилита»; «Величайший в мире и неисчерпаемый источник глауберовой соли»; «Кара-Бугаз – место величайших на земном шаре залежей мирабилита».

Начавшееся промышленное освоение Кара-Бугаза позволяет К. Паустовскому образовать новые слова – название предприятий – трест «Кара-бугазсульфат»; «Карабугаз-трест»; «Карабусоль»; неоднословные номинации: богатства кара-бугазские, кара-бугазские дыни; кара-бугазский комбинат; кара-бугазский мирабилит; кара-бугазская соль; кара-бугазский сульфат, кара-бугазский трест. «С Казанского вокзала начнут отходить поезда с табличками: «Москва – Кара-Бугаз, через Ташкент – Красноводск»; «В заливе откроют курорт, потому что нет во всем Союзе лучшего купанья, чем там». Возможно, этот курорт по аналогии с предыдущими образованиями можно назвать «Карабугаз-курорт» или курорт «Карабугаз».

Появляется термин «искусственный Кара-Бугаз»: «Туралинские озера – Большое и Малое – называют «искусственным Кара-Бугазом». Академия наук испробовала на этих озерах новый способ, ускоряющий осаждение мирабилита из воды».

Кроме гидронима *Кара-Бугаз*, в повести зафиксировано 6 слов с компонентом *кара-*: *Кара-Ада*, *Кара-Кумы*, *Кара-Суку*, *Кара-Тау*, *Каратон*, *Кара-Чунгул*.

Все эти топонимы находятся на пути (Кара-Бугаз – Красноводск – Дагестан (Берикей и Махачкала) – Эмба (Казахстан) – полуостров Мангышлак), который проходит главный герой, и соответствуют тем местам, в которых находились необходимые источники энергии и топлива, которые нужно было изучить и объединить, чтобы построить комбинат по добыче глауберовой соли (мирабилита).

Значение топонимов не объясняется в тексте повести, а определяется через родовое слово, кроме имени собственного *Кара-Ада*.

В главе «Чёрный остров» описывается *остров Кара-Ада* (употребляется в тексте 8 раз): «В лоции было сказано, что этот совершенно пустынный и безводный остров, представляющий собою осколок скалы, лежит в одной миле от восточного берега моря, против мыса Бек-Таш, к северу от Кара-Бугазского залива. Остров изобилует змеями. Место для высадки со шлюпок только одно. Подходы к острову опасны из-за множества рифов. Якорных стоянок нет. Грунт – голая каменная плита – совершенно не держит якорей»; «чёрный зубец *Кара-Ада*»; «у горбатого острова, чёрным камнем торчавшего из воды».

В той же новелле встречается имя собственное «в горах *Кара-Тау*» (употребляется 2 раза). Топоним «*Каратау*» в переводе с тюркских языков означает «чёрные горы» [7].

Единично название пустыни *Кара-Кум*: *Каракумы* или *Кара-Кумы*, *Каракум* (от тюркск. *кара* ‘чёрный’ + *кум* ‘песок’) – песчаная пустыня на юге Средней Азии, покрывающая большую часть Туркмении [8].

В повести отмечен топонимический объект *Кара-Суку*: «В *Кара-Сукуте* наблюдали мы несметное количество диких гусей и злых пеликанов, называемых по-здешнему “бабами”. Гидроним *Карасу* (чёрная река) – тип немногочисленной реки, питающейся выходами грунтовых вод; в названии *суку* – архаичная форма тюркского *су* “вода”» [9].

Интересно происхождение топонима *Кара-Чунгул*: «Самые южные наши выходы нефти – *Кара-Чунгул*, *Каратон* и другие – лежат сравнительно близко от *Кара-Бугаза* и *Мангышлака*». *Кара-Чунгул* – соленое озеро, главное месторождение нефти, которая считается по своей легкости лучше бакинской [10]. Считают, что название *Карачунгул* – это производное от имен двух возлюбленных – девушки *Шунгул* и джигита *Кара*, живших в средние века в этих краях [11]. В таком случае *Кара* здесь выступает или как мужское имя, или в переносном значении прилагательного *чёрный* ‘грозный, сильный, мощный’, а *чунгул* (*шунгул*) с тюркского переводится как «водоворот».

Таким образом, в повести К. Паустовского зафиксированы имена собственные – топонимы, сложные по структуре в тюркских языках: первый компонент представлен прилагательным *кара-* в значении ‘чёрный’, второй – репрезентирует разные значения: ‘пасть, глотка’; ‘остров’; ‘гора’; ‘песок’; ‘вода’; ‘водоворот’. В языке-источнике данные топонимы имеют слитное написание, в повести – пишутся через дефис. Все топонимы можно разделить на оронимы (*Кара-Ада* «чёрный остров»; *Кара-Кум* «чёрные пески»; *Кара-Тау* «чёрные горы») и гидронимы (залив *Кара-Бугаз* «чёрная глотка»; *Кара-Сукут* «чёрная река»; солёное озеро *Кара-Чунгул* «чёрный водоворот»).

Список использованных источников

1. Паустовский, К. Кара-Бугаз [Электронный ресурс] / К. Паустовский. – Режим доступа : <http://lib.ru/PROZA/PAUSTOWSKIJ/karabugaz.txt>. – Дата доступа : 01.03.2019.
2. Кара-Бугаз и другие произведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://megabook.ru/article/>. – Дата доступа : 02.03.2019.
3. Туркменско-русский словарь / под общ ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 832 с.
4. Происхождение фамилии Кара [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.analizfamilii.ru/Kara/proishozhdenie.html>. – Дата доступа : 02.03.2019.
5. Кара-Богаз-Гол // Википедия – Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 02.03.2019.
6. Поспелов, Е. М. Географические названия мира : топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М. : АСТ, 2001.
7. Гид // Гора Кара-Тау [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rostovgid.ru/nature/forest/gora-karatau.html>. – Дата доступа : 02.03.2019.
8. Кара-Кумы // Википедия – Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 02.03.2019.
9. Карасуку // Географический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://diclist.ru/slovar/geograficheskiy/k/karasuk.html>. – Дата доступа : 02.03.2019.
10. Гурьевский уезд // Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://granat.wiki/enc/g/gurevskiy-uezd/>. – Дата доступа : 02.03.2019.
11. Прикаспийская коммуна // Аглицкие дома на Эмбе. Недописанная история нефтепромысла [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pricom.kz/obshhestvo/ekonomika/aglitskie-doma-na-embe-nedopisannaya-istoriya-neftepromyisla.html>. – Дата доступа : 02.03.2019.

The article attempts to consider proper names of Türkic-speaking origin with a component of Kara-, recorded in the artistic texts of Russian and Soviet writers, which have not been the subject of linguistic and cultural research in the Russian and Turkmenlanguages.

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕВЕРБАТИВОВ С ФОРМАНТОМ *-ЛОВ(О)* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О. И. Солодкая

В статье представлен анализ ряда отглагольных субстантивов с финалью -лов-, распространенных в разговорной речи и имеющих сниженную стилистическую окраску. Подавляющее большинство выявленных существительных имеет значение активного действия, выделяются также субстантивы со значением состояния и сопряженного с ним действия. Не зафиксированный в грамматиках и лексикографических источниках словообразовательный формант -лов(о) предлагается рассматривать как формирующийся алломорф непродуктивного суффикса -в-.

В современном русском литературном языке суффикс *-в-* является непродуктивным. Некоторую степень продуктивности он обнаруживает в разговорной и художественной речи, а также в специальной лексике. Так, к словообразовательным моделям, обнаруживающим продуктивность в современном русском языке и распространенным в разговорной или художественной речи, составители «Русской грамматики» относят всего несколько субстантивов: *коричнева, мешево, «смотриво», чтиво* [1, с. 153, 180]. Поиск в Национальном корпусе русского языка позволил выявить более двадцати субстантивов, в морфемной структуре которых выделяется аффикс *-лов-*. Выявленные путем произвольной выборки субстантивы могут быть распределены по следующим семантическим группам в зависимости от ядерного компонента значения.

1. Наиболее многочисленную группу составляют субстантивы со значением действия: *мочилово* ‘ожесточенная драка, бой; убийство’ (*Когда подходим близко, начинается мочилово. Мне кто-то бьет ногой по почкам, я падаю и получаю еще раз – но несильно – по спине* (В. Козлов. «Гопники»); *Человек должен знать – за что казнен, иначе всё оборачивается обыкновенным мочиловом* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы) [2]); *верещалово* ‘крайне неприятный, раздражающий крик, визг’ (*Я обрадовалась было удаче – тонкой, содержательной беседе, но в подсобку вошла женщина породы «управдом» с неразборчивым верещаловом на губах, и рабочие поскучнели, ссутулились и громко, на грани чавканья, зажевали* (Е. Долгинова. Временно мертвые // «Русская жизнь») [2]; *Все это, как справедливо заметил ув. khimoza, на удивление*

напоминает истошное верещалово задержанного с поличным уголовника [3]); **пыталово** ‘тяжелое, мучительное испытание’ (В санатории ко мне начали применять почти все существующие процедуры, даже бег на лыжах!! При том, что нога бувально не работала)))))) Это было вообще **пыталово** [4]). В эту группу входят также имена существительные **рубилово, каталово, описалово, махалово, опускалово, понималово, развлекалово, прилеталово, зажигалово, нагнеталово, вымогалово.**

2. Среди выявленных субстантивов с финальнью **-лов(о)** выделяются имена существительные с синкретичным значением состояния и сопряженного с ним действия: **тупилово** ‘состояние, при котором человек или механизм, устройство оказывается неспособным размышлять или работать, действовать должным образом’ (Мало того, что дорогу изгадил и краску ценную почем зря перевел, так еще и Лена теперь шугается к окну подойти, а в результате – тупилово и никакой романтики (Следы на асфальте (2003) // «Хулиган») [2]; *Разные телодвижения, типа сперва авторизоваться на Мой DROM или в форуме, эффекта не имеют. Может, есть какая хитрая комбинация, которую надо исполнить, чтобы победить сию напасть? Или это банальное тупилово?* [5]); **бесилово** ‘о поведении человека, который безудержно резвится, шалит, шумит’, ‘эмоциональное состояние, вызывающее такое поведение’ (И еще имеет смысл планировать такие поездки днем, потому что вечером, когда ребенок уже устал, шансов получить бесилово и буйство гораздо больше (коллективный; форум: Родственники мужа разрушают границы ребенка) [2]).

В ряде случаев субстантивы на **-лов(о)** оказываются многозначными. Так, поиск в Национальном корпусе русского языка позволил выявить имя существительное **бухалово**, которое называет как распитие алкогольных напитков (Чертовы пивовары приглашают на очередное бухалово в «Paradiso» (В. Спектр. Face Control)), так и сами алкогольные напитки (Времена изменились – теперь бухалово рекламируют по телику, а неформалы ведут здоровый образ жизни (А. Литой. Хороший хардкор – трезвый хардкор (2004) // «Хулиган», 2004.08.15) [2]). В разговорной речи для наименования спиртных напитков употребляется также существительное **бухло**, образованное с помощью суффикса **-л(о)**, который имеет значение ‘предмет, предназначенный для осуществления действия’ [1, с. 154–155]. Появление значения ‘алкогольные напитки’ у субстантива **бухалово** (при наличии отдельного имени **бухло**, имеющего эквивалентное значение) является результатом метонимического переноса.

Многозначность свойственна и существительному **потребилово**, одним из значений которого является ‘использование кого-, чего-либо для достижения своих целей; потребительское отношение’: *Мы изменились, а стереотипы остались? Только дополнились жульничеством*

и бессовестным потребиловом? Знаете, я не перестал доверять Вулфу (Л. Бершидский. *Vodka, kapusta, khren* // «Русская жизнь», 2012) [2]. Слово в разговорной речи может также употребляться в значении ‘продукты повседневного потребления’: *Фрукты, шмотки, обувь, в общем, львиная доля ввозимого – это потребилово. Мы его съедаем или вынашиваем. Это всё для нашего, так сказать, существования* [6]. В связи с выявленным материалом необходимо сказать о существительных *потребилка, потребиловка*, приводимых в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова и имеющих значение ‘магазин потребительского общества; кооперативная лавка’ [7]. Сходство основ рассматриваемого *потребилово* и существительного *потребилка* может быть объяснено фонетическим совпадением. Так, суффикс *-ловк-*, выделяемый в субстантиве *потребилка*, – это алломорф суффикса *-к-*, служащий для образования имен существительных, распространенных в разговорной речи и просторечии и имеющих общее значение ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’ [1, с. 168–170].

Словосочетание *информационное мочилово* (*Отсюда и срыв их кампании на информационное «мочилово»* (Т. Рукавишникова. *Избиратель устал. Противники на красноярских выборах по-новому делят голоса* // «Известия», 2002.09.22) [2]), надо полагать, намечает тенденцию появления у данного абстрактного субстантива переносного значения, метафорически связанного с представлением об ожесточенной драке, бое. Значение *мочилово* в приведенном контексте может быть сформулировано как ‘интеллектуальное уничтожение’.

Полисемию ряда субстантивов с финалью *-лов(о)* правомерно рассматривать как свидетельство закрепления данной словообразовательной модели в русском языке.

Отдельно следует сказать о субстантивах *отрицалово* и *кидалово*, в связи с фиксацией конкретных имен существительных *отрицала* и *кидала*, имеющих значение лица. Контекст, в котором употребляется имя существительное *отрицалово*, приводимый в Национальном корпусе русского языка, позволяет полагать, что данный субстантив имеет значение ‘о поведении человека, который что-либо отрицает (свою вину, причастность к чему-либо и т. д.)’ и относится к лексико-грамматическому разряду абстрактных существительных (*А ты на вопросах продолжаешь жесткое «отрицалово» изображать* (Б. Громов «Герской фронт») [2]). В «Универсальном дополнительном практическом толковом словаре» И. Мостицкого *отрицалово* подается в значении ‘осужденные, отрицательно настроенные по отношению к администрации исправительного учреждения, оказывающие ей противодействие, негативно влияющие на других осужденных’, т. е. выступает в качестве собирательного существительного [8] (*Ненавидеть эти стены, эти решетки и небо в клеточку каждый из нас –*

обязан. *В отрицалово уходят только самые крепкие! Но не забудь, братан, что тюрьма, в ответ, тоже станет тебя ненавидеть* (А. Рубанов. «Сажайте, и вырастет») [2]). В тюремном жаргоне распространено также имя существительное *отрицала* ‘злостный нарушитель внутреннего распорядка в исправительном учреждении’ [9], которое следует рассматривать как наименование одного представителя *отрицалова*. Возможно, значение ‘осужденные, отрицательно настроенные по отношению к администрации исправительного учреждения’ образовано метонимически от абстрактного значения (действие → субъект действия).

Имя существительное *кидалово* служит для наименования аферы, действий, направленных на получение чего-либо путем обмана: *...в торговом деле на одних только разговорах можно неплохо «капусты нарубить», потому что торговля – это всегда недомолвки, обман, кидалово, подлог* (А. Житков. Супермаркет, 2000) [2]. Разговорной речи известно также имя существительное *кидала* в значении ‘человек, который занимается обманом, аферами’: *В газете сообщалось, что и швейцарец Куртель, и француз Шанье, и русский Шарипов оказались опытными кидалами, о чем свидетельствовало дальнейшее развитие событий* (Ю. Азаров «Подозреваемый», 2002) [2].

Имена существительные *отрицалово* и *кидалово* иллюстрируют «пересечение» суффикса *-л-*, который образует конкретные имена существительные, называющие лицо по характерному, обычно выполняемому действию (как правило, с экспрессией неодобрения) типа *заводила, громила, надувала, опивала* и т. п. [1, с. 148], и форманта *-лов-*, образующего субстантивы с абстрактным значением.

Вне классификации оказался субстантив *погонялово* ‘прозвище’, так как это единичный случай, когда существительное с *-лов-* относится к лексико-грамматическому разряду конкретных имен существительных: *А то накнулись тут с версиями и поучениями, аки барон Порфирио фон Ожеродастес, который с погоняловом Кордуанишиц, на всех подряд...* (Женщина + мужчина: Секс (форум)) [2]. Субстантив *погонялово* семантически тождествен существительному *погоняло*, суффиксальный *-в-* рассматриваемого имени появляется, очевидно, по аналогии с *каталово, рубилово, мочилово, развлекалово* и т. п. Аффиксы *-л-* и *-лов-* словно объединились в существительных *погонялово, отрицалово* и *кидалово* семантически и формально.

Как показывают наблюдения, все выявленные имена существительные образованы от глаголов несовершенного вида и относятся к лексико-грамматическому классу абстрактных имен существительных. Словообразовательный формант *-лов-* присоединяется к основам таких продуктивных глагольных классов, как первый (типа *каталово* < *катать*, *прилеталово* < *прилетать* и т. п.) и пятый (*рубилово* < *рубить*, *мочилово* < *мочить* и др.), и имеет сниженную стилистическую окраску.

Незафиксированность в современных грамматиках и лексикографических источниках как форманта *-лов-*, так и субстантивов с ним требует объяснения формирования данного аффикса. Г. П. Цыганенко в «Словаре служебных морфем русского языка» рассматривает образование подобных *-лов-* аффиксальных морфем типа *-лец-*, *-лк(-а)*, *-лиц(-е)*, *-льник-* и т. п. как результат соединения суффиксов *-л-* и *-ец-*, *-иц-*, *-к-* и *-ник-* соответственно [10, с. 91–92]. Однако лингвист не дает комментария о значении, которое суффикс *-л-* привносит в семантику производного суффикса, что вызывает сомнения в истинности данной точки зрения.

На наш взгляд, правомерна квалификация форманта *-лов-* как алломорфа непродуктивного суффикса *-в-*, формирующегося за счет его расширения посредством интерфиксального компонента *-л-* (появление гласного *о* обусловлено, по-видимому, фонетическими причинами). И в то же время рассмотренный выше материал (а именно субстантивы *отрицалово*, *кидалово*, *погонялово*) отражает своеобразное взаимодействие суффиксов *-л-* и *-в-* при образовании существительных с разным словообразовательным значением. Учитывая факт конкуренции данных суффиксов в истории русского языка, а также близость их функционально-стилистических характеристик, нельзя полностью исключать предположения об их соединении в составе формирующегося аффикса *-лов-* или о влиянии суффикса *-л-* на рассматриваемый формант.

Все выявленные субстантивы имеют ярко выраженную сниженную стилистическую окраску (являются грубо-просторечными), распространены в разговорной речи, жаргоне или аргю. Незафиксированность подавляющего большинства существительных в лексикографических источниках современного русского языка указывает на поздний характер их появления. Несмотря на это, некоторые из выявленных субстантивов многозначны, что правомерно считать свидетельством закрепления данной модели в языке, а также свидетельством активизации суффикса *-в-* на современном этапе.

Список использованных источников

1. Русская грамматика в II томах / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М. : Изд-во «Наука», 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударения. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология. – 788 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 10.02.2019.
3. Живой журнал a-dyukov. Записные книжки историка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://a-dyukov.livejournal.com/352759.html>. – Дата доступа : 15.02.2019.
4. Личный блог «Записки оптимиста. Лекарство от»: Мишка косолапый по лесу идет, шишки собирает, песенки поет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/id/5c22096aa2ef2500ab9e51e8/mishka-kosolapyi-po-lesu-idet-shishki-sobiraet-pesenki-poet-5c255df0236c4100aa438bc3>. – Дата доступа : 12.02.2019.

5. Форум «Легкое тупилово или логика сайта» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://forums.drom.ru/support/t1150924077.html>. – Дата доступа : 12.02.2019.
6. Бугаков, Я. Мысли о Справе / Я. Бугаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://petrimazera.com/sprava/thinksprava.html>. – Дата доступа : 16.02.2019.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/964094>. – Дата доступа : 18.02.2019.
8. Мостицкий, И. Универсальный дополнительный практический толковый словарь / И. Мостицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://mostitsky_universal.academic.ru/. – Дата доступа : 20.02.2019.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/6296/%D0%9E%D0%A2%D0%A0%D0%98%D0%A6%D0%90%D0%9B%D0%90>. – Дата доступа : 19.02. 2019.
10. Цыганенко, Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – Киев : Радянська школа, 1982. – 240 с.

The article presents the analysis of a number of verbal substantives with the final -лов- which are common in spoken language and have a reduced stylistic color. The vast majority of identified nouns has the value of active action. The substantives with the value of the state and the associated action also can be separately grouped. The word-formative formant -лов(о) which is not fixed in grammars and lexicographical sources, is proposed to be considered as an formed allomorph of the unproductive suffix -в-.

УДК 37.091.3:811.161.1'371'243

ИЗУЧЕНИЕ КОННОТАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

А. Л. Стрижак

В статье рассматривается коннотативная лексика как источник сведений о духовной и материальной культуре народа, о взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов в истории языка, о связи языка и культуры. Предметом анализа стала устаревшая и эвфемистическая лексика, а также этнонимы русского языка.

Язык является одним из основных признаков нации и неразрывно связан с историей, культурой, религией и бытом народа-носителя языка. В процессе обучения русскому языку иностранный студент учится говорить, читать, писать, слушать звучащую речь. Для овладения

коммуникативной компетенцией иностранному учащемуся необходимо усвоить некоторый лексический минимум, определенный для каждого из уровней владения языком, выработать навыки применения на практике грамматических правил русского языка. Вместе с тем опыт преподавания русского языка как иностранного (РКИ) показывает невозможность адекватной коммуникации на изучаемом языке, если этот язык изучается только как новый код, в отрыве от выражаемой им национальной культуры. Из этого следует, что успешная коммуникация в процессе изучения РКИ предполагает усвоение определенного объема культурно-исторической и страноведческой информации, которую иностранный учащийся получает благодаря знакомству с лексикой, обладающей национально-культурным компонентом значения. Богатым источником сведений о духовной и материальной культуре народа, о взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов в истории языка, о связи языка и культуры является коннотативная лексика. К подобной лексике целесообразно относить единицы языка, содержащие коннотацию, под которой понимается «семантическая сущность, узусуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [1, с. 38].

Особую трудность для иностранного студента представляет умение найти и правильно декодировать значение коннотативной лексики в публицистическом тексте, ведь именно этот стиль речи позволяет максимально использовать выразительные возможности русского слова. Обращение к подобным текстам в иностранной аудитории позволяет осуществить презентацию нового языкового материала, способствует его углубленному усвоению и служит для дальнейшего обогащения словарного запаса студентов, а также дает возможность адекватно интерпретировать авторский замысел.

Несомненный интерес представляет собой функционирование устаревшей лексики в газетных текстах. При этом следует четко отграничивать использование историзмов и архаизмов в экспрессивно-стилистических целях от употребления генетически идентичной возвращенной лексики, т. е. «части пассивного словаря русского языка, переместившейся в определенный период времени в активный словарь преимущественно под влиянием внеязыковых факторов и претерпевшей семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения» [2, с. 25]. Обязательным условием функционирования устаревших слов как прагматически заряженных единиц является наличие

у них экспрессивно-оценочного потенциала (даже если такое словоупотребление носит традиционный характер (сравн. *вассал, вотчина, жандарм, ландскнехт*)). Вместе с тем использование возвращенных слов предполагает лишь нейтральную номинацию новых объектов и явлений действительности (*губернантка, губернатор, лицей, мэр, департамент*).

Отличительной особенностью употребления устаревших слов в переносном значении является актуализация у них коннотативного компонента семантики, верное определение которого развивает навыки лингвистического анализа текста иностранными учащимися.

В ходе изучения устаревшей лексики считаем важным определять пути актуализации значения подобных слов в публицистических материалах:

1) **Традиционная актуализация** коннотативного значения предполагает использование в экспрессивно-оценочной функции такого слова, переносное значение которого имеет словарную фиксацию: *Лекарь российской экономики* (АиФ, окт. 1995); сравн. *лекарь* ‘кто-л. или что-л., способное облегчить физические или нравственные страдания’.

2) **Узуальная актуализация** коннотативного значения происходит в случае регулярного употребления в газетном тексте такой устаревшей лексемы, метафорическое значение которой пока не получило отражения в лексикографических источниках: *В народ идут то президент, то спикер, то бояре помельче...* (НГ, апр. 1993); сравн.: *боярин* ‘в Древней Руси: крупный землевладелец; звание служилых людей; лицо в этом звании’.

3) **Окказиональная актуализация** коннотативного компонента значения имеет место при неожиданном, единичном использовании историзма (реже – архаизма) в тексте газеты: *Но есть и еще более непримиримый критик – нью-йоркский сиделец З. Позняк* (СБ, дек. 1998); сравн.: *сиделец* ‘лавочник, торгующий в лавке по доверенности купца’.

Анализ материала в указанном аспекте может осуществляться под руководством преподавателя либо самостоятельно, с опорой на ресурсы Национального корпуса русского языка.

Следующая группа слов, содержащих оценочную коннотацию, – эвфемистическая лексика. Изучение подобных слов представляется весьма перспективным направлением в обучении русскому языку иностранных студентов, поскольку не только способствует овладению необходимыми знаниями, позволяющими приобщиться к материальной и духовной культуре народа, но и помогает осознать специфические черты современной отечественной действительности. Не лишним будет отметить, что изучение эвфемистической лексики целесообразно проводить на продвинутом этапе

обучения, поскольку адекватное восприятие эвфемизмов требует наличия определенного объема фоновых знаний.

В качестве примера одной из таких номинаций нами предлагается широко распространенный на страницах современных газет эвфемизм *зачистка* в значении 'оперативно-войсковые операции в населенных пунктах по проверке документов, досмотру помещений с целью выявления и задержания лиц, причастных к деятельности незаконных вооруженных формирований'. Можно утверждать, что отглагольный субстантив *зачистка* не только скрывает отрицательный денотат, но и содержит факультативную сему положительной оценки. Этому способствует внутренняя форма слова: так, глагол *зачистить* имеет значение 'сделать чистым, свободным от оболочки, окалины; сделать гладким, сровняв неровности'. Как видим, в семантике глагола легко вычленяется компонент значения 'приведение в норму', что объективно оценивается как нечто положительное и, таким образом, способствует формированию у эвфемизма *зачистка* устойчивой мелиоративной коннотации за счет ассоциаций с полезным действием: *Григорий Явлинский в своих показаниях говорит о том, что террористы согласились отпустить заложников в случае прекращения операций по «зачисткам» на территории Чеченской республики...* (Новый регион, окт. 2007). Очевидно, что правильное понимание иностранцем рассмотренных семантических трансформаций слова *зачистка* невозможно без помощи преподавателя, поскольку в современных словарях отсутствует переносное значение данной лексемы. Кроме того, для адекватного восприятия контекста не всегда бывает достаточно словарной дефиниции, что вызывает необходимость в дополнительной информации, которая в ряде случаев может быть получена только от преподавателя [3, с. 63].

Возникнув в среде военных, эвфемизм *зачистка* благодаря семантическому сдвигу очень быстро расширил сферу сочетаемости и стал употребляться для обозначения определенных действий в различных областях жизни общества. Достаточно часто слово *зачистка* употребляется как обозначение репрессивных мероприятий, осуществляемых сотрудниками правоохранительных органов: *На Урале правоохранительные органы продолжают массовую «зачистку» среди предпринимателей. В понедельник стало известно о возбуждении очередного уголовного дела против предпринимателя, которого обвиняют в уклонении от уплаты налогов* (Новый регион, март 2004).

Нами отмечены также случаи употребления слова *зачистка* для обозначения ущерба, деградации в области морально-этических отношений: *В советский период в России была произведена духовная*

зачистка, и религиозно-культурное возрождение теперь приходится начинать почти с нуля (Огонёк, окт. 2006). Заметим, что для адекватной интерпретации иностранцем подобного словоупотребления может понадобиться определенный исторический комментарий, ознакомление его со спецификой культурной, а в особенности – религиозной жизни в период СССР.

Широкое распространение эвфемизмов в языке современных СМИ, активно формирующем стереотипы речевого поведения, закономерно предполагает тщательный анализ подобных лексем на занятиях по русскому языку как иностранному. Задача преподавателя в таком случае не только в адекватной семантизации эвфемистических номинаций, их обязательном декодировании для обнаружения истинного смысла высказывания, но и в максимально полном анализе «фоновых» знаний, рассмотрении тех причин, которые программируют создание не соответствующей реальности модели информационной действительности.

Неотъемлемой частью культуры любого народа являются слова, отражающие стереотипные знания о представителях соседних наций и народностей – этнонимы, т. е. «названия различных видов этнических общностей: наций, народов, племен и др.» [4, с. 548], среди которых различаются автоэтнонимы – самоназвания этносов и экзоэтнонимы – названия, данные представителям других народов. В качестве примера коннотативно отмеченных этнонимов могут быть рассмотрены лексемы *хохол*, *москаль*, *бульбаиш*, коннотативная семантика которых будет представлять несомненный интерес для иностранных учащихся.

В современных лексикографических источниках зафиксированы лексемы *хохол* и *москаль* («Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой»; «Словарь современной лексики, жаргона и сленга»; «Большой толковый словарь русского языка»). Этноним *бульбаиш* не отмечен в современных толковых словарях, определение данного слова находим лишь в «Большом словаре русского жаргона»: *бульбаиш* – '(шутл.-ирон.) белорус', что может быть косвенным подтверждением его относительной новизны.

Не вызывает сомнений тот факт, что неофициальные этнонимы *хохол*, *москаль*, *бульбаиш* выступают в качестве ключевых, актуальных слов новейшего времени, активно функционирующих в русскоязычном (и не только) медиапространстве. Анализ материала позволил выделить 4 группы контекстов:

1 – Собственно номинативное употребление единиц (*Тетка в сюжете выходит в слезах и рассказывает, откуда стреляют хохлы* (Омскрегион, окт. 2015); *А хохлы хитро переглянулись и сбили «Боинг» сами, чтобы на Россию все свалить* (FaceNews, авг. 2015); *Всему миру теперь не до хохлов* (Stock in Focus, сент. 2015));

2 – Оценочное использование этнонимов (*Французов «закрытые друзья» зовут «лягушатниками», белорусов – «бульбашами», нас россияне называют «хохлами»* (Газета.иа, июнь 2015); *Русские сплотили в едином могучем СССР хохлов, бульбашей, хачей и разных прочих бабаев* (365news.biz, янв. 2015));

3 – Актуализация семантики (*Французские «бульбаши»: почему западные фермеры переезжают в Беларусь и как учат своих коллег земледелию* (Столичное телевидение, окт. 2015));

4 – Новое, неузуальное значение слов (*Кстати, современник Гоголя Тарас Шевченко учился в Петербурге, там же создал все свои значительные произведения, служил в русской армии, то есть был москаль* (PolitRussia.com, сент. 2015); *В сентябре 1944 года освобождал Белоруссию и Западную Украину от оставшихся там немцев и «бульбашей» (людей, недовольных советской властью)* (Рязанские ведомости, июль 2015)).

Как видим, экспрессивные этнонимы *хохол, москаль, бульбаш*, выступающие в качестве собственно номинаций, слов-ярлыков, а также шуточных прозвищ представителей украинского, русского и белорусского этносов, представляют несомненный интерес для изучения в ходе занятий по РКИ [5, с. 254–255].

Таким образом, изучение коннотативной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному способствует развитию устной и письменной речи студентов, формирует умение правильно декодировать текст и адекватно воспринимать его, а также позволяет предупредить возможные ошибки, которые могут возникать при недостаточном владении культурно-языковым кодом. Лингвострановедческая направленность подобных занятий определяет отбор и специфику языкового материала, содержащего фоническую и безэквивалентную лексику, в то время как анализ таких единиц в составе определенного контекста формирует языковую, лингвокультурологическую и коммуникативную компетенцию иностранных учащихся.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
2. Геращенко, М. Б. Реактивизация лексики на рубеже XX–XXI столетий / М. Б. Геращенко // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2008. – № 1. – С. 24–29.
3. Стрижак, А. Л. Об изучении иностранцами номинаций-эвфемизмов в современных публицистических текстах / А. Л. Стрижак // Мат-лы Междунар. научно-методической конференции «Формирование языковой компетенции в процессе профессиональной подготовки специалистов: традиции, новации, опыт

внедрения современных технологий обучения», 24–25 марта 2011 г., г. Минск. – Минск : УО ВАРБ, 2011. – С. 63.

4. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.

5. Стрижак, А. Л. Этнонимы *хохол*, *москаль*, *бульбаиш* как актуальные слова нашего времени / А. Л. Стрижак // Славянская мифология и этнолингвистика : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т ; гл. ред. В. И. Коваль. – Гомель, 2015. – С. 234–237.

The article deals with connotative vocabulary as a source of information about the spiritual and material culture of a people, about the relationship of linguistic and extralinguistic factors in the history of a language, about the connection between language and culture. The subject of the analysis was the outdated and euphemistic vocabulary, as well as the ethnonyms of the Russian language.

УДК 811.161.1'367.335

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНЫХ СЛУЧАЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА ПОДЧИНТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Тимошенко

В статье рассматривается связь в сочетаниях с зависимым компонентом, выраженным несклоняемым существительным, и связь в сочетаниях с обнаруживающими элементы адвербиализации формами косвенных надежей существительного. Для первого случая приводится обоснование квалификации связи как управления. Для второго отмечается переходный характер связи, обусловленный неотчетливостью частеречной принадлежности зависимого компонента, и необходимость опоры при определении вида связи на выполняемую им синтаксическую функцию.

При изучении видов подчинительной связи в словосочетании у студентов и школьников часто возникает вопрос об определении характера связи, с помощью которой зависимый компонент, выраженный несклоняемым именем существительным, связан с главным словом (т. е. вопрос о связи в словосочетаниях типа *надеть пальто*, *слушать радио*). Отсутствие способности к словоизменению у зависимого компонента, как известно, является признаком связи примыкания. Средствами выражения связи в этом случае выступают интонация, порядок следования компонентов, смысловые отношения, а также грамматически зависимая функция одного из компонентов. Опора на такое грамматическое свойство зависимого компонента, как

неизменяемость, очень часто и приводит к определению вида связи в таких случаях как примыкания. Дополнительным аргументом в пользу подобного решения вопроса становится и то обстоятельство, что среди слов другой именной части – прилагательного – также имеются неизменяемые слова и связь с такими прилагательными в роли зависимого компонента словосочетания рассматривается как примыкание (*пальто реглан, вагон люкс, язык хинди*). Кроме того, в синтаксисе известна попытка выделения связи именного примыкания, и, хотя такие «примыкающие имена» (в случае признания этого вида связи как самостоятельного) употребляются в адвербальной или адъективной функции с определительным значением [1, с. 516; 2, с. 21], наличие самого термина, указывающего на возможность того, что имя существительное способно примыкать, также может «содействовать» определению вида связи в словосочетаниях типа *надеть пальто* как примыкания.

Нет сомнений в том, что связь в словосочетаниях подобного рода должна квалифицироваться как управление. Приведем некоторые соображения, убеждающие в справедливости данного утверждения.

Обобщая взгляды синтаксистов на сущность управления как вида подчинительной связи, Е. С. Скобликова в своей книге «Согласование и управление в русском языке» пишет: «Наиболее точно специфика управления определяется лингвистами, подчеркивающими предметный характер устанавливаемых управлением смысловых отношений» [3, с. 27]. Мы бы подчеркнули, что речь идет о грамматически предметном характере этих отношений, обусловленных принадлежностью зависимого компонента к категориально предметной части речи – существительному. Естественно, предметный характер отношений не может измениться в связи с тем, что в функции зависимого компонента словосочетания выступает существительное неизменяемое.

Основной причиной, часто затрудняющей определение вида связи в рассматриваемом случае, является противоречивость грамматической природы несклоняемых существительных. Морфологические характеристики заимствованных существительных типа *депо, интервью* (отсутствие формально выраженных внутрисловных показателей изменения по падежам и по числам) не поддерживаются их синтаксическим употреблением. В составе же конкретной грамматической конструкции падеж (и число) такого существительного определяется без труда на основе лексико-грамматических свойств определяемого слова, лексического значения и «формы» зависимого компонента, а также вопроса, который предопределяется свойствами обоих компонентов.

Показателем падежной формы существительного в русском языке выступает не только окончание, но и предлог, причем, как показывают наблюдения, роль предлога по направлению к современному языковому срезу

возрастает. По справедливому наблюдению В. В. Виноградова, русский язык является языком «переходного аналитико-синтетического строя», в нем «формы и функции падежей соотносительны с грамматической системой предлогов, с присущими им значениями» [4, с. 139].

Многими крупными русскими лингвистами отмечен тот факт, что внутри одного падежа (формы, имеющей определенное окончание) группируются совершенно разные значения. Например, в рамках родительного падежа выделяют родительный определительный (родительный принадлежности, субъекта, объекта, изъяснения и др.: *деньги сестры, правила игры, час обеда*), родительный количественно-отделительный (*пять дней, много работы; набралось народу*), родительный причинно-целевой (*сделать из жалости, похудеть от забот*) [4, с. 144–146]; творительный падеж при глаголе может обозначать: 1) орудие действия (творительный инструментальный: *колоть топором, писать мелом*), 2) деятеля, а также действующий предмет (*картина, написанная художником*), 3) объект действия (*заниматься музыкой*), 4) пространственные и временные отношения (*ехать берегом, возвратиться поздним вечером*), 5) способ действия (*петь басом, вышивать крестом*), 6) сравнение (*взвиться птицей, кричать петухом*) [см.: 5, с. 245].

Даже в тех естественных для русского языка случаях, когда падеж имеет выражение в окончании, за ним может быть закреплен целый ряд значений, дифференциация которых осуществляется только с помощью предлога, т. е. смысловая и грамматическая нагрузка на предлог возрастает. Особенно наглядно это явление представлено употреблением форм предложного падежа, в составе которых всегда имеется предлог. Так, внутри предложного падежа принято разграничивать изъяснительный (*знать толк в лесе, думать о доме*) и местный (*гулять в лесу, убирать в доме*). Окончание *-е*, свойственное данному падежу, как пишет В. В. Виноградов, таким образом опустошается (еще и потому, что его имеют существительные разных родов и склонений). Это окончание может наблюдаться при разных предлогах: *в дороге, на дороге, при дороге, о дороге*. «Следовательно, здесь различие падежных значений определяется различием предлогов. Здесь намечается столько же падежных категорий, сколько различается предлогов в составной падежной форме» [4, с. 144]. Таким образом, становится совершенно очевидным, что и при несклоняемом существительном предлог (вместе с другими грамматическими средствами) является показателем определенного падежа и, следовательно, определенного типа смыслового отношения, для выражения которого и предназначена категория падежа в языках типа русского. Понятно, что в подчинительном словосочетании падеж зависимой словоформы, а также предлог, при ней употребляемый, предопределяется также лексико-грамматическими свойствами главного

компонента; важную роль играют и особенности морфемной структуры слова, которая может требовать определенного предлога при зависимом существительном, сравн.: *отказаться от кофе, отъехать от метро, добежать до метро, войти в метро, подъехать к кафе, одеться в пальто, перейти через шоссе* и т. п.

Второй случай, вызывающий затруднения в определении вида подчинительной связи, представляют сочетания с зависимым компонентом, выраженным существительным, находящимся на пути перехода в наречие. Изменения в языке происходят постоянно, однако переход одной части в речи в другую может быть не завершен и слово может занимать промежуточное положение между двумя частеречными классами, в данном случае – между существительным и наречием. Невозможность четкого определения частеречной отнесенности слова, естественно, затрудняет определение вида синтаксической связи, поскольку основанием традиционной классификации видов подчинительной связи как раз и является принадлежность зависимого компонента к определенной части речи.

В письменный период существования русского языка класс наречий существенно расширился за счет производных, образованных на базе других частей речи. И в истории языка и в современном русском языке адвербиализации активно подвергаются разнообразные падежные и предложно-падежные формы существительного (сравн.: *сначала, вслух, всмятку, нараспашку, назубок, поневоле, назло, на лету* и т. п.). В случаях семантической изоляции или фразеологизации подобных словоформ их адвербиализация не вызывает сомнений: *в корне неправильная точка зрения, поговорить с глазу на глаз* и под. [4, с. 307]. Не вызывает сомнений и характер связи таких сочетаний с определяемым словом: это связь примыкания. Однако в случаях, когда процесс адвербиализации не закончен и нельзя определенно сказать, существительное или наречие перед нами, возникают затруднения в определении вида связи. Например, А. К. Федоров пишет: «Наречия или существительные с предлогами выделены в следующих словосочетаниях: *сидеть в обнимку, отмерить на глазок, идти на цыпочках, хороший на вкус?*» [6, с. 14]. Неопределенность ответа позволяет говорить о том, что «между управлением и примыканием существуют переходные случаи» [6, с. 18].

Среди прочих падежных форм, подверженных данному процессу, лингвистами особо подчеркивается положение творительного падежа, в результате лексикализации форм которого образуются, например, качественные наречия, называющие образ действия (типа *молчком, пешком, шагом, живьем, чудом*), наречия времени (*утром, зимой*), наречия места (*идти низом, стороной*). Однако и в подобных случаях нельзя определенно сказать, что процесс адвербиализации завершен и мы

имеем дело со сформировавшимся наречием, которое связывается с определяемым словом связью примыкания. Так, еще А. А. Потебня указывал на то, что на полпути к наречию находятся формы творительного со значением сравнения (типа *лететь стрелой*) [см.: 4, с. 305]. Надо полагать, что незавершенность процесса адвербиализации в таком случае осознается, кроме того, на фоне синонимичной конструкции, в которой значение сравнения выражается субстантивным оборотом с частицей *как*: *лететь как стрела*. Неокончателен переход в наречие творительного времени, сравн.: *приехать утром – приехать ранним утром*, во многих случаях творительного с качественным значением: *войти быстрым шагом*. Подобное положение дел характерно и для других падежных форм, сравн.: *Нельзя на полном скаку заворачивать назад – сломаешься* (В. Распутин) [7] и *остановить на скаку; жить в ладу – жить в полном ладу*. Неполная утрата способности слова распространяться согласующейся с ним определительной словоформой свидетельствует о незаконченности процесса адвербиализации. Кроме того, адвербиализация не поддерживается и орфографической нормой. В случае раздельного написания наречий мы не задаемся вопросом, как нужно определить статус препозитивного компонента: нельзя же сказать, что наречие пишется раздельно **с предлогом**. Именно в таких промежуточных случаях вопрос о виде подчинительной связи встает особенно остро.

Говоря о подобных явлениях, в целом следует иметь в виду, что в определении частеречной принадлежности слова многими лингвистами на первое место выдвигается синтаксический фактор, а именно условия синтаксического употребления. Так, еще А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» писал о том, что слово как часть речи определяется в грамматике «в его отношении к предложению или вообще к речи» [8, с. 420]. В. В. Виноградов, перечисляя основания деления слов на части речи, на первое место ставит «различия тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения» [4, с. 38]. По-видимому, и в рассматриваемом случае решение вопроса о виде подчинительной связи должно зависеть от того, какую синтаксическую функцию выполняет словоформа и сохраняет ли слово в этой форме предметное значение.

Необходимо подчеркнуть, что в контексте всего сказанного становится понятной идея выделения в качестве самостоятельного вида связи именного примыкания. Более тонкая градация видов связи как раз и позволяет отразить явления, связанные с неотчетливостью, промежуточностью частеречной отнесенности зависимого компонента, с асимметрией его лексического и грамматического значения, когда сохраняются только формальные показатели существительного, но утрачивается категориальное значение

предметности и способность выполнять соответствующие предметным словам синтаксические функции.

Список использованных источников

1. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
2. Русская грамматика. Том II. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
3. Скобликова, Е. С. Согласование и управление в русском языке : пособие для учителей / Е. С. Скобликова. – М. : Просвещение, 1971. – 240 с.
4. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Тихонов, А. Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология) / А. Н. Тихонов. – М. : Цитадель-трейд, 2002. – 464 с.
6. Федоров, А. К. Трудные вопросы синтаксиса : пособие для учителя / А. К. Федоров. – М. : Просвещение, 1972. – 239 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 10.02.2019.
8. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

The article is devoted to the consideration of the type of subordinate connection in combination with the dependent component expressed by the indeclinable noun, and in combination with the dependent component expressed by the form of indirect case of the noun, which reveals the elements of adverbialization. For the first case the substantiation of qualification of connection as government is given. For the second case, a transitional nature of the connection is noted. The transitivity is due to the indistinguishability of the dependent component belonging to a certain part of speech. Determination of the type of connection requires reliance on the syntactical role of the dependent component.

УДК 811.161.1: [81'37:94]:81'367.622

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ПУТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЯЗЫКОВОМУ ЗНАКУ

Е. И. Холявко

Статья посвящена проблеме обоснования роли лингвистической реконструкции в выявлении неконвенционального отношения к языковому знаку. Семантическая реконструкция выполнена с привлечением философского, культурологического и психологического материала.

На основании научных исследований по лексической семантике подтверждается идея соотнесения языковых различий с определенными чертами присущей тому или иному коллективу ментальности. Поскольку восприятие человеком окружающего мира определяется культурно-историческими условиями и реализуется через призму лексической семантики, особый интерес представляет семантическая реконструкция языковых фактов праславянской эпохи [1, с. 356–375]. Интердисциплинарное внимание к семантической реконструкции славянского слова «позволяет, с одной стороны, увидеть константы славянских культур, языковой картины мира разных славянских народов на разных этапах их развития, а с другой – понять, как трансформировались понятия, передававшие основные моменты культурной жизни – религиозные, личностные, исторические; эти семантические трансформации соотносятся с эволюцией культурных практик и социально-поведенческих моделей» [2, с. 37].

Представление о слове как элементе идеальной системы особого рода поддерживается регулятивной и волюнтаривной языковыми функциями, способствующими как коммуникации, так и генетически обусловленной автокоммуникации. Неконвенциональная трактовка языкового знака выявляется при лингвистической реконструкции, обуславливая пристальное внимание к внутренней форме слова. Духовная ценность слова подтверждается семантической реконструкцией соответствующей лексемы. Рефлексы праиндоевропейского корня **kleu-* // **klu-* представлены во всех индоевропейских языках, например: рус. *слово*, *слава*, др.-инд. *sravah* ‘слава’, авест. *sravo* ‘слово; учение; изречение’, греч. *κλέος* ‘слава’, лат. *clueo* ‘слышать, слушать’, класс. ‘слыть, считаться’, ‘быть, существовать’, литов. *klausa* ‘слух’ и т. д. В значении этого корня объединяются действия говорения и слушания. «Само по себе это обстоятельство заставляет предположить, что он обозначал не то, что понимается под «Словом» в современной европейской культуре, а нечто иное – некую цельную ситуацию, в которой «говорение» предполагает «слушание» и наоборот, «круговорот речи» или даже нечто более общее – «круговорот общения» [3, с. 381], что дает основу для формирования экзистенциальной семантики.

Указанная идея является проявлением фидеистического отношения к языку, неконвенционального восприятия языкового знака. Иисус, окончательное и полное откровение Бога, тоже изображается как Слово Божие, которое можно было и видеть, и осязать, и слышать. Слово Божие – полное откровение Бога о Самом Себе. «Выражение *Слово Божие* нередко употребляется в Библии, когда речь идет о Божиим откровении. Как мы можем узнать друг о друге через нашу речь, так и Бог дает

познание о Себе через Свои слова и дела... Слово Божие не всегда воспринимается на слух; иногда его можно увидеть» [4, с. 141]. Таким образом, феномен неконвенционального восприятия знака является основным психолого-семиотическим механизмом, создающим самую возможность фидеистического отношения к языку. Это то зерно, из которого вырастает вера в волшебные и святые слова. Безусловное восприятие языкового знака в той или иной мере и форме определяет взаимоотношения языка и мифолого-религиозного сознания [5, с. 44].

В соответствии с таким пониманием истина «проста, сверхъестественна и находится выше символов – «видимых условных знаков», прикрывающих «неизреченное и невидимое для многих знание». От Истины неотделима вера, у очага которой – очага истинной веры – пребывает и Сама Истина – Бог Слово. Христианское знание Истины самое простое и божественное. Оно – единая истина и единое простое Богопознание. Дионисий Ареопагит, поясняя эту мысль, пишет: «Как «Слово» же Бог воспевается священными Речениями ... прежде всего потому, что божественное Слово простотой превосходит всякую простоту и, от всего свободное, все сверхсущественно превышает. Это Слово представляет собой *простую и поистине сущую истину*, в согласии с которой, как чистым и необманчивым знанием сущих, существует божественная вера, постоянное утверждение верующих, истиной их и им истину утверждающее в непреложном тождестве»» [6, с. 91].

В апостольском старославянском языке слово рассматривалось как «божественный дар человеку, получившему от Бога не только дар речи, но и разум (сравн. *СЛОВО* ‘дар речи’, ‘разум’), ибо «слово – это ум, – говорит Максим Исповедник, – благодаря которому душа называется разумной». Поэтому понятие «слова» в средневековом сознании оказывалось связанным с ментальностью человека (сравн. *СЛОВЕСЬНЬ* ‘обладающий разумом’), с его способностью мыслить, ибо только обладая этой способностью человек мог прикоснуться к постижению глубин божественного логоса и через его познание обрести спасение. Отрицание же этой способности унижало человека (сравн. *БЕСЛОВЕСЬНЬ* ‘неразумный’, *БЕСЛОВЬНЬ* ‘неразумный’, *НЕСЛОВЕСЬНЬ* ‘неразумный’), переводило его в разряд бессловесных тварей [7, с. 249].

Слово соотносилось и с деяниями человека (сравн. *ГЛАГОЛЬ* ‘слово’, ‘событие’), причем деяния эти могли быть самыми разными: словом возносили хвалу Богу (сравн. *БЛАГОСЛОВЕСИТИ* ‘вознести хвалу’, *БЛАГОСЛОВЕСТИТИ* ‘восхвалять’), славили и прославляли (сравн. *СЛАВОСЛОВИТИ* ‘славить, прославлять’), обращались к кому-либо с речью (сравн. *ПРОСТЪТИ СЛОВО* ‘обратить речь к кому-либо, произнести речь’), словом же злословили и поносили (сравн.

ЗЪЛОСЛОВИТИ ‘злословить, поносить’), вступали в словопрения (сравн. *СЛОВОПРЪПИРАТИ СЗ* ‘вступать в словопрения, спорить’), сводили счеты (сравн. *СЪВЪШТАТИ СЛОВО* ‘свести счеты’), блудили (сравн. *СЛОВО ЛЮБОДЪИНОЕ* ‘прелюбодеяние как основание для развода’), держали ответ (сравн. *СЛОВО ВЪЗДАТИ*) [7, с. 249].

Вера в призывающую и созидающую силу слова, сопровождающегося могучим движением души, сильнейшим напряжением воли, энергетическим порывом, является неотъемлемой частью культа. Фидеистическое отношение к слову, обладающему повышенным внушающим воздействием, легко восстанавливается в традиционных ритуалах *поздравления, приветствия, благодарности*. Генетическая глубинная семантика соответствующих слов направлена на привлечение здоровья, присоединение энергии слова, установление обратной связи.

Именно в формировании языковой личности заключается дидактическая уникальность сакрального языка. Поэтому церковнославянская оболочка закономерна для многих слов эмоционально-ментальной сферы: *совесть* и *знание, надежда* и *отчаяние, благо* и *блаженство, вдохновение* и *воодушевление, радость* и *веселие, смирение* и *терпение, трудность* и *возможность, мудрость* и *спасение, просвещение* и *исцеление*. Следы словесной магии можно выявить в семантической истории формул брани как средства выражения сильных эмоций в нестандартной ситуации. Наконец, фасцинирующее воздействие обнаруживается при этимологии номинаций лиц, занимающихся медициной. Это не только очевидные *целитель, знахарь*, но и древнее *балии* ‘врач’ с тем же корнем, что и в *баять, больной, большой; врач* с несомненным родством корней в словах *ворчать* и *врать*. «Неудивительно, что в болгарском языке *врач* до сих пор означает ‘колдун’, а в сербском – ‘прорицатель’» [5, с. 61]. Здесь проявляется особое отношение к непрямому, ритмическому и поэтическому слову как средству магического внушения. Аналогичная модель лежит в основе семантики и заимствованного *лекарь*. Имитацией неразборчивой речи был корень в слове *волхв* и родственного *волшебник*. Та же модель вызвала к жизни глагол *шептать* со значением врачевания и соответствующие номинации *шептуха, шептунья*.

Первичная семантика всех приведенных лексем – явное свидетельство веры в воздействующую силу слова. Словом *боль* называли больного человека, мужчину, тем самым привлекая к нему добрые силы, убеждая в возможности выздоровления и внушая ему, что он *большой* и здоровый (*СЪДРАВЪ*, т. е. крепкий, как дерево). Генетическая общность корней в словах *боль, болей, большой, больше* является подтверждением акта древней психотерапии. *Болей* означает ‘становиться больше,

получать силу, выздоравливать'. Этот глагол «выражает побуждение к действию, в результате которого и приобретается здоровье <...> И само прилагательное *боль*, обозначавшее сильного, здорового, впоследствии породило два слова с усложнившимся морфемным составом, но прямо противоположных значений – сильного (*большой*) и слабого (*больной*)» [8, с. 97]. Зная особенности выражения древнего отрицания: отрицается тождество при наличии несомненного сходства, – можно установить внутреннюю форму слова *недуг*: «недужный сохраняет силу (он тоже сильный, могучий, на что и указывает корень *-дуг-*, который сохраняется в современном слове *дюжий*), но не всю, не полностью, а отчасти. Поэтому в древних текстах мы и отмечаем близость значения слова *недугъ* к «малосилию», а не к «бессилию»» [8, с. 98]. Аналогичный префикс можно выделить в церковнославянском *немошь*, а первичную семантику определить как 'малую мощь, слабую силу'.

Приведенные малочисленные факты свидетельствуют о многочисленных возможностях языка как трансцендентной силы, способной посредством слова духовно воссоздать человека. За языковым знаком стоит определенная природная энергия, однако не обуславливающая обязательной ее передачи, а требующая обязательного человеческого участия, созидающего эмоционально-волевого напряжения, при котором слово действительно способно стать делом. Об этом свидетельствуют подлинные факты, когда чудо исцеления внушающим словом творили святые подвижники или известные русские врачи. Не случайно в старославянском языке слово *ГЛАГОЛЬ* обозначало не только слово, но и событие [7, с. 249].

Духовная ценность церковнославянского слова обусловлена единством сакрального содержания и соответствующей формы. Показателен, например, приведенный еще М. В. Ломоносовым перечень главных душевных дарований (*понятие, память, соображение, рассуждение, произволение*), страстей (*радость и печаль, удовольствие и раскаяние, честь и стыд, надежда и боязнь, упование и отчаяние, гнев и милосердие, любовь и ненависть, удивление и гнушение, желание и отвращение*), добродетелей (*мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, тицивость, благодарность, великодушие, терпение, праводушие, незлобие, простосердечие, искренность, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, уклонность, скромность*), пороков (*безумие, нечестие, роскошь, нечистота, лютость, скупость, неблагодарность, малодушие, нетерпеливость, лукавство, злоба, лицемерство и ласкательство, продерзливость, непостоянство, леность, сварливость, упрямство, грубость, самохвальство*), чувств (*зрение, слышание, обоняние, вкушение, осязание*), внешних состояний (*благородие*

и *неблагородие, счастье и несчастье, богатство и убожество, слава и беславие, власть и безвластие, вольность и порабощение*), телесных свойств и дарований (*возраст, век, пол, сила, красота, здоровье, проворность*) [9, с. 103].

Именно происхождением до настоящего времени объясняется жизнеспособность церковнославянских морфем при образовании отвлеченных или (и) терминологических номинаций. Забвение истоков высокого стиля, невозможность разрыва формы и смысла неизбежно сказывается на состоянии языка, отражающего внутреннюю силу и авторитет страны этого языка. Утрата неактуальной ныне высокой формы выражения оборачивается утратой высоких смыслов. В. В. Колесова справедливо считает: «...снятие высокого стиля, разрушение норм и дискредитация классических текстов-образцов приводят в конечном счете к истреблению символических слов и образных понятий национальной ментальности, которые сохраняют нацию во времени и пространстве. Когда *соборность* заменили коллективом, *совесть* – сознательностью, *согласие* – консенсусом, *торжество* – фестивалем, *положение* – ситуацией, *честь* – престижем, *службу* – сервисом, *любовь* – сексом и т. п., разрушилась гармония отношений, которая определялась образным смыслом коренных славянских слов. Символ заменялся словом родового значения, гиперонимом, логическим вытесняется психологическое, то самое личное чувство каждого человека, которым одухотворяется жизнь и человека, и общества, и отдельного слова» [10, с. 147]. Таким образом, церковнославянская форма остается веками испытанной и надежной формой выражения высокого содержания.

Обращение к истокам семантики слова позволяет осознать закономерности развития русского литературного языка, бережно относиться к его достоянию. Предпринятый подход свидетельствует об актуальности интерпретации языковых единиц как духовного наследия.

Список использованных источников

1. Куркина, Л. В. Система пространственных представлений древних славян (по материалам лексики) / Л. В. Куркина // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. – М. : Наука, 2003. – С. 356–375.

2. Молдован, А. М. Пути славистики в современном мире / А. М. Молдован // Доклад на XIV Международном съезде славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. – М. : ОИФН РАН, 2008. – 44 с.

3. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры – изд. 3-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.

4. Словарь библейского богословия // Библейская энциклопедия. – М. : Российское библейское общество, 2004. – С. 141–158.

5. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
6. Постовалова, В. И. Истина, добро и красота в учении о божественных именах Дионисия Ареопагита / В. И. Постовалова // Логический анализ языка. Языки эстетики : Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2004. – С.78–110.
7. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.
8. Колесов, В. В. Древняя Русь : наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – 326 с.
9. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – Т. 7 : Труды по филологии (1739–1758 гг.). – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 995 с.
10. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб. : «Златоуст», 1999. – 368 с.

The article is devoted to the problem of substantiation of the role of linguistic reconstruction in the identification of unconventional attitude to the linguistic sign. Semantic reconstruction is carried out with the involvement of philosophical, cultural and psychological material.

УДК 811.161.1'42:398.91(=161.1)

О «ДЕЙСТВИЯХ» КОТА ЕВСТАФИЯ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Н. И. Шабулдаева

Статья посвящена описанию функционирования русских пословиц со значением 'в лицо выказывать доброжелательность, а за спиной причинить вред'. Исследуется время и частота использования этих пословиц, а также возможные их преобразования.

В большом количестве русских пословиц, с любовью собранных В. И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа», в разделе «Прямота – лукавство» имеется группа пословиц, построенных на противопоставлении и имеющих значение «кто в лицо выказывает доброжелательность, может за спиной причинить вред» [1, с. 65]. В пословицах главное действующее лицо редко названо именем собственным, но в этой группе есть такая: *Кому скоромно, а нам на здоровье (сказал кот Евстафий, постригшись и посхимнившись, да поймав мышку)* [2, с. 411]. Приведем ряд пословиц, наиболее ярко выражающих указанное значение: *Мягко стелет, да жестко стает; Приветлив стлать, да жестко спать; Говорит направо, а глядит налево;*

Иудино лобзание; На языке мёд, под языком лёд; Уста ихъ мягче масла, а въ сердцѣ ихъ вражда; слова ихъ нѣжнѣе еля, но они суть обнаженные мечи; Сладко говоришь и добро мягко стелешь; Говоритъ прямо, а делаетъ криво; В глаза ласкает, а по заглазье лает; Бархатный весь, а жалъце есть и др. [2, с. 412–414].

В данной статье ставится цель проанализировать функционирование таких пословиц в современном русском языке. В качестве инструмента исследования используются тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3].

Ю. П. Герман в историческом романе употребил пословицу, в которой фигурирует кот Евстафий: – *Как в сказке сказывается про кота Евстафия: кому скоромно, а нам на здоровье, молвил кот Евстафий, постригшись в монахи, да приняв схиму, да съев в придачу мышку...* (Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть первая (1952)). Можно видеть, что расхождения с вариантом, приведенным в сборнике В. И. Даля, незначительные: *посхимнившись – приняв схиму и поймав мышку – съев мышку*. Конструкция *приняв схиму* более употребительная, чем деепричастие *посхимнившись*. В. И. Даль приводит ещё один вариант этой пословицы: *Постригся кот, посхимнился кот, а всё тот же кот* [2, с. 412]. В таком виде она ни разу не используется в текстах НКРЯ.

Пословица *Бархатный весь, а жалъце есть* дважды употреблена Д. С. Мережковским: *Бархатная мягкость движений, тихий бархатный голос, бархатная нежная улыбка, бархатные... брови: «бархатный весь, а жалъце есть», говорили о нем. Это был все тот же изящный и превосходительный господин тайный советник и кавалер, Петр Андреевич Толстой: черные бархатные брови, мягкий бархатный взгляд, ласковая бархатная улыбка, вкрадчивый бархатный голос – бархатный весь, а жалъце есть.* (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)).

Дважды в произведениях разных авторов была использована пословица *На языке мёд, под языком лёд*: – *Ишь, матушка, у тебя на языке мед, а под языком лед, да и на сердце тоже* (Н. Э. Гейнце. Дочь Великого Петра (1913)); – *На языке мед, а под языком лед?* (В. П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина (1888)). В. И. Даль приводит также вариант *На языке медок, а под языком ледок* [2, с. 413], но в текстах корпуса он ни разу не встретился.

Выражение *Иудино лобзание* зафиксировано четыре раза в текстах НКРЯ: *Полтора годами позже, в дни революции, я узнал из захваченных бумаг полицейского сыска, что этот человек успел послать донесение о моем предстоящем приезде в Россию: он был агентом тайной русской полиции. Иудино лобзание!* (М. А. Осоргин. Времена (1942)); *Еще лучше поступил Таганцев, который после дела Засулич на выпускном обеде*

правоведов предложил им тост за меня как за «доблестного представителя принципа» и потребовал, чтобы я выпил с ним брудершафт, дав мне при этом авансом **иудино лобзание**, а также прислав мне свой учебник с надписью «многострадальному А. Ф. Кони» (А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич (1904)); *Вот он идет за гробом, вот отдает брату последнее **Иудино лобзание**, две паскудные слезинки вытекли из его глаз* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)); «*Льстивое **Иудино лобзание** в предание Христа*» (Мф 26: 49) (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)).

М. И. Михельсон в качестве устойчивого выражения с интересующей нас семантикой приводит библейскую цитату *Уста ихъ мягче масла, а въ сердцѣ ихъ вражда; слова ихъ нѣжнѣе елѣя, но они суть обнаженные мечи*, взятую из книги Псалмов (54:22) [4, с. 219]. В НКРЯ находим одно употребление данного выражения: «*Уста ихъ мягче масла, а в сердцах ихъ вражда; слова ихъ нежнее елѣя, но они суть обнаженные мечи*», – писал в свое время царь Давид (псалом 54-й) (Н. В. Устрялов. Под знаком революции (1927)).

В словаре М. И. Михельсона (1896 г.) также фиксируется выражение *Сладко говоришь и добро мягко стелешь*, относящееся к царю Ивану Васильевичу (Сборникъ Кн. А. Оболенскаго № 6. Донесение Буковецкаго 1575 г.) [4, с. 219]. За полтора века до фиксации в словаре использована часть этого выражения *сладко говоря: Другіе говорятъ, что весьма нѣжности много Анакреонтъ имѣетъ, только лирою своею поруганіе здѣлалъ музамъ о подлыхъ и чрезъестественныхъ дѣлахъ столь **сладко говоря*** ([В. К. Третьяковский?]. О качествахъ стихотворца рассужденіе // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь–Іюнь 1755 года). А в 1932 году Ф. И. Шаляпин в своих письмах также употребляет это выражение: *Какой же это был изумительный рассказ! Остановится, отступит шага на два, протянет вкрадчиво ко мне – царю Борису – руку и так рассудительно, **сладко говорит**: Но знаешь сам: бессмысленная чернь Изменчива, мятежна, суеверна...* (Ф. И. Шаляпин. Моим детям (1932)).

Вторая часть этой пословицы *мягко стелешь* также не обойдена вниманием авторами. Приведем некоторые примеры: *Словно и не замечали они перспективу перехвата своего бизнеса от Би-Пи и других ТНК, которые **мягко стелют**...* (Иван-дурак и миллиардер Шахновский // «Завтра», 2003.08.22); «***Мягко стелет** – нужна российская поддержка операции в Ираке*», – *решили по завершении заседания некоторые его участники* (А. Лебедев. Посол США расставил акценты // «Известия», 2003.01.17); *Он еще **мягко стелет**, но я вижу, что это аморальный и жестокий азиатский сатрап* (Б. Г. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина (1980)). Обнаружены также примеры с главным словом причастием: *Аверьян*

Леонидович сразу понял, куда метит **мягко стелющий** судейский крючок... (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)); *А девы сидят в городском саду – нескананно женственные, **мягко стелющие**, понимающие* (Е. Пищикова. Город после мифа // «Русская жизнь», 2012).

Андрей Вознесенский использует прием перевода значения поговорицы из образного в буквальное, конкретное, прямое, что очень характерно для современной русской публицистики и рекламы: *Глаза ЦРУ будут гипнотизировать вас, будут показывать вас по телевидению, **будут мягко стелить** вам **постель**, предоставлять в ваше распоряжение красивейших женщин...* (А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)).

Можно видеть, что глагол *стлать* в данном случае используется в разных формах: настоящее – будущее время (всегда третье лицо) и причастие действительного залога настоящего времени.

Материал показывает, что части поговорицы *Сладко говоришь и добро мягко стелешь* не совпадают по времени употребления. По данным НКРЯ первая часть последний раз употреблена в 1932 году, а вторая часть стала активно использоваться с конца XX столетия.

По свидетельству НКРЯ, наиболее частотной в современном русском языке является поговорица *Мягко стелет, да жестко спать*. Она употребляется в различных модификациях. В первую очередь это касается форм глагола в зависимости от субъекта действия:

1) глагол стоит в инфинитиве: *«Вообще же, – пишет Клопакис о командовавшем в Рагузе командире, – генерал принял меня ласково, ни дать, ни взять как русская поговорица говорит: **мягко стлать, а жестко спать**»* (Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800) (1948));

2) глагол стоит в форме второго лица единственного числа: *Ты богослов. Да не однослов; **мягко стелешь, да жестко спать**; скажешь вдоль, а сделаешь поперек» **запряжешь и прямо, да поедешь криво!*** (В. И. Даль. Сказка о Шемякином суде и о воеводстве и о прочем (1857));

3) глагол стоит в форме второго лица множественного числа: *Итог: **мягко стелете, да жестко спать!** Вы много говорили о повышении производительности – к сожалению, иногда это выглядело лукавством...* (коллективный. Форум: Обсуждение статьи М. Прохорова «О «надомниках» и трудоголиках. Или как они живут совместно в нашем ТК» (2010));

4) глагол стоит в форме третьего лица единственного числа: *– Скоро окончательно все в свои ручки заберет. **Мягко стелет, да жестко спать**». Кто-то подхалимничал перед ней и открыто восхищался: молодец, дескать, баба – не теряется, не будь ее, давно разогнали бы*

всех... (Т. Моспан. Подиум (2000)); *Был он, видать, из тех, кто мягко стелет – жестко спать* (В. Дудинцев. Не хлебом единым (1956)); *Приезжали – мягко стелет, жестко спать – вежливый, ускользящий, изящный Зволянский и типично барственный бюрократ, снисходительно величественный министр внутренних дел Н. И. Дурново; – Его-то сиятельству, – Павел Кириллович, – и не верь: мягко стелет, жестко спать...* (Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898));

5) глагол стоит в форме третьего лица множественного числа: *Помните, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке и, когда мягко стелют, жестко спать* (А. Шубин. Путь к благополучию (2000)); *Ходили слухи, что он из тех политиков, которые «мягко стелют, да жестко спать»* (В. Куликов. На Гаити диссидента выбирали президентом // «Комсомольская правда», 1992); *Началась приемка, и несмотря что все власти, начиная с майора Цехановича, <...>, все мягко стелют, да жестко спать, так придирчива и медленна приемка...* (М. А. Бестужев. Дневник плавания по Амуру (1857));

6) глагол стоит в форме прошедшего времени: *Но, к сожалению, результат «следствия» от этого ничуть не менялся. Мягко стелили, но жестко было спать* (А. Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)); *Мягко стлал Евсей Евсеич, да видно спать-то жестко было, хотя Марфа Ивакиевна в этом неохотно сознавалась* (М. Ф. Каменская. Знакомые. Воспоминания былого (1861));

7) второй глагол стоит в форме будущего времени: *Кто его знает, этого Веденева, – подумал он, – мягко стелет, а пожалуй, жестко будет спать, в самом деле наврет, пожалуй, короба с три* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)).

Интересно отметить, что никто о себе не сказал: «Я совершаю это действие, т. е. стелю».

При использовании пословицы наблюдаются различные её изменения:

1) мена компонента: *Вся семья злилась и молчала; одна Александра Степановна не вытерпела и, сверкая круглыми, выкатившимися от бешенства зрачками, сказала: «Что и говорить, батюшка, книжница; мягко стелет, да каково-то будет спать!»* (С. Т. Аксаков. Семейная хроника (1856)); *Обещает Александр Анисимович и десант из-за границы и подмогу от кубанцев, мягко стелет, а каково спать будет?* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959));

2) расширение состава: *Мягко стлал Евсей Евсеич, да видно спать-то жестко было, хотя Марфа Ивакиевна в этом неохотно сознавалась* (М. Ф. Каменская. Знакомые. Воспоминания былого (1861)); *Кто его знает, этого Веденева, – подумал он, – мягко стелет, а пожалуй,*

жестко будет спать, в самом деле наврет, пожалуй, коробка с три (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881));

3) контаминация пословиц: *Один мягко стелет, другой сыплет соль на раны* (Ю. Богомолов. Ведущие вместе. Мода на парный конференс // «Известия», 2002.08.09);

4) изменение обычного порядка слов в пословице: *Говорил тихим и как бы спокойным голосом, но чувствовалось, что внутри его kloкочут страсти; принадлежал он к типу людей, про которых говорят: «Мягко стелет, да спать-то жестко!»* (Н. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930–1935));

5) использование однокоренного глагола с модификацией конструкции: – *Чудит господин ротный. – Мягко стелет, братцы, каково-то выспимся? И крест у него какой-то чудной* (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)).

Сама синтаксическая конструкция этой пословицы нередко претерпевает изменения. Исходной формой, вероятно, является *Мягко стелет, да жестко спать*, приведенная в словарях, это сложносочиненное предложение с союзом *да*. Но встречаются и варианты с союзами *а* и *но*: *Кто его знает, этого Веденева, – подумал он, – мягко стелет, а пожалуй, жестко будет спать, в самом деле наврет, пожалуй, коробка с три* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)); *Мягко стелили, но жестко было спать* (А. Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)). Встречается также структура сложноподчиненных предложений: *...когда мягко стелют, жестко спать* (А. Шубин. Путь к благополучию (2000)). Имеются примеры и бессоюзной связи: – *Его-то сиятельству, – Павел Кириллович, – и не верь: мягко стелет, жестко спать...* (Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898)).

Данная пословица вызывает интерес у пользователей интернета. Её значение рассматривается на примерах различных жизненных ситуаций, в которые может попасть современный человек. В первую очередь это связано с поиском работы и поведением потенциальных работодателей. «Сетевой маркетинг как пример. ...про любого представителя сетевой компании можно сказать: «Он мягко стелет, да жестко спать». Прием на работу, когда не говорят всей правды. Другой менее экстремальный и неприятный пример. Когда человек проходит собеседование на работу, наниматель или его представитель разливаются соловьями о том, какая хорошая и успешная у них компания, какие высокие требования, большая зарплата. Но ни слова не звучит о том, из чего эта зарплата складывается, как она формируется. Ни слова о задержках допоздна на работе, о деспотичном начальнике отдела. Представитель компании, в каком бы чине он ни был, «мягко стелет», да «жестко спать». Из примеров видно, что тональность

выражения негативная. Никому в голову не придет похвалить подобным образом. Потому что пословица «Мягко стелет, да жестко спать» говорит о двоедушии человека, что, конечно, его не красит [5].

По своему происхождению пословицы данной группы разнятся. Можно с большой вероятностью сказать, что большая часть их собственно русские. Некоторые восходят к библейским текстам или возникли на их базе: *Иудино лобзание; Уста их мягче масла, а в сердцах их вражда; слова их нежнее еля, но они суть обнаженные мечи.*

Ирина Маркина приводит следующее объяснение происхождения пословицы *Мягко стелет, да жёстко спать*: «Я “откопала” древнее объяснение этого выражения *Мягко стелет, да жёстко спать*. Это из двадцать шестой притчи Соломона, строка 25. В переводе Танаха часть дана как: семь мерзостей в сердце его. Эти слова о враге, который хотя и “делает нежным голос свой”, но замышляет недоброе. Отсюда всё выражение говорит о человеке двуличном, сладком на словах, но мерзком в мыслях и делах» [6].

Время употребления этих пословиц, по данным НКРЯ, разное: *Кому скоромно, а нам на здоровье, молвил кот Евстафий, постригшись в монахи, да приняв схиму, да съев в придачу мышку* – 1952 г.; *Бархатный весь, а жальце есть* – 1905 г.; *На языке мёд, под языком лёд* – 1888, 1913 г.; *Иудино лобзание* – 1751, 1875–1880, 1904, 1942 г.г.; *Уста их мягче масла, а вь сердцах их вражда; слова их нгъжнтье еля, но они суть обнаженные мечи* – 1927 г.; *Сладко говоришь* – 1755, 1932 г.г.; *Мягко стелешь (стелет)* – 1980-2012 г.г.; *Мягко стелет, да жёстко спать* – 1840–1948, 1956–1959, 1986–2000, 2010 г.г. Из приведенных данных видно, что на сегодняшний день реально используются только пословицы *Мягко стелет, да жёстко спать* (в различных модификациях) и её редуцированный вариант *Мягко стелет*. Это может свидетельствовать об обеднении речи говорящих.

Можно сделать вывод, что семантика данных пословиц всегда была и будет актуальна для человека. Эти пословицы различаются частотой использования. Одна из них оказалась доминирующей (*Мягко стелет, да жестко спать*), этим может быть объяснена высокая степень её модификаций.

Список использованных источников

1. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. – 125 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ННН, 2000. – 616 с.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 25.02.2019.

4. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон. – СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1896. – 609 с.

5. Мягко стелет, да жестко спать: значение и примеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fb.ru/article/242539/myagko-stelet-da-jestko-spat-znachenie-i-primeryi>. – Дата доступа : 25.02.2019.

6. Ответы@Mail.Ru: Подскажите, Мягко стелет, да жестко спать [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://otvet.mail.ru/question/27720274>. – Дата доступа : 25.02.2019.

The article is devoted to the description of the functioning of Russian proverbs with the meaning of 'in a person to show goodwill, and to cause harm behind your back'. The time and frequency of using these proverbs, as well as their possible transformations, are investigated.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ

Агаев Довлетгелди Алланазар Оглы, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Аксёничкова-Бирюкова Ангелина Александровна, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Алейник Роман Денисович, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Асенчик Елена Федоровна, преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Балаш Дарья Борисовна, соискатель магистратуры кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Белодед Виолетта Александровна, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Бойкова Светлана Николаевна, преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Борисенко Мария Сергеевна, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Васьковцова Светлана Олеговна, старший преподаватель кафедры «Славянские и романо-германские языки», Белорусский государственный университет транспорта.

Вольская Ирина Игоревна, старший преподаватель кафедры «Славянские и романо-германские языки», Белорусский государственный университет транспорта.

Гомонова Инна Геннадьевна, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Гуркова Ольга Сергеевна, аспирант кафедры белорусской и русской филологии, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина.

Дзвинковская Надежда Анатольевна, старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков, Белорусский государственный медицинский университет.

Додонова Анастасия Ильинична, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Ермоленко Елена Владимировна, заведующий кафедрой «Славянские и романо-германские языки», кандидат филологических наук, Белорусский государственный университет транспорта.

Жадейко Жанна Федоровна, учитель-методист, Государственное учреждение образования «Гимназия №14 г. Гомеля».

Завтрикова Полина Сергеевна, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Капшай Наталья Павловна, доцент кафедры русской и мировой литературы, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Ковалева Елена Валерьевна, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, кандидат филологических наук, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина.

Коваль Владимир Иванович, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания, доктор филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Козловская Маргарита Михайловна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, Гомельский государственный медицинский университет.

Кошевец Светлана Феликсовна, старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков, Белорусский государственный медицинский университет.

Кураш Сергей Борисович, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, кандидат филологических наук, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина.

Лаевская Татьяна Евгеньевна, преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина.

Лапицкая Надежда Ивановна, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Лещинская Ольга Алексеевна, профессор кафедры белорусского языка, доктор филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Мельникова Ольга Николаевна, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Ничипорчик Елена Владимировна, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания, доктор филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Осипова Тамара Анатольевна, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Поплавская Юлия Олеговна, магистрант кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Портнова-Шаховская Алла Владимировна, доцент кафедры русского языка как иностранного, кандидат филологических наук, Гомельский государственный медицинский университет.

Серикова Ирина Валерьевна, старший преподаватель кафедры русского общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Солодкая Оксана Ивановна, аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Стрижак Артем Леонидович, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Тимошенко Елена Ивановна, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Холявко Елена Ивановна, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Шабулдаева Наталья Ивановна, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Щецко Лариса Михайловна, преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина.

Юлдашов Фарух Кувандыкович, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Яблонская Ольга Геннадьевна, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, кандидат филологических наук, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аксёничкова-Бирюкова А. А.</i> Трудности русской орфографии в условиях русско-белорусского двуязычия.....	3
<i>Алейник Р. Д., Ничипорчик Е. В.</i> «Басня Крылова» в речи носителей русского языка.....	6
<i>Асенчик Е. Ф.</i> Особенности употребления сакральной лексики в русскоязычной поэзии начала XXI века.....	14
<i>Балаш Д. Б.</i> К проблеме обоснования генетической общности лексем <i>Каин</i> и <i>окаянный</i>	18
<i>Белодед В. А.</i> Этнометодика в преподавании русского языка как иностранного китайским студентам.....	24
<i>Бойкова С. Н.</i> Из опыта преподавания русского языка в условиях китайского вуза.....	30
<i>Борисенко М. С.</i> Художественная деталь «фрак» в поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголя.....	36
<i>Васьковцова С. О., Вольская И. И.</i> Координация действий преподавателей-предметников и русистов в процессе обучения иностранных студентов в техническом вузе.....	41
<i>Гомонова И. Г.</i> Корпус текстов русского языка в учебной деятельности иностранных студентов-филологов.....	45
<i>Гуркова О. С.</i> О некоторых «сферах-источниках» и «сферах прибытия» неометафор, связанных с электронной коммуникацией, в современной русской речи.....	51
<i>Дзвинковская Н. А., Кошевец С. Ф.</i> Из опыта создания практикума по фонетике русского языка как иностранного для продвинутого этапа обучения.....	55
<i>Додонова А. И.</i> Детские речевые инновации как способ освоения языка.....	59
<i>Ермоленко Е. В.</i> Поиски духовности в творчестве Ф. М. Достоевского и М. И. Горьцкого.....	63
<i>Жадейко Ж. Ф.</i> Исследование текста как один из приемов формирования компетенций в процессе обучения русскому языку.....	68
<i>Завтрикова П. С.</i> Идея социального единства в русской лингвокультуре.....	74
<i>Капшай Н. П.</i> Работа со словом при изучении художественного произведения: методические аспекты.....	79
<i>Ковалева Е. В., Яблонская О. Г.</i> Лексико-фразеологическая эквивалентность в близкородственных языках (на материале романа И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды» и его перевода на русский язык).....	83

<i>Коваль В. И.</i> О внутренней форме слова <i>упоительный</i>	88
<i>Козловская М. М.</i> Семантическая деривация в русском языке конца XX – начала XXI века.....	93
<i>Кураш С. Б., Лаевская Т. Е., Шецо Л. М.</i> Из опыта организации образовательной и воспитательной работы со студентами из числа иностранных граждан: к 10-летию Центра русистики МГПУ имени И. П. Шамякина	98
<i>Лапицкая Н. И.</i> Трансформация коннотативного значения устойчивого словесного комплекса <i>8 марта</i>	104
<i>Ляшчынская В. А.</i> Фразеалагічная рэпрэзентацыя эмоцыі страху ў беларускай і рускай мовах.....	107
<i>Мельникова О. Н.</i> О связи семантики физической силы с категорией модальности в русском и других славянских языках.....	113
<i>Осипова Т. А.</i> Концепт «жизнь» в поэтической картине мира Саши Черного.....	117
<i>Поплавская Ю. О.</i> Гендерно-маркированная лексика в ситуации эмоционального напряжения (на материале пьесы А. П. Чехова «Медведь»).....	123
<i>Портнова-Шаховская А. В.</i> Специфика преподавания русского языка как иностранного англоговорящим студентам медицинского вуза на начальном этапе обучения.....	128
<i>Серикова И. В., Агаев Д. А.</i> Литературная антропонимика в книге Махтумкули Фраги «Избранные стихи».....	133
<i>Серикова И. В., Юлдашов Ф. К.</i> Имена собственные с компонентом <i>кара-</i> (на материале повести К. Паустовского «Кара-Бугаз»).....	137
<i>Солодкая О. И.</i> К вопросу о словообразовательной модели девербативов с формантом <i>-лов(о)</i> в современном русском языке.....	143
<i>Стрижак А. Л.</i> Изучение коннотативной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному	148
<i>Тимошенко Е. И.</i> О некоторых трудных случаях определения вида подчинительной связи в русском языке.....	154
<i>Холявко Е. И.</i> Лингвистическая реконструкция как путь выявления неконвенционального отношения к языковому знаку.....	159
<i>Шабулдаева Н. И.</i> О «действиях» кота Евстафия в русских пословицах..	165

Научное издание

Русский язык в диалоге культур

Сборник научных статей

Подписано в печать 14.03.2019. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 10,46.
Уч.-изд. л. 11,44. Тираж 50 экз. Заказ 111.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

